НОЙ

ՆՈՅ

1992·1

НОЙ

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

МОСКВА
1992

Я, Вардван Варжапетян, основал это издание 21 сентября 1991 года в память о моем отце Варткесе ВАРЖАПЕТЯНЕ, матери — Анастасии ХОХЛОВОЙ, и в память о родителях моей жены — Мойше РАБИНОВИЧЕ и Цецилии ШЕЙНКМАН.

Добрые люди, оказавшие помощь нашему изданию:

АВАКЯН Юрий
АРУСТАМЯН Эрнест
БЕЙНФЕСТ Борис
ВАРЖАПЕТЯН Валерия
ГОРДОН Геннадий
ГРАНОВСКИЙ Евгений
ДОМБРОВСКИЙ Даниил
ЕРМИЛОВ Игорь
ИСАГУЛИЕВ Паруйр
КАНОВИЧ Григорий
КУЛИЕВ Комек
МАЛЬГИН Андрей
ОКУДЖАВА Булат
ПЕТРОВ Владимир
ПОЛЯКОВСКИЙ Альберт
САНОВИЧ Виктор
СУББОТИНЫ Валерий и Роза, и дети их — Валерий, Юлия, Софья, Георгий
ТРАВИНСКАЯ Татьяна

СПАСИБО ВАМ!

Сергей
АВЕРИНЦЕВ

Ограненные скалы Солима
над лоном могильного дола;
ограненный шатер Арарата,
что храм о кровле островерхой.

И горе, и древнее горе:

запрокинуто над камнем
горло уготованной жертвы,
певчая гортань, где молкнет
чудной молви щебет и лепет,
и разбито крыло птичье,
и круглая глава никнет
на тонком стебле обреченном,
отроческой вые Ицхака.

Кровь, на камни излитая
в заколении вековечном,
сама претворенная в камень,
что крепче всех камней на свете:

не петушья кровь, не ягнячья,
заповедная кровь человечья,
от камней вопиющая к небу
гласом уставного распева.

Кровь детей Авраама,
Гайка детей и Арама.

Струями она струится,
вопиет ко Отмстителю крови
Трубным зыком беззвучным,
и сызнова, и вовеки,

и струятся слезы Рахили,
и слезные, темные очи
горчайший дым разъедает,
дым от жертвы всесожженья,
и облак черный склубился
окрест неприступной тайны,
куста, что горит и не сгорает:

окрест лилии Шарона,

окрест розы Вардавара,

окрест славы Царя Машиаха.

январь 1992

Сергей АВЕРИНЦЕВ (род.1937) — замечательный филолог, историк литературы, переводчик, поэт. Член-корреспондент Академии наук СССР. Автор книг: «Плутарх и античная биография» (1973), «Поэтика ранневизантийской литературы» (1977), «От берегов Босфора до берегов Евфрата» (1987) и еще многих работ.

Возвращение Ноя

Беседа еврея и армянина.

В.В. Проще бы представиться, как положено: ты — Маркс Самуилович Тартаковский, я — Вардван Варткесович Варжапетян. Но сегодняшний читатель, уже по звучанию имен распознав в нас армянина и еврея, обратит Внимание прежде всего на это наше «качество»...

М.Т. Но мы и в самом деле выступаем здесь прежде всего в этом качестве — национальном. Нас тревожат судьбы наших народов — евреев и армян. Вот и назовемся — родовым именем, а не личным.

АРМЯНИН. Но мы собираемся говорить о геополитике и историософии — областях знания, касающихся, конечно же, не только армян и евреев. И вот еще что существенно. Если мы обращаемся на «ты» друг к другу, читателю ясно, что познакомились мы не вчера. И уже давно во взглядах твоих сквозит нечто, для меня странное. Как-то ты выразился определеннее: незачем-де евреям именно в Кремле, под сенью православных крестов, праздновать свою хануку. А ведь плясали и пели не в храме, а во Дворце съездов. Вот строительство партийного дома и было святотатством. Партсъезды уместно было проводить...

ЕВРЕЙ. А вот национальный еврейский праздник — неуместно. Я говорю о такте — в данном случае, политическом. Кстати, гостю надлежит больше заботиться о такте, чем хозяину...

АРМЯНИН. Значит, мы с тобой, родившиеся здесь, люди русской культуры — гости? Ты еще заметил, что порывистой Ларисе Пияшевой можно проповедовать «обвальную приватизацию» в России, либерализацию цен с ее неисчислимыми последствиями, а вот ее супругу — тоже известному экономисту, въедливому Борису Пинскеру — ни в коем случае! Понятно, что не черты характера имел ты в виду, а именно национальность — его и ее. Не значит ли это, что, скажем, не только напористому Виктору Шейнису не место в парламенте России, но и самому председателю, рассудительнейшему Руслану Хасбулатову — особенно теперь, когда Чечено-Ингушетия, выдвинувшая его депутатом, объявила о своем полном суверенитете?

ЕВРЕЙ. Кажется, Илья Ильф заметил, что есть звезды незаслуженно известные: например, Большая Медведица. Я в полной мере еврей, даже дети мои — евреи, хотя, наверное, удобнее было б им считаться русскими — по матери. Как литератора и историка меня не раз приглашали принять участие в антиизраильской свистопляске прошлых лет — я не соблазнился ни на какие обещанные блага. И мне особенно противно, когда люди, так или иначе соблазнявшиеся на эти блага, кричат мне, что я — «плохой еврей», потому что я признаю определенные права палестинцев и предлагаю свой проект решения ближневосточного конфликта — вероятно, не бесспорный... Меня как-то смущает излишний шум вокруг евреев, взлелеянное этим их собственное высокомерие. Какое-то патологическое неуважение так называемых русских патриотов к родному народу в том, что «0,69 процента» населения (сегодня, наверное, еще меньше) объявляются причиной бед огромной страны. Процент русских в Израиле наверняка больше, чем евреев здесь, — ну и что?!

АРМЯНИН. Успокойся. И армяне «незаслуженно известны» — и во времена, когда Лорис-Меликов был царским министром, и тогда, когда Анастас Микоян был сталинским наркомом, и в наше время... Есть что-то фатально общее в судьбах наших народов, начиная с древности, когда почти синхронно возникли государства в Ханаане и на нагорье, которое позднее будет названо Армянс-

ким; раз за разом государственность эта вытаптывалась могущественными соседями — и возрождалась вновь. Сотни тысяч уводили в плен и казалось, что не осталось на земле ни армянина, ни еврея. «При реках Вавилонских сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе» — это евреи. А вот итальянец Джованни Анджолелло, попавший в рабство к туркам, рассказывает, как османы, взяв Токат и Сивас, двинулись на Эрзинджан: город опустел, только один священник-армянин не захотел уйти, он сидел на пороге церкви с книгой в руках. Старик был убит и город сожжен. Я часто думаю об этом старике...

ЕВРЕЙ. Надо сказать, что армянам и евреям еще повезло. Где жившие в восточном Средиземноморье и Двуречье халдеи и финикийцы, где шумеры и хетты, вавилоняне и арамеи? Где подпиравшие их с востока мидяне и парфяне? А ведь это были могущественные народы, внесшие к тому же огромный вклад в цивилизацию? Вообще-то не мудрено было исчезнуть именно здесь — на оживленнейшем перекрестке мировой истории. Интенсивность исторических процессов на Ближнем Востоке чрезвычайно велика. Позволю себе обратиться к своей работе, опубликованной еще в 1977 году. Называлась она «Вектор эволюции«, а эволюция — в природе и обществе — рассматривалась как процесс накопления информации: генетической в одном случае, сигнальной — в другом. Эти размышления привели меня к мысли об информационных потоках по лицу Земли, почти столь же явственных и стабильных, как течение рек. Потоки эти сливались, пересекались, разъединялись. Сама конфигурация материков подсказывала их примерное направление; рельеф поверхности детализировал этот процесс. Так вот Ближний Восток, сочленяющий сразу три континента, был естественным перекрестком информационных потоков. Тогда как, скажем, район нынешнего Берингова пролива послужил единственно возможным сухопутным мостом между Старым и Новым Светом в эпоху, когда вследствие великого обледенения море несколько отступило. При заселении Австралии ту же роль сыграл Зондский архипелаг. Тогда как тупиками, само собой, стали южные и некоторые другие разобщенные оконечности материков...

АРМЯНИН. Это, вероятно, и оказалось решающим в исторических судьбах целых регионов. На перекрестках континентов сложились древнейшие цивилизации (и на перешейке между двумя Америками — тоже); эллинская эстетика соединилась с еврейской духовностью, как кислород с водородом, и возникло мировоззрение величайшей взрывной силы — христианство. Как за много веков до того здесь же впервые оформилось единобожие — иудаизм, а еще через несколько веков ислам. Тогда как тупиковые (в информационном значении) оконечности Африки, Южной Америки, Австралия в целом и особенно Тасмания явились заповедниками глухой первобытности. Здешние народы как бы вообще «выпали в осадок» мировых процессов.

ЕВРЕЙ. И вот еще что важно и пока не отмечено исследователями, — исчезли прежде всего имперские народы, великие уже хотя бы самой своей численностью...

АРМЯНИН. По Марксу, не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. По Гегелю же, развитие принципа свободы, его внедрение в мирские отношения составляет самую суть истории.

ЕВРЕЙ. Не думаю, что завоеванные народы оказывались свободнее своих поработителей. Но есть горькое преимущество побежденных: они вынуждены приобщаться к поглощающей их культуре. Их духовный запас, бесспорно, умножается. Были бы у Израиля пророки, если б нашествия не следовали одно за другим: египтяне и ассирийцы, вавилоняне и селевкиды, римляне и византийцы? Духовный опыт армян тоже приумножался несчастиями; и они вечно были между молотом и наковальней: между Персией и Элладой, между Парфией и Римом, скифами и арабами, Византией и турками. Победители нечувствительны обычно к духовным приобретениям. Это характерно и для Нового времени. Многое ли приобрели англичане у шотландцев или ирландцев? Тогда как без английского завоевания немыслим был бы ни гений единбуржца Адама Смита, ни гений дублинца Джонатана Свифта, ни художественные открытия Джеймса Джойса, Бернарда Шоу. Евреям и армянам довелось столетиями обслуживать иные культуры, обогащая этим собственное национальное самосознание. И вклад в этом случае тем значительнее, чем свободнее чувствует себя художник.

АРМЯНИН. Ты, кажется, уже расписываешь «счастье» побежденных. В 1915 году, когда турки резали армян, семья моего отца бежала из Вана. Там погиб его старший брат, мать и еще двое детей потерялись в дороге. Мне рассказывала родственница, а ей — ее мать про армянку из Вана, которая бежала, успев схватить только спеленутого младенца и хлеб-лаваш, завернутый в холстину. Перебираясь через реку, женщина стала тонуть и, спасаясь, бросила хлеб, чтоб ухватиться за камень. А когда выбралась на берег, увидела, что не хлеб она бросила, несчастная, а свое дитя. Спустя четверть века мои родители и я в утробе матери эвакуировались, когда немцы подступили к Москве. Родился я в Уфе, в сентябре 1941 — может, в одном роддоме с Сергеем Довлатовым, который тоже родился в эвакуации, в Уфе, в сентябре 41-го. Я верил, что мы встретимся, но вот не довелось... А в январе 1991 года уехал в Израиль мой сын. Вот такое столетие для нашей семьи — три поколения беглецов, беженцев, эмигрантов...

ЕВРЕЙ. Моему появлению на свет подсобили сходные обстоятельства. Если бы не погромы гражданской войны на Украине, мой отец (он из Черкас) и моя мать (она из Сквиры) никогда не встретились бы в третьем месте, в Бердичеве, где и поженились. Ну, а в июле 41-го, «как положено» (иначе мы бы с тобой сейчас не разговаривали), мы из Бердичева бежали и прошагали пешком

за телегами ремесленного училища, где папа работал, километров 600 — до Полтавы. Оттуда уже — поездом, в теплушках... Главное — успели проскочить под бомбежкой Каневский мост через Днепр. Нет, пожалуй, еще большее везение в том, что вышли из Бердичева буквально накануне прорыва прямо на этот город 1-й танковой группы генерал-полковника фон Клейста, приданной 6-й германской армии под командованием фельдмаршала фон Рейхенау. Что было бы, если б танки эти не развернулись далее на юг — на Первомайск, в окружение Уманского «котла», а двинулись бы на восток, вслед за нами, пешими?..

Война, скажут... О себе ли тут рассчитывать? Если один Уманский «котел» в 41-м — свыше 100 тысяч советских военнопленных.

Когда после войны я вернулся в Бердичев и поинтересовался судьбой прежних соседей, на меня только руками замахали.

— Евреи? Тех всех согнали в ангары за ятками. Там же и закопали. Тут же немец стоял — что вы хотите!.. У него бухгалтерия! Если б мадьяр или румын, еще можно бы на что-то рассчитывать...

— Румыны лучше? (Тут уж заспорил кто-то). А курей кто крал? Кто девок триппером перепортил? Да помойное ведро за порог выставь — и нету ведра! У меня два пропало. А блох от них!

Какие тут уж претензии, если б немцы только девок портили...

А этот Вальтер фон Рейхенау — я по документам проследил — умер год спустя своей смертью, от инфаркта; Эвальд фон Клейст дал дуба уже после войны, в 54-м (правда, в заключении, как военный преступник). А потомки их, надо думать, и сейчас процветают.

АРМЯНИН. У тебя к немцам, знаю, особое отношение... А тебе никогда не хотелось вынести из пережитого практический урок, и уехать в Израиль. Ведь у тебя четверо детей — от карапуза до студента. Тебе не страшно за них?

ЕВРЕЙ. Ты забыл моего первого ребенка — дочь, она уже сама мать. А муж ее — русский, и из России никуда не стронется. Но главное даже не это... В «Независимой газете», где не раз публиковались мои соображения насчет ближневосточных дел, как-то напрямик спросили: «Почему вы не едете в Израиль? Что вас здесь держит?» Как ответить? Что, мол, люблю русский язык, само его звучание? У меня какое-то, бесспорно патологическое, отвращение к другим языкам (кроме украинского, я окончил украинскую школу). И, конечно, сегодня уже не поймут мою благодарность русскому народу, который, спасая себя, спас и меня тоже. Странно, но до сих пор не могу простить французам, которые в 40-м году не продержались и месяца, а в 45-м самоуверенно разделили лавры с победителями.

АРМЯНИН. Вероятно, у поражения французов много причин, но главный виновник — гитлеризм. И равнодушие политиков, наблюдавших, как Германия набирает силу, заглатывая одну страну за другой. Выступая в августе 1939 года на секретном совещании в Оберзальцбурге, Гитлер, готовя «окончательное решение еврейского вопроса», особо подчеркнул: «Кто же теперь, в наше

время, помнит об истреблении армян в Турции?..» А ведь к тому времени после резни прошло всего четверть века!

Судьбы евреев и армян прочно связаны в общественном сознании. Мандельштам очень точно назвал Армению младшей сестрой земли иудейской. Армян считали «евреями Востока», шутили: «один армянин двух евреев переторгует». И то сказать, армянские купцы дошли аж до Китая, причем задолго до Марко Поло. Интересно, что и в русском языке (см. «Толковый словарь» В.Даля) есть названия: «армянский камень» и «еврейский камень».

ЕВРЕЙ. Есть даже пласт фольклора у самых разных народов, посвященный предприимчивости как армян, так и евреев: анекдоты, пословицы, поговорки, сказочные истории. Это не только характерный, но и уникальный культурный феномен. И уж, конечно, никакая нация не занимала столько места в сознании иных народов как евреи. Вспоминается случай, казалось бы совершенно далекий от наших рассуждений. В конце прошлого века английский археолог Флиндерс Питри вел раскопки древнеегипетского храма. Помимо прочего была найдена огромная стела с письменами. Но чтобы прочесть их, пришлось прорыть под ней землю и, лежа на спине в образовавшемся туннеле, разбирать иероглиф за иероглифом. Сотрудник Питри вылез из-под плиты и сказал, что в надписи перечислены названия различных сирийских городов «и одно, которого я не знаю, — Исирар»... Историк И.Крывелев описывает произошедшее дальше. «Полез под стелу сам Питри — и вдруг оттуда раздался его неистовый крик: «Да ведь это же Израиль!»... Он сказал своим товарищам: «Эта стела будет известна в мире больше, чем все, что я нашел до сих пор». Так говорил человек, многочисленные открытия которого к этому времени уже сделали его знаменитым во всем мире. И он был в значительной мере прав: находка затмила многое, что было им до тех пор сделано. Обнаружено было первое в египетских памятниках упоминание Израиля».

Александр Македонский разнес искры эллинского пламени во все уголки тогдашней ойкумены, но в самой Элладе оно тут же стало гаснуть. Что извлекала Испания из своих необъятных американских колоний? Лишь золото, серебро и экзотические товары. Я бы даже сказал, что именно после открытия Америки Испания прежде всего «обогатилась» инквизицией. Ровно пятьсот лет назад, именно в год открытия Америки, был принят варварский указ, предписывавший евреям переходить в католичество или покинуть Испанию. Но этого показалось мало. Инквизиция преследовала даже маранов — выкрестов, обвиняя их в тайной приверженности иудаизму. Такие вот «достижения» страны, открывшей и завоевавшей целые континенты культуры на западе и на востоке... Тогда как культура расцветала в возрожденческой Италии, лишенной глобальных амбиций.

Может быть, самый наглядный пример — монголы, завоевания которых по обширности не сравнимы ни с какими другими. А вер-

нулись они в пределы родной Монголии почти такими же первобытными, как и вышли из нее. Завоевания ничуть не обогатили их духовно. Точно и не было никакого соприкосновения с десятками культурных народов, так, самая малость материальных приобретений... Тогда как, скажем, покоренная Русь, испытав все ужасы нашествия, не только обогатила словарный запас множеством иноземных понятий, не только унаследовала ямскую службу, некоторые технические достижения, но и саму идею государственности. Монголы как бы оставили русским всю их будущую империю...

АРМЯНИН. Но есть и другие «приоритеты» у, так сказать, «малых сих». Инородцу труднее «выбиться в люди», хотя бы просто стать вровень с представителями господствующей нации в социальном отношении. Идет жесточайший отбор и вместе с тем выковываются особые качества — еврея в бывшей «черте оседлости», армянина в Стамбуле или на Ближнем Востоке. Вспомним, что и Эйнштейну и Фрейду даже в цивилизованной Европе при случае в молодости напоминали, что они «всего лишь» евреи и «должны знать свое место». А давление рождает ответное сопротивление, формируется личность.

ЕВРЕЙ. Мы коснулись сейчас самой зыбкой константы...

АРМЯНИН. Константа это постоянная величина.

ЕВРЕЙ. Так вот, определение национального характера — величины, беспорно, постоянной в пределах эпохи — чрезвычайно зыбко. Многие уверяют, что это вообще фикция; в этом их, кажется, в первую очередь убеждает то обстоятельство, что Сталин в свое определение нации включил и национальный характер. До сих пор мы оба наперебой выпячивали позитивные черты своих народов. Но всякое явление имеет и оборотную сторону. Я вспоминаю евреев на бердичевском базаре, на ятках, — и мне опять становится почти так же стыдно, как тогда, в далекие довоенные годы. А ведь я был совсем ребенком, родился и воспитывался в той среде; и если мне было тогда стыдно, значит нарушались какие-то коренные, общечеловеческие, едва ли не естественные нормы морали. На ятках яростно торговались, это понятно. Но в самих этих криках, спорах, ругани звучало и нечто еще — пренебрежение к земледельцу, крестьянину, хуже того — к «гою», иноверцу. Еврей был пропитан высокомерием «избранничества». Ему казалось, что это он «сделал революцию» (официально воспринимавшуюся как благо), хотя на Украине дрались за власть самые различные шайки, и процент евреев в них был, вероятно, меньше, чем процентное соотношение населения. Еврей считал себя «образованным», хоть была это жалкая, местечковая «образованность» ремесленника, торгаша, квалифицированного рабочего. Тогда, в «сталинскую эпоху», в моде были политически безобидные шахматы и музыкальное исполнительство. Сообщение о том, что где-то какой-то пионер выиграл партию у профессора, тем более у академика, тиражировалось всеми газетами как свидетельст-

во наступления новой социалистической культуры. Под тем же соусом преподносились выступления на международных конкурсах юных советских вундеркиндов. Хочешь верь, хочешь нет, но меня, ребенка, коробило, когда мой папа (ничуть не глупый человек) неизменно подчеркивал, что Буся Гольдштейн (скрипач-виртуоз) — еврей, и Михаил Ботвинник — тоже еврей!

АРМЯНИН. В фильме «Мимино» водитель-армянин (Фрунзик Мкртчян) гордо заявляет, что армянская вода занимает в мире... «Первое место?» — ехидничает его приятель-грузин (Вахтанг Кикабидзе). «Нет, второе. На первом месте знаешь кто? Сан-Франциско!»

Всего лишь забавный эпизод? Но когда я, побывав на развалинах Ленинакана, добирался до Еревана (в грязной телогрейке, в монтажном шлеме), таксист, сразу сообразив, откуда я, восхищенно зацокал: «Клянусь, нигде такого землетрясения не было!»

Оказывается, идиот может гордиться даже бедствиями своего народа.

Вообще, если вспомнить, то все народы если не «от Адама», то «от Ноя». Это он выпустил в свет Сима, Яфета и Хама — прародителей трех ветвей человечества. Так что когда ковчег его в 1056 году от Сотворения Мира (по иудейскому летоисчислению) пристал к горе Араратской, это ничуть не знаменует первой встречи (пусть легендарной) евреев с армянами. И праотец Ной еще не еврей, и гора Арарат еще не армянская. Мир еще девственен, и в самом ковчеге львы возлежат вместе с ланями. Должно же было случиться, хотя бы ненадолго, когда доброта царила на Земле!

Я сейчас думаю не только о том, какими лютыми врагами могут стать соседи, которым и дальше жить бок о бок, а том, что высказал Шота Руставели: «Как вредим себе мы сами, даже враг нам не вредит».

Не так давно я проезжал один город. Поезд замедлил ход, шел совсем медленно, как похоронная процессия. Коробки унылых домов, дымные трубы, вспученный жарой асфальт, запах нефти, покрашенный серебрянкой памятник Ленину на привокзальной площади. Город как город, только его мостовые, его стены забрызганы несмываемой кровью армян.

ЕВРЕЙ. Сумгаит?

АРМЯНИН. Да. Но изгонять азербайджанцев из Армении — зачем? Жгли, резали, насиловали — одни, мстим — другим. Всего-то, наверное, сто тысяч азербайджанцев было в Армении — пахари и чабаны на каменистых плато Зангезура. Вспахана ли эта земля сейчас? Пасутся ли по склонам овцы? А, главное, с чем мы, армяне, идем к миру? С тем, что и мы, выходит, способны карать невиновных? Хотя, вроде бы, не убивали, не жгли живьем — хорошо хоть это.

ЕВРЕЙ. А вот теперь мы укоряем собственные народы. Раньше это позволяли себе, кажется, только русские.

АРМЯНИН. А разве мы только гордиться обязаны нашими на-

вродами? И никогда не стыдиться за то, что творят армяне и евреи? Года два назад я задумал писать повесть о величайшем азербайджанском поэте Низами Гянджеви. Хотел ехать в Гянджу, но жена воспротивилась, испугалась за меня. Да и знакомые армяне осудили мою идею: «Низами — турок, в XII веке азербайджанцев и в помине не было».

ЕВРЕЙ. В XIII веке путешественники из Китая мар Ябалахи и раббан Саума скитаются, в частности, по «Адорбайгану» — стране к востоку от Армении. Что это, как не Азербайджан? Правда, в XIII веке.

АРМЯНИН. Азербайджанцы тоже резко выступили против оей затеи: мол, опять армяне суют нос в наши дела. Тогда я напечатал в «Независимой газете» открытое письмо азербайджанскому писателю: «Брат, вот моя повесть о Григоре Нарекаци, — от всего сердца дарю ее тебе. Пусть вместе с твоей книгой о Низами Гянджеви наш труд станет одной книгой — НАШЕЙ...»

Конечно, я понимал, что никакая книга не способна примирить людей, считающих себя врагами — даже Библия, даже Коран. Но я хотел напомнить армянам и азербайджанцам о том, как в 1417 году в Алеппо содрали кожу с азербайджанского поэта Имадеддина Насими, а спустя несколько десятилетий такой страшной смерти предали армянского поэта Хачатура Жигранагерци — за то, что он читал газели Насими.

ЕВРЕЙ. И кто из азербайджанских писателей откликнулся на твое письмо?

АРМЯНИН. Никто. Но я не считаю его напрасным. Мне было важно сказать азербайджанцам, что убийцы армян не принадлежат к народу Низами и Насими. Убийца, а не народ, должен отвечать за убийство.

16 декабря 1988 года я с эшелоном московских строителей приехал в Ленинакан. Ничего более страшного я в своей жизни не видел: развалины и гробы. И трупный смрад. Конечно, землятресение было ужасным, но город обязан был устоять. «Смотри, даже следов сварки нет», — показывал мне на стыки панелей сварщик Женя. «Сдадим досрочно, с меньшими затратами!» — вот такую эпитафию написали на могилах своих близких те, кто воровал цемент, делал раствор из гравия и песка, поставлял дрянные бетонные плиты, которые можно пробить ударом кувалды. Да, это страшно, немыслимо, чудовищно, но руки армянских строителей по локоть в армянской крови. Многие из них и сами нашли гибель под развалинами. А ведь древний Ширак — колыбель армянского зодчества; здесь испокон века жили искусные архитекторы, каменотесы, строители, воздвигшие дивный град Ани. В 989 году землетрясение разрушило Софийский собор в Константинополе, и византийский император пригласил армянских, как мы бы сейчас сказали, реставраторов.

Помню, как люди карабкались по руинам, вытаскивали из-под развалин фотографии, осколки посуды, тапочки — хоть что-то в

впамять о погибших близких. Пожилой мужчина в сломанных очках бережно выбирал раздавленные книги, складывал на крышку гроба. Я никого там ни о чем не распрашивал, но его, по-моему, учителя, все-таки спросил: «Как же случилось, что народ-строитель разучился строить?» Он удивленно посмотрел на меня. «Строить?.. Да мы жить разучились. Жить! Вот что самое страшное».

Наверное, так, если до сих пор многие пострадавшие от землетрясения все еще живут во времянках... А тогда, в Ленинакане, знаешь, что меня еще поразило? Больше, чем о землетрясении, говорили о Карабахе. Потому, мне кажется, что тектонические разломы нельзя ненавидеть, а азербайджанцев — можно. Это ужасно, когда люди испытывают потребность в ненависти. И когда я заикнулся, что обстоятельства могут заставить армян уйти из Карабаха, на меня смотрели, как на предателя. А недавно я был в Армянском постпредстве на встрече журналистов с баронессой Каролиной Кокс — заместителем спикера палаты лордов парламента Великобритании, вернувшейся из Карабаха. В пресс-конференции принял участие и Зорий Балаян — журналист, депутат, политик. Я задал ему вопрос: «Думаете ли Вы, что Азербайджан когда-нибудь признает независимую Карабахскую республику?» Балаян ответил: «Речь идет вовсе не о том, признает или не признает Азербайджан Нагорно-Карабахскую республику». Да, для многих армян Карабах — родина, но абсолютное игнорирование интересов противной стороны просто исключает саму возможность диалога с Азербайджаном, вскрывает вены Карабаху вместо того, чтобы наложить на рану жгут.

ВРЕЙ. Ультрапатриоты «хороши» всюду. В Израиле они грозят развалить правительство при малейшем намеке на какую-то уступку палестинцам. Но без уступок друг другу, хотя бы минимальных, вообще не о чем договариваться! Сегодня неуступчивость выгодна, казалось бы, израильтянам: Россия не подпирает больше арабских экстремистов. А завтра? Пусть Израиль не лодчонка в арабском море, сравним его с ракетным катером. Но море — это море... Сколько бы евреев ни эмигрировало в Израиль, демографическая ситуация в пределах исторической Палестины уже через треть века сложится не в их пользу. Рождаемость у евреев в полтора раза ниже, чем у арабов, смертность — из-за общего старения населения — в полтора раза выше. В начале века едва ли не весь мир с энтузиазмом повторял слова песни: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...» — сочувствовали бурам Южной Африки, воевавшим с англичанами-колонизаторами. Сегодня колонизаторами считают самих буров, сочувствуют черному большинству Южной Африки, самому сытому на всем этом континенте, но подвергшемуся унизительному апартеиду. Даже голландцы, кровные братья буров, выходцев из Нидерландов, равнодушны к их судьбе. Белое правительство меньшинства вынуждено ид-

вти на уступки; «в идеале» оно должно бы уступить место правительству большинства — черному, представляющему униженные (пусть — в прошлом!) и, значит, озлобленные массы. Уже многие буры с семьями заблаговременно переселяются на северо-запад страны, за реки Оранжевую и Вааль, в пустынные места, где почти нет черного населения. Куда прикажешь переселяться евреям лет через сто? А ведь народы — не люди, они собираются жить вечно.

Так вот, ультрапатриоты в Израиле предлагают немедленное и «окончательное решение палестинского вопроса». Это называется — «трансфер», а попросту говоря, насильственная депортация палестинцев из страны. Вот строчка из опубликованной «идеологической платформы» ультрапатриотического движения «Моледет» («Родина»): «Необходима наиболее полная репатриация евреев в Израиль, а арабов Иудеи, Самарии и Газы — в арабские страны». Страны эти, разумеется, не спрашивают, согласны ли они на это. Подпись под карикатурой в ежемесячнике «Моледет»: «Трансфер советских евреев может ускорить трансфер арабов». Изображена качающаяся доска, на которой обычно играются дети. На один ее конец приземляется еврей в шубе и с чемоданами (за спиной его звезда на кремлевской башне), с другого, внезапно подскочившего, слетает палестинец в мешковатой галабее и летит куда-то за черту горизонта... Куда? Можно бы ответить, что евреям до этого нет дела. Но у «Моледета» с географией вообще сложные отношения. Лидер движения Рехаваам Зеэви провозглашает: «Мы скажем миру, что мы жаждем мира может быть больше, чем другие народы, но мира настоящего, основанного на безопасности. Мира с Иорданией ВДОЛЬ РЕКИ ИОРДАН. Мира, согласно которому Эрец-Исраэль будет принадлежать народу Израиля и только ему!»

Как бы то ни было, зато четко и ясно? Не совсем. Уже через страницу в тот же ежемесячнике «Моледет» голубой краской в синей рамке выделена, на манер рекламы, цитата из Зеэва Жаботинского, идеолога сионизма (подозреваю, что фамилия лидера «Моледета» — псевдоним, выбранный из почтения к Жаботинскому): «Эрец-Исраэль — это вполне определенное понятие. РЕКА ИОРДАН НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЕЕ ГРАНИЦЕЙ, ОНА РАССЕКАЕТ ЕЕ ПОСЕРЕДИНЕ».

Скажешь ли ты теперь, куда лететь арабу с перекидной доски? Можно ли вообще о чем-либо договариваться, если не определены сами понятия, а географические карты начертаны хвостом осла?

АРМЯНИН. При всех несчастьях Армении огромная удача все же, что почти 95 процентов ее населения — армяне, и практически все они знают свой язык.

ЕВРЕЙ. Ладно, рассудим предельно цинично, из расчета «прямой еврейской выгоды». Израиль сегодня способен был бы погрузить всех палестинцев в автобусы и вывезти за пределы страны — скажем, к мостам через Иордан. Смог же Сталин в разгар войны

вотносительно малыми силами депортировать поволжских немцев в Сибирь, а с десяток кавказских народов — в Казахстан и Среднюю Азию. Тогда мир этого просто не заметил, не до того было, сейчас бы поднялся крик, последовали бы одна за другой резолюции Совета Безопасности, ну и что? Мешают ли эти резолюции взаимной резне в Югославии — христианских народов, говорящих к тому же на одном языке? Израиль мигом стал бы мононациональным — как Армения. Выгоды очевидны, мораль мы уговорились вынести за скобки, невыгоды же столь глубоко скрыты, что придется прибегнуть к аналогии. Ты не задумывался, почему японцы, коварно, без объявления войны, напавшие на Соединенные Штаты, все же потребовали возвращения своего острова Окинава, который до 1972 года находился под управлением победившей страны? Почему японцы требуют возвращения Южных Курил, хотя вовсе не так уж безгрешны по отношению к нам (не пропускали, например, морские конвои во время войны в Охотское море)?.. И почему Германия до сих пор официально даже не заикается о возвращении ей Силезии, Померании, Восточной Пруссии, наконец, самого Кенигсберга — «города королей», где родился, жил и умер немецкий гений Иммануил Кант?..

АРМЯНИН. В самом деле, не улавливаю разницы...

ЕВРЕЙ. Потому что японцы развязали на Дальнем Востоке коварную, жестокую войну, но все-таки «лишь» войну. В октябре 1973 года, в «Судный день», когда многие израильские солдаты были отпущены на побывку, египетские танки внезапно форсировали Суэцкий канал и буквально раздавили передовые укрепления линии Бар-Лева. А спустя несколько лет президента Садата торжественно принимали в Иерусалиме, — не без горечи, конечно, но — «на войне, как на войне». А после войны, как и положено, настал мир.Можно было еще как-то понять — опять же, если напрочь отбросить мораль, — когда нацисты грабили еврейские магазины, когда гитлеровская пропаганда разжигала юдофобию в целях «сплочения немецкой нации». Вульгарной толпе необходим понятный и зримый образ врага. Ты не вспомнишь, когда Рауль Валленберг спасал венгерских евреев?

АРМЯНИН. В Будапешт он прибыл в июле 1944 года.

ЕВРЕЙ. Уже была заблокирована советскими войсками в Будапеште все та же 6-я армия (я уже упоминал о ней в нашей беседе). Оборону города возглавлял генерал-полковник фон Фриснер. Последующая его судьба мне неизвестна; его детей, во всяком случае, не расстреляли у него на глазах. Зачем же было так по-немецки педантично выполнять безумный приказ Гитлера, который и сам уже был загнан в берлинский бункер, гоняться за стариками, детьми, женщинами, как-то выжившими при фашистском режиме в Венгрии? Ведь и самую варварскую войну развязывают в каких-то практических целях!

Сегодня в Германии ультрапатриоты, не желающие «поступаться

впринципами», вопят: «Не было Освенцима! Это пропагандистская выдумка!» Ладно уж, вероломные нападения на дюжину европейских стран — были, варварские бомбардировки — были, грабеж населения — был, а вот Освенцима, Хатыни, Треблинки, бердичевских ям — не было. Были! Над этими засыпанными ямами до сих пор кажется, будто земля шевелится...

АРМЯНИН. Пожалуй, Германия действительно не хочет ворошить память народов территориальными претензиями. Но она хотя бы проиграла войну, ее жертвы хоть как-то отмщены. Армянам в этом отношении куда горше. На гербе республики — снеговая вершина Арарата, она видна из окон ереванских квартир — по ту сторону границы.

И геноцид армян в 1915 году пытаются изобразить фикцией, «выдумкой армянских экстремистов». Для этой цели был привлечен даже современный французский тюрколог Жорж де Малевил. Он признает: да, случилась трагедия, но спонтанно, армяне сами виноваты, турецкое правительство к этому не причастно. Процитирую его слова, в бакинском издании книжки вынесенные прямо на обложку: «С растущим беспокойством мы наблюдаем, как все чаще проскальзывает тенденциозная параллель между трагедией 1915 года и геноцидом, осуществленным нацистами против евреев... Правительства всех современных тюркских республик (сам автор говорит лишь о турецком правительстве. — В.В.) с негодованием отвергают армянскую кампанию клеветы — кампанию, оправдания которой не существует и намерения которой являются бесчестными».

ЕВРЕЙ. Мне кажется, ты о турках говоришь с той же интонацией, с какой я — о немцах. Так вот, не дай бог, чтобы арабы так же вспоминали евреев. Не только потому, что так или иначе жить им вместе, что они — по Библии — сводные братья, у них один праотец — Авраам. У меня сильное подозрение, что нынешние палестинцы — те же евреи «по крови», что и я сам; что они-то и есть исчезнувшие когда-то колена (роды) израилевы, доставляющие по сей час историкам много хлопот. В вавилонский плен была угнана, как мы бы теперь сказали, интеллигенция, цвет нации, вероятно, тысяч пятьдесят. В древнем тексте говорится об этом: «И мать царя, и жен царя, и евнухов его, и сильных земли отвел (Навуходоносор) на поселение из Иерусалима в Вавилон. И все войско, числом 7000, и художников и строителей 1000, всех храбрых, ходящих на войну, отвел царь вавилонский на поселение в Вавилон». В Вавилоне же — в изгнании! — и происходит канонизация Пятикнижия, священной Торы. Потому что только так можно было сохранить национальную память. Отсюда и страстное заклинание, прошедшее сквозь тысячелетия и восстановившее нынешнее еврейское государство на земле предков: «Как нам петь песнь Господню НА ЗЕМЛЕ ЧУЖОЙ? (Выделено мной. — М.Т.). Если я забуду тебя, Иерусалим, — забудь меня десница моя; прилипни язык

вмой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего...» То есть «при реках Вавилона» пленники не только «сидели и плакали» — дело делали!

Ну, а не «сильные», не «ходящие на войну» — земледельцы, пастухи, ремесленники, избегнувшие плена, но напрочь утратившие связь с культурной элитой народа?.. У этих было время эллинизироваться в эпоху Селевкидов — эпигонов (буквально: «родившихся после») Александра Македонского и в составе Римской империи, затем исламизироваться под напором арабов и отчасти христианизироваться под натиском крестоносцев. Не думаю, что так уж радушно приняли они вернувшихся из изгнания единоплеменников с их Торой...

АРМЯНИН. Действительно, трансфер напоминал бы братоубийство, историю Каина и Авеля.

ЕВРЕЙ. Скажу проще — словами Махатмы Ганди: «Честность — единственная политика». Или даже так, циничнее: «Гуманность — практична». И худшие враги собственного народа — везде и всегда — ультрапатриоты. Если «наши» придут здесь к власти — Россия погибла.

АРМЯНИН. Ну, с Россией никогда ничего окончательного не случится. Есть на сей счет прекрасное поэтическое размышление Николая Рубцова...

Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых,
Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди миров несокрушимых.
Вот он мчится с полным напряженьем
Где-то в самых дебрях мирозданья,
Перед самым, может быть, крушеньем,
Посреди явлений без названья...
Вместе с ним и я в просторе мглистом
Уж не смею мыслить о покое, —
Мчусь куда-то с лязганьем и свистом,
Мчусь куда-то с грохотом и воем,
Мчусь куда-то с полным напряженьем
Я, как есть, загадка мирозданья.
Перед самым, может быть, крушеньем
Я кричу кому-то: «До свиданья!..»
Но — довольно! Быстрое движенье
Все смелее в мире год от году,
И какое может быть крушенье,
Если столько в поезде народу?

Вот мироощущение русского человека, за которым полтораста миллионов его соплеменников; думаю, совсем иное у карела: их всего-то полтораста тысяч, а собратья их — ижорцы, вепсы, манси, ханты — вовсе исчезают с лица земли. Положение армян далеко не столь трагично, но в политике им следует быть предельно ос-

вмотрительными. Армения, по сути, анклав в чужеродном окружении. Даже грузины, тоже христиане, в лингво-этническом отношении совершенно другой народ. Современная Турция — цивилизованная страна, но армяно-турецкие отношения чрезвычайно эмоционально окрашены; народы разделены не просто пролитой кровью, но — невинной кровью, это качественно иная ситуация. Наконец, азербайджанцы — шииты...

ЕВРЕЙ. Но азербайджанцы, еще недавно «советские», такие ли уж истовые мусульмане? Вероятно, не больше, чем русские — православные. Странно мне было видеть Ельцина с Поповым, не столь давно правоверных коммунистов, в церкви — держащими смущенно по свечечке и не знающими, что другой рукой надлежит креститься.

АРМЯНИН. Как ты думаешь, Джахар Дудаев, генерал от авиации, крепко подкован в исламе? Но присягал он на президентство, держа руку на Коране, и уже одним из первых указов запретил практиковать мужчинам-гинекологам. А как быть врачам-дерматологам? А хирургам-онкологам, если обнаружена опухоль груди? Но главное — как быть больным? И далеко ли все это от чадры, а то и чачвана — волосяной сетки, закрывающей лицо? «А что? — вызывающе заявила какая-то таджичка — юрист по профессии! (об этом было в газетах). — Надо будет — и чачван надену!» Ислам кажется ей наиболее пригодным для того чтобы «внедрять мораль», приличествующую восточной женщине...

Все это должны были знать мои сверхпатриотичные соплеменники, когда рьяно принялись за немедленное освобождение Арцаха, немедленное присоединение его к Армении... Ты, помню, как-то произнес слово, довольно необычно звучащее по-русски — «муниципализация»...

ЕВРЕЙ. Колониальные державы оставили в Африке государственные границы, нарезанные, так сказать, поперек племен и народностей. Не удивительно! Когда Африка осваивалась европейцами, все негры казались им на одно лицо. Лет тридцать назад, когда африканцы суверенизировались (то был поистине «парад суверенитетов»!), тут же встал вопрос о границах. Но прежде, чем разрешать этот вопрос, лидеры молодых государств схватились что называется за голову. Хорошо, что схватились до, а не в процессе решения этого вопроса, который сулил повсеместные и бесконечные войны. Лидеры были самыми разными: христиане, мусульмане, атеисты и даже язычники, монархисты, либералы, социалисты и просто сволочи... Но все они, собравшись вместе в 1963 году на конференцию Организации Африканского Единства, решили, что границы, какие бы то ни было, трогать не следует. Бог с ней, с прошлой несправедливостью; не наворотить бы нынче куда более ужасных дел! И это было поистине соломоново решение.

Но скажу и о другом. В 1975 году, после свержения тоталитарной диктатуры в португальской метрополии, Мозамбик одним из последних в Африке провозгласил независимость. Примерно тот

вже результат, что и у нас после августовского путча. Спасаясь от «черных социалистов», возглавленных так называемым Фронтом освобождения, португальцы стали покидать бывшую колонию. Мозамбик стал социалистическим и поистине черным. Производство резко упало, начался голод. В соседнем Зимбабве (бывшей Южной Родезии) относительно либеральное правительство черного большинства покровительствует 20 тысячам белых «плантаторов» — и те обеспечивают стабильность сельскохозяйственного производства в стране.

А ведь португальцы, сосредоточенные в бывшем Мозамбике на крайнем юге в районе Мапуту (тогда — Лоренсу-Маркиш), в треугольнике между государственной границей и рекой Лимпопо, могли организоваться здесь в муниципию с преобладающим белым населением всего на четырех процентах территории страны. Разумеется, это лишь теоретическая возможность. Но оттого, что она не была реализована, пострадало прежде всего подавляющее черное население страны, где посейчас государственный язык, кстати, португальский. Муниципия остается составной частью всей страны, лишь пользуется самоуправлением. Целостность страны, ее суверенитет, которым так принято гордиться, ничуть не задет...

АРМЯНИН. Вот по этому пути могли бы пойти и патриоты Арцаха. Скажу больше: была ли Армения менее армянской тогда, когда там правили Багратиды — династия еврейского происхождения?.. С точки зрения права претензии азербайджанцев на Нагорный Карабах были бы куда менее весомы, если бы он являлся муниципией в пределах самого Азербайджана. И ООН — если эта организация подтверждает свою приверженность именно объединенным нациям (а не государствам) — обязана была бы защитить права карабахских армян...

Реальная политика как государств, так и народов, должна строиться с учетом реальных этногеографических факторов.

ЕВРЕЙ. Этим и занимается ГЕОПОЛИТИКА.

АРМЯНИН. Реальная политика должна учитывать также уроки всей мировой истории, ставшие существенным фактором общественного сознания...

ЕВРЕЙ. А этим уже занимается совершенно новая наука, воспользовавшаяся готовым наименованием, — ИСТОРИОСОФИЯ. СОФИЯ, как известно, означает МУДРОСТЬ.

Булат ОКУДЖАВА

К восьмидесяти...летию
Д.А.ПОЛОВЕЦ

Вот Дина Абрамовна с улыбкой Фаины Раневской,
с ее же глазами, которых не спутаешь: не с кем,
еврейская женщина родом от Красных ворот,
где все раскололось однажды, а в поисках адреса
возможно, представьте, попасть и в объятья
Лос-Анджелеса,
что реже случается именно наоборот.

Да, это, конечно, значительно реже случается.
И надо уж так нахлебаться, нажраться, отчаяться,
что станут профессией Боль, и Надежда, и Даль.
А там уж, естественно, белых платочков махание
и радостный вздох, а потом затрудненность дыхания,
поскольку разлука — не только «отчаль и причаль».

И вот она в городе, где проживают колибри
и Господа славят, где домики к скалам прилипли,
а рядом течет по-арбатски знакомо Ферфакс...
И если вглядеться в его тротуары отсюда,
вы, Дина Абрамовна, словно звезда Голливуда,
плывете. Спокойно. В авто. Мимо них. Просто так-с.

Полночь над Босфором. Время тишины.
Но в стамбульском мраке, что велик и нем,
крики моих предков преданных слышны...
Инч пити асем? Инч пити анем?[1]

Если б можно было, как заведено,
вытравить из сердца, позабыть совсем,
но на древних плитах — черное пятно...
Инч пити анем? Инч пити асем?

Это ль не отрава? Это ли не яд?
Полночь быстротечна. Времени в обрез.
Если я не знаю, ты, мой дальний брат,
инч пити анес? Инч пити асес?

1 Инч пити анем? (арм.) — Что поделаешь? Инч пити асем? — Что тут скажешь?

Эти стихи уже опубликованы (первое — в «Литературной газете», второе — в журнале «Знамя»), но автор сам передал их для журнала «Ной». Вспомнил он и давнишнюю историю, когда был еще молод, а в Тбилиси припожаловало литературное начальство из Москвы. Естественно, устроили банкет, где вволю было, чего выпить и чем закусить.

— И вдруг, — рассказывает Булат Шалвович, — к столу, за которым сидел и я, подходит пьяный Леонид Соболев. Видно, чем-то я привлек его внимание. Он показал на меня пальцем и громко спросил: «А это кто?» — «Это наш поэт, Булат Окуджава.» «Еврей?» — «Слушай, какой еврей!» — обиделись за меня писатели.

Такая история. Конечно, Будат Окуджава — сын грузина и армянки, но он ведь и правда еврей — когда кликушествуют: «Бей жидов, спасай Россию!»; он русский, когда на фронте спасал Россию от фашистов; он крымский татарин, когда топчут права этих людей; он литовец, когда давят танками Литву... Такое его ремесло.

Независимая АРМЕНИЯ — это мост между Востоком и Западом, считает президент Левон Тер-Петросян

— ***Левон Акопович, уже на второй день убеждаешься, как невероятно трудно живут сейчас люди в Армении. Это сказывается на психологическом состоянии нации?***

— Я бы не сказал, что армяне в отчаянии. Вы тоже, наверное, имели возможность в этом убедиться. Но если блокада Азербайджаном будет продолжаться, а прямые потери от нее в Армении уже превысили миллиард рублей, то мы к такому отчаянию придем. Сейчас мы ведем интенсивные переговоры с Турцией и Ираном, чтобы через них найти другие выходы во внешний мир. Нам бы очень хотелось, чтобы стабилизировалась обстановка в Грузии, поскольку это самый естественный для нас выход, но...

— ***Судя по сообщениям средств массовой информации Армении, ситуация в Нагорном Карабахе выходит в несколько иную политическую плоскость: парламент вновь созданной Нагорно-Карабахской Республики констатирует состояние войны в этом регионе, а парламент Азербайджана***

еще в декабре прошлого года аннулировал это автономное образование в принципе. Как идет диалог по карабахской проблеме между Азербайджаном и Арменией?

— Да, фактически там действительно идет война, совершаются постоянные вооруженные нападения на армянские населенные пункты с целью вытеснения их жителей в Армению, четвертый год длится полная блокада региона. Я не могу сказать, чем все это кончится, поскольку мы не чувствуем готовности Азербайджана к компромиссу. За полтора года контактов с Муталибовым и другими руководителями республики я предлагал самые разные варианты урегулирования проблемы, но в ответ — срыв диалога без каких-либо собственных предложений. Если бы Азербайджан не аннулировал автономию в Нагорном Карабахе, а вошел в мировое сообщество как независимое государство, но с определенным национально-территориальным делением, карабахцев бы это, наверное, удовлетворило. Но поскольку их волю игнорировали, они вынуждены были заявить о своем статусе сами. Они хотят признания миром этой проблемы, постоянного присутствия там международных наблюдателей, а по возможности, и сил ООН по поддержанию мира. Азербайджан в этом случае, осознав тупиковость ситуации, возможно, приступил бы к поиску компромиссов.

— Как идет становление государственности в Армении?

— В первую очередь это касалось армии: было поставлено условие центру, что ни один гражданин республики не будет служить в Советской Армии за ее пределами, и мы отстояли свою позицию. Второе — Армения первая и пока единственная из республик бывшего СССР провела земельную реформу, передав землю в частную собственность с правом наследования и продажи, что помогает нам теперь легче переживать трудные времена. Есть и запасы, но главное — значительный слой армянского народа полностью обеспечил себя продовольствием. И третье — в течение полугода мы намерены провести полную приватизацию сфер обслуживания, торговли, строительства, перерабатывающей промышленности. И никого ждать не будем, хотя, конечно, были бы рады, если бы реформы пошли синхронно с другими государствами СНГ.

— Я хорошо помню, как после избрания Председателем Верховного Совета Армении многие в центре ждали от вас «революционных действий», но их не последовало. Почему?

— В своих действиях я исходил из понимания психологии, глубинных инстинктов армянского народа, обусловленных его трагической историей. Мы столько натерпелись, что главное сейчас для армян — стремление к надежности. Наш народ не потерпит авантюризма.

— Участие Армении в СНГ — это вынужденное решение,

продиктованное состоянием экономики, или же выгодное?

— Я являюсь сторонником медленных, фундаментальных процессов, а всякие крутые повороты считаю опасными. Изначально нами был выбран курс на полную политическаую независимость с одновременным участием во всех конструктивных процессах в Союзе, а теперь уже на территории бывшего СССР. И мы твердо придерживались этой линии, хотя оппозиция в республике не раз пыталась отклонить нас от нее. Это дает нашему народу чувство уверенности и предсказуемости будущего. Я не могу, не имею права лишить его этого чувства. Но и объективно тоже — нельзя в одну минуту разрушить то, что складывалось столетиями.

— Несмотря ни на какие сдерживающие усилия, продолжается развал объединенных Вооруженных Сил СНГ. Есть ли в этом угроза для безопасности Армении?

— Мы предвидели такое развитие событий и потому форсировали подписание двустороннего Договора с Россией, в котором предусмотрено, что в случае развала нынешней армии, в Армении на договорных основах будет присутствовать уже российская армия, возможно, по статусу военных баз. Россия завтрашняя, даже вопреки своей воле, будет вынуждена признать себя последницей военно-политических интересов бывшего СССР, и если у кого-то на этот счет существуют иллюзии, то это не что иное, как глубокое заблуждение.

— Разделяете ли вы точку зрения некоторых лидеров, что у России налицо «имперские замашки» и стремление занять место прежнего центра?

— Я не вижу оснований для такого рода обвинений. Россия не только не пыталась придерживаться имперских амбиций, но, напротив, с каждым днем все больше освобождалось от них. Идет процесс делажа наследства, и каждый хочет ухватить кусок побольше. Но это касается всех, а не только России. Период сепаратизации завершится буквально в течение 3-6 месяцев и начнется процесс интеграции. В конечном счете, мы придем к созданию таких механизмов, которые гармонизируют отношения между государствами СНГ.

— Каким будет облик независимого государства Армения? Ведь история дает уникальную возможность выбора.

— Что касается экономики, то простое подражание чревато для нас опасностью создания искусственной модели. Пока что эти пути проработаны нами в общих чертах. Но у нас есть политическая концепция: Армения, довольствовавшаяся в бывшем СССР участью «тупика», в условиях независимости имеет шанс вырваться и стать оживленным международным перекрестком — политическим, культурным и даже экономическим — между Востоком и Западом, плацдармом для всякого рода контактов. До недавнего времени эту роль играл Ливан, христианско-мусульманская страна, обладавшая мощной финан-

сово-банковской системой. Будучи сильно разрушенным, сейчас он ее утратил. А когда сможет восстановиться — неизвестно. Заменить Ливан в этой роли хотел бы Израиль, но ему вряд ли это удастся, если учитывать его непростые отношения с арабскими странами Ближнего Востока. Я рассматриваю эту ситуацию чисто политически. Но мы ведем сейчас очень активную внешнюю политику, с тем чтобы представить миру веские аргументы и убедить его в возможностях Армении стать мостом между Востоком и Западом.

— ***Убедите, пожалуйста, и меня.***

— Я востоковед и знаю психологию Востока — там всегда существовало опасение попасть под «колпак» великого северного соседа. Иметь сейчас посредника между Россией и Ближним Востоком выгодно и для Юга, и для Европы, и для России. С другой стороны, идет опасное размежевание между мусульманским и христианским миром, очень опасное, поскольку религия становится политическим фактором. Иметь нейтральную территорию хотя бы для смягчения конфронтации выгодно и Западу, и Ближнему Востоку, который вовсе не стремится к самоизоляции и разрыву всех контактов. Вот здесь, я думаю, мы и должны найти свое место.

— ***Вас можно поздравить: Армения принята в Международный валютный фонд. Какие это дает перспективы?***

— Это и есть тот порыв, о котором я говорил. У нас уже работает большая группа экспертов МВФ, и мы надеемся, что скоро она представит нам четкую программу реорганизации наших финансов, банковской системы. Естественно, мы ожидаем больших кредитов. Кроме того, работаем и над созданием национальной валюты, которая будет называться драм. К осени будем готовы. Но это не самоцель. Если и дальше дела в СНГ пойдут по этому пути, то и мы введем свою валюту. Не первыми, а исходя из ситуации.

— ***Какие еще события вы могли бы отнести к успехам Армении в международных делах?***

— Самым большим успехом надо считать новый имидж Армении: приверженность демократическим принципам, экономическим реформам.

Александра ЛУГОВСКАЯ,
соб. корр. «Известий».

«Известия», 1 февраля 1992.

СТАНЕТ ЛИ АРМЕНИЯ ИЗРАИЛЕМ?

Выбор президентом Армении Левоном Тер-Петросяном нового министра иностранных дел, которым стал Раффи Ованнисян, имеющий американское гражданство, не случаен, считает турецкая газета «Хюрриет». Он показывает, что Армения в своей внешней политике отдает приоритет Соединенным Штатам. Армения, по мнению газеты, может стать «новой моделью Израиля». Ограниченная в экономическом потенциале, республика попытается получить поддержку армянских общин за рубежом и будет строить свои отношения с Турцией через США, стремясь использовать американскую администрацию и армянское лобби в Соединенных Штатах против Анкары... «Для Турции не принципиально, дружеский ли характер будут носить ее отношения с Арменией или нет, но для Еревана поддержка со стороны Турции в этот критический период имеет жизненно важное значение»...

Александр ЧЕЛЫШЕВ

Мегаполис-экспресс. 5 декабря (№ 49) 1991

Леонид ВАСИЛЬЕВ

КУРИЛЫ И ПАЛЕСТИНА

Международное право и политические реалии

На фоне трагических событий в нашей многострадальной стране международные дела стали как бы второстепенными. Не до них. Однако некоторые из международных проблем до сих пор воспринимаются близко к сердцу. Это преимущественно те, которые нас касаются или к которым мы привыкли относиться как к своим. Среди них выделяются две: Курилы и Палестина.

На первый взгляд между ними ничего общего, кроме разве что повышенного, как упоминалось, внимания: Курилы — наша земля, а Палестина, как всем нам давно и хорошо было разъяснено, — объект сионистских происков. Сложность в том, что за последние месяцы точки отсчета сильно сместились: друг наш, иракский Хусейн, оказался врагом, а враг, Израиль, обрел

статус дипломатически признанного государства. Что теперь прикажете думать о Палестине? Слава Богу, что хоть Курилы по-прежнему наши. Но и тут, как выясняется, не все ладно. Все чаще появляются публикации, авторы которых проясняют проблему, после чего она оказывается еще более запутанной: так наши или все-таки не наши Курилы, хотя бы только южные, на которые столь терпеливо, но неустанно претендует Япония, причем все японцы — и левые, и правые?!

Видимо, настало время прояснить ситуацию. И здесь, как мне представляется, было бы уместным поставить обе проблемы, Курилы и Палестину, рядом. Поставленные вместе и рассмотренные в одной плоскости, они как бы просветляют одна другую.

ПАЛЕСТИНА

Как известно, до второй мировой войны это была подмандатная территория Великобритании, которая еще в 1917 году («декларация Бальфура») обещала способствовать созданию на этой благодатной библейской земле национального очага для рассеянных по миру иудеев. Справедливости ради следует заметить, что за два тысячелетия истории иудейской диаспоры Палестина не была местом обитания сколько-нибудь значительных колоний евреев. На этой земле обитали иные народы, и прежде всего — арабы, которые вполне обоснованно считали ее своей. Но пока стоял Иерусалим, а рядом с ним и другие священные и воспетые библейскими сказаниями города и поселки, пока сохранялись руины возведенного еще царем Соломоном величественного Иерусалимского храма (ныне Стена плача), все рассеянные по миру евреи, кто вообще хоть сколько-нибудь задумывался над судьбами своего народа, видели именно в Палестине свою родину.

Официальная линия англичан дала возможность евреям понемногу осваивать землю Палестины, для чего в 1928 было создано Еврейское агентство, способствовавшее этому. Такая политика в 20—30-х годах нашего века спровоцировала серию восстаний местного арабского населения, выступавшего против приобретения иудеями палестинских земель. Восстания уже в то время ак-

тивно поддерживались добровольцами из соседних арабских стран. И хотя англичане в конечном счете справились с восстаниями, они вынуждены были учесть недовольство арабов, что привело к заметному ограничению еврейской иммиграции в Палестину. Тем не менее в 1939 году Англия опубликовала Белую книгу, в которой предусматривалось создание спустя десять лет единого арабо-еврейского палестинского государства, причем эти десять лет еврейская иммиграция должна была регулироваться (75 тысяч евреев в первое пятилетие, а затем квоты по согласованию с арабскими представителями).

В годы второй мировой войны проблема Палестины оказалась в сфере внимания США и СССР. У каждой из этих держав были свои мотивы и интересы. Рузвельт под давлением влиятельных еврейских организаций США в условиях нацистского геноцида по отношению к евреям был близок к тому, чтобы дать свою санкцию на поощрение еврейской иммиграции в Палестину, а соответствующее решение принял в 1945 году Трумэн. Англичане отнеслись к новой волне мигрантов с осторожностью, что вызвало конфликт между ними и активистами еврейских боевых организаций, а также резкое усиление арабо-израильских столкновений в Палестине. Сталин сделал свою ставку, рассчитывая использовать иммиграцию тщательно отобранных советских евреев как своего рода пятую — коммунистическую — колонну в будущем палестинском государстве. Тем временем на фоне резкого обострения общей ситуации и арабо-израильских столкновений в Палестине было создано в мае 1948 года Государство Израиль.

Я не намерен излагать всю бурную и полную внутренними конфликтами и войнами историю этого сравнительно молодого государства. Замечу лишь, что миграция евреев в Палестину увеличилась, что при помощи извне они стали активно строить свое ныне процветающее государство, что расчеты Сталина оказались несостоятельными (и это сыграло свою роль в антиеврейской его политике внутри СССР), а активное сопротивление арабов, их непризнание права Израиля на существование и как следствие этого — серия арабо-израильских войн привели к тому, что Израиль расширил свои первоначальные границы, что мотивировалось резонными опасениями за свою безопасность.

Завершая в силу необходимости очень краткий очерк палестинской проблемы, обращу внимание на ее территориально-политическую суть: спор за землю уходит в глубь веков; в решении этого спора сыграло свою роль вмешательство мировых держав; достигнутый в результате итог (создание Израиля) резко не удовлетворил одну из спорящих сторон, которая начала активную борьбу против него; борьба не дала позитивных результатов, скорее усугубила проблему, решения которой (удовлетворительного для всех сторон) пока не видно.

КУРИЛЫ

Курильские острова издревле были населены айнами. Затем северная их часть была колонизована русскими, а южная — японцами. Соответственно и первый русско-японский договор, заключенный Путятиным в 1855 году, провел линию границы между северными и южными Курилами. Впоследствии очертания русско-японской границы менялись — но не в нашу пользу. Стоит напомнить о Портсмутском договоре 1905 года, подведшем итоги неудачной для России войны с Японией. В годы второй мировой войны Сталин настоял перед главами союзных государств на том, что СССР после вступления в войну с Японией получит отнятые по Портсмутскому договору земли (прежде всего Южный Сахалин). Тогда же был решен союзниками и вопрос о Южных Курилах, которые должны были после войны стать частью территории СССР.

Казалось бы, все абсолютно ясно. Наши Курилы — и все тут. Но поговорить, как выясняется теперь, все-таки есть о чем.

Начнем с того, что право сильного, право победителя в мире всегда уважалось. Больше того, считалось достаточным аргументом: кто победил в войне и захватил чужие земли, тот и владеет ими. Но в практике европейских стран, к коим справедливо причисляла себя Россия по меньшей мере с Петра, считалось при этом необходимым любое территориальное приобретение, достигнутое в результате войны, закрепить соответствующим международно-правовым документом, мирным договором. Именно таким путем округлялись русские владения в ходе ряда ее войн, скажем, с Турцией. Разумеется, пострадавшая сторона при этом могла быть недовольной и стремиться к реваншу, как то было, например, в споре за Эльзас и Лотарингию между Францией и Германией. Но договор, документ при этом считался обязательным. И документ, подписанный именно между побежденным и победителем, никак не иначе.

Сталин получил право оккупировать Южные Курилы в результате договоренности между союзниками, заручившись принципиальным согласием Рузвельта и Черчилля, не более того. Заручившись этим согласием, он силой отнял у Японии острова в момент, когда она сопротивляться практически не могла. Отнял, но не позаботился, не сумел закрепить это в документах международного права, к которому ни он, ни его преемники особого уважения не испытывали.

Остаются ссылки на то, что южные Курилы не принадлежали японцам, что на этих островах были и японцы, и русские, а владели ими изначально все-таки айны (замечу в скобках, что остатки этого народа сегодня в основном живут в Японии, а не у нас).

При всем огромном различии в конкретике ситуация оказывае-

тся весьма сходной с палестинской: спор за землю уходит в глубь веков; в решении спора роковую роль сыграло вмешательство великих держав; достигнутый итог (аннексия островов СССР) резко не удовлетворяет одну из спорящих сторон, Японию, которая активно борется против него решения проблемы пока что не видно.

КУРИЛЫ И ПАЛЕСТИНА. ТАК ЧЬЯ ЖЕ ПРАВДА?

С точки зрения международно-правовой, наиболее весомой для решения интересующих нас проблем, ситуация с Палестиной мне представляется предпочтительней — я имею в виду права нынешних владельцев территории на ее обладание.

Для Палестины это означает, что какие-то права на нее имеют и жившие здесь с VII века арабы, и находившиеся на этой территории задолго до них, но просуществовавшие примерно те же 13—14 веков на этой земле иудеи. Конечно, с точки зрения истории права евреев могут показаться призрачными: мало ли кто жил на данной территории в далеком прошлом, даже если это документально подтверждено таким весомым текстом, как Библия! Но, с другой стороны, евреи и христиане, пусть в меньшинстве, все же обитали на святой земле Палестины и после оккупации ее арабами. Иными словами, иудеи имеют право на по меньшей мере часть Палестины или на соучастие в освоении ее земель вместе с арабами. Не то с Курилами. Право — если говорить об историческом праве — на острова имеют лишь айны. Японцы и русские здесь — пришлые. Правда, те и другие вложили свое в освоение островов, но в качестве колонизаторов. Если же ставить вопрос о том, кто по праву может сегодня считать себя правопреемником фактически вымерших, ассимилированных японцами айнов, то ими будут в любом случае не русские. Практически сказанное означает, что с точки зрения исторических прав на землю евреи Палестины занимают заметно более предпочтительные позиции, чем русские на южных Курилах.

Достигнутый итог — и в случае с Палестиной, и в случае с Курилами — резко не удовлетворяет одну из сторон, активно оспари-

вающую свершившийся исторический факт. Каковы шансы недовольной стороны в ее борьбе за пересмотр принятого решения? На мой взгляд, в этом пункте ситуация с Курилами выглядит опять-таки предпочтительней. Русские на Курилах — незначительная часть русских на всем Дальнем Востоке. И хотя часть их родилась на островах и справедливо считает их своей родиной, все же связи у всех русских на Курилах с Россией очень сильны. И выезд их с островов отнюдь не был бы трагедией для большинства, особенно если предложить мигрантам солидный выкуп, что позволило бы им хорошо устроиться на новом месте и снять тем самым едва ли не всю остроту проблемы.

Иное дело в Палестине. Здесь ситуация обратная. Евреям уезжать некуда. Другого государства у них нет и не будет, тогда как у арабов, напротив, их по меньшей мере два десятка, в том числе и рядом с Палестиной, почти на ее территории (Ливан и Иордания). Поэтому шансов на то, что евреи покинут Палестину и откажутся от своего государства, практически нет. Очень мало шансов и на то, что они возвратят оккупированные в 1967 году территории, которые столь важны для крохотного и уязвимого со всех сторон государства. И хотя к проблеме прав этот последний фактор прямого отношения не имеет, принять его во внимание необходимо.

Итак, положение русских на Курилах гораздо более уязвимо и непрочно, чем положение евреев в Палестине.

В ЧЕМ СМЫСЛ СОПОСТАВЛЕНИЯ?

Но коль скоро так, то, быть может, вообще сопоставление Курил и Палестины неправомерно? В чем смысл его? Главный смысл — в ломке сложившихся стереотипов и в воспитании уважения к праву. Я далек от того, чтобы утрировать силу права. Не только право, и далеко не одно оно решает судьбы народов, даже в наши дни. Но тем не менее уважать право мы должны — особенно если хотим построить правовое государство, то есть сделать нашу жизнь такой, чтобы нас, обычных людей, никто в нашем родном государстве не смел считать быдлом, чтобы каждый гражданин обладал правом подать в суд на неправомерные действия государства и любого его представителя и имел при этом шансы выиграть судебное дело. Повторяю, для этого в первую очередь нужно уважать право, а

не числить его некой пристройкой при власти.

Так вот, мы привыкли считать, что евреи в Палестине чуть ли не агрессоры, а арабы там — страдающая сторона. И хотя кое-что в этом смысле за последние месяцы изменилось, стереотип отнюдь не исчез. Едва ли не большинство продолжает мыслить в том же плане, не умер еще и созданный властями так называемый Антисионистский комитет, члены которого, неизвестно кем делегированные, до сих пор восседают в роскошных апартаментах, временами показываемых по телевизору. Стереотип, созданный властями и базирующийся на политических позициях при безразличии к правовым нормам, дезориентирует людей. И в случае с Курилами то же самое, только в прямо противоположном направлении: острова наши — и все тут. Снова аналогичный стереотип, разве что, повторяю, зеркальный по отношению к первому.

Не могут быть весомым фактором решения проблемы различного рода опросы или референдумы, особенно с нашей стороны. И дело не только в том, что манипулировать общественным мнением в нашей стране — дело привычное и что особенно легко это сделать, коль скоро затрагивается священный вопрос о землях, о границах. Гораздо важнее то, что у нас нет права решать проблему за счет поиска внутреннего консенсуса, ибо мы в любом случае — одна сторона конфликта, причем отнюдь не та, на чьей стороне вся правда. Решать курильский вопрос референдумом — это примерно то же самое, что решать арабо-израильский спор в Палестине за счет опроса евреев в Израиле или арабов в окружающих Израиль странах.

Сопоставление Палестины с Курилами существенно и еще в одном плане: сколь важен факт владения и освоения? Почему-то для нас этот факт существен (люди родились на островах — как можно их оттуда заставить уехать), а для Израиля — нет. А между тем даже на оккупированных израильтянами арабских территориях тоже уже родилось и выросло по меньшей мере одно поколение евреев. Так как же с ними? И где критерий, где хронологический предел, за которым исчезает право ставить вопрос именно так?

Так каковы же они, адекватные ответы? И вообще есть ли решение проблемы Палестины и проблемы Курил?

Сначала замечу, что при всей правомочности сопоставления обеих проблем, чему была посвящена статья, они все же в конечном счете не равноценны. В одном случае это оставленная историей страшная рана, судьба целого лишенного родины народа. В другом — все же эпизод, затрагивающий судьбы очень немногих и имеющий повышенное значение только потому, что столкнул интересы двух больших государств. Поэтому и решение, и вообще проблему в каждом случае следует рассматривать отдельно.

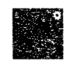
Что касается Палестины, то контуры решения этой проблемы не видны пока что практически никому — и это несмотря на то, что

в результате больших усилий и сложной дипломатии Израиль и палестинские арабы недавно все же сели за стол переговоров. Близкого и быстрого решения, тем более справедливого и удовлетворяющего обе стороны, здесь просто нет. Будущее покажет, как пойдут события. Если принять во внимание лихорадочные усилия арабских стран, в первую очередь наиболее воинственных из них, обзавестись ядерным оружием и иными средствами массового уничтожения, то расчет на мирное решение палестинского вопроса становится тем более проблематичным. Конечно, судьба может повернуть и в благоприятную для мира сторону. Но едва ли есть основания быть чересчур розовым оптимистом.

И совсем иное дело — проблема Курил. Здесь, если только иметь добрую волю, взаимовыгодное решение может быть найдено легко и практически безболезненно, причем с выгодой для обеих сторон и даже при сохранении престижа обеих. Этап за этапом проблема может быть решена и, видимо, будет решена уже в сравнительно недалеком будущем.

Леонид ВАСИЛЬЕВ род. в 1930 г. Доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета. Работает в Институте востоковедения АН СССР.

Статья «Курилы и Палестина», которую мы публикуем с разрешения автора, была напечатана в «Независимой газете» 28 января сего года.

Владимир МИКУШЕВИЧ

АРМЯНСКИЕ СОНЕТЫ

Армянской горлицы я слышал воркованье,
Торжествовавшее над карканьем ворон;
И взмыла радуга, овеяв небосклон,
Как будто жизнь моя — лишь предзнаменованье,

И мне велит мое суровое призванье
Ковчегом управлять, когда со всех сторон
Суденышку грозит губительный урон,
А в этом возгласе гортанном ликованье.

На высоте большой земля еще тверда,
Хоть мне пристанище обрывистое внове,
Боюсь, что для меня другого нет гнезда.

Где небо и земля совпасть готовы в слове,
Там крепок мир в своей неведомой основе;
Воркует горлица, и вторит ей звезда.

Покаяться велит грядущая утрата
В том, что готов я вновь сорвать запретный плод,
И в том, что седина видней среди невзгод,
И в том, что каждый миг проходит без возврата,

И в том, что восставал порою брат на брата,
И в том, что кровь лилась обильней вешних вод,
И в том, что мне закат милее, чем восход,
И в том, что не дано достичь мне Арарата,

И в том, что, наконец, твой предрассветный взор,
Изведав кровь мою, разбередил мне душу
Моим заклятиям и снам наперекор,

И в том, что слово дав, я слова не нарушу,
Что за твою слезу в потоп отдам я сушу,
И в том, что я тебя не встретил до сих пор.

А Р А Р А Т

Несуществующим омытый океаном,
Как в сумерках, когда причаливал ковчег,
Двоясь в голубизне, вознесся жесткий снег,
Едва подернутый редеющим туманом.

На веки вечные возник над Ереваном
Двуглавый призрак, нет, заманчивый ночлег.
Но что ни замышляй, набег или побег,
Ты разве что прельщен двусмысленным обманом .

Ты брату своему не пастырь и не страж.
Где Ной причаливал, там ты проплыл бы мимо,
Подумав, что тебя заворожил пейзаж.

Все тщетно для тебя и, значит, повторимо,
Но только бытие утраченное зримо,
Когда привычный мир — навязчивый мираж.

Владимир МИКУШЕВИЧ родился в 1936 году, живет в Москве. Известен переводами произведений Кретьена де Труа, Рильке, Шелли, Гельдерлина, Новалиса, Рембо, Бодлера. Много переводил с армянского - айрены Наапета Кучака, стихи Паруйра Севака и, наконец, «Книгу скорбных песнопений» Григора Нарекаци. Первую книгу своих стихов «Крестница Зари» В.Микушевич смог издать лишь в 1989 г.

Маркс ТАРТАКОВСКИЙ

Хоть меня ни разу не приглашали на совещания в генеральном штабе Израиля, ни на закрытые заседания комиссии кнессета по иностранным делам и обороне, вполне могу представить, о чем там сейчас болит голова. Казалось бы, последний Саддам (Саддам (араб.) — столкновение, стычка), иракского фюрера уже позади, в Израиле, давно сняв противогазы, уже, наконец, перевели дух, — ан нет! Представить только (и в Израиле это отлично представляют), что Саддам Хусейн в свое время — ЕГО время! — пошел бы не кувейтской картой, а принялся бы набирать решающие козыри в арабском да и во всем исламском мире, обнимающем четверть земной суши, тем, что принялся бы методично, либо время от времени, по настроению, обрабатывать Израиль советскими «Скадами», модернизированными и приспособленными для этой цели квалифицированными немецкими ракетчиками!

Мы уже убедились, что это вполне возможно, и Израиль, к своему ужасу, убедился в этом же. Там ведь до войны в Заливе в начале 1991 года царило убеждение, что небо Израиля под надежной защитой лучших в мире пилотов. Помнится, с 1949 года, войны за независимость, лишь один-единственный вражеский самолет, проникший со стороны Сирии, сбросил бомбу на нефтехранилище в Хайфе и был тут же сбит...

Помнится также, как наш главный маршал авиации ринулся инспектировать сирийскую же авиацию, когда во время очередной арабо-изральской стычки в конце 70-х годлов советские «МИГи» десятками посыпались с неба над Голанскими высотами. И это внезапное рвение заставило тогда предположить, что жертвами были отнюдь не арабские пилоты. Сегодня из публикуемых газетами писем наших граждан, которые справедливо хотели бы приобщиться к льготам «воинов-интернационалистов», узнаем, что в арабо-израильских войнах активно участвовали и наши соотечественники. Где их могилы?..Словом, израильтяне, со своей стороны, чувствовали себя под надежной защитой, пока вторжение безмозглых «Скадов», не исполненных, так сказать, почтения перед отвагой и выучкой израильских пилотов, не изменило всю ситуацию. Израиль, всегда гордившийся тем, что справляется со своими врагами только собственными силами, скрепя сердце пригласил зенитчиков «со стороны». Да, американские ракеты «Пэтриот», тут же в считанные дни усовершенствованные израильскими специалистами, настигали и уничтожали «Скады» в полете, — но размеры страны столь ничтожны, что обломки сыпались с неба все на ту же густо заселенную полосу Большого Тель-Авива, расположением и размерами аналогичного нашему Большому Сочи, не более того.

Конечно, если бы Саддам в иных условиях позволил бы себе это удовольствие, ответ Израиля был бы вполне сравним с недавними бомбардировками союзной авиации. Не в пример меньшее число самолетовылетов вполне компенсировалось бы их многократным ужесточением. Все шесть багдадских мостов через Тигр были бы уничтожены не за месяц, как на этот раз, а в один день, — ну и что? У диктаторов всегда припасен решающий козырь — абсолютное пренебрежение и к потерям, и к самим человеческим жертвам. Это свойство характера было блестяще продемонстрировано Саддамом. Соотношение убитых десять к одному принесло бы ему на всем Востоке лавры победителя, да и соотношение ста к одному тоже вполне бы устроило, — и это мы уже видели. А в нашем гипотетическом случае это был бы уже так сказать натуральный джихад — священная война («национально-освободительная» — в нашей

недавней терминологии), и мученики за веру после кончины направились бы прямиком в рай с его реками из вина, молока и меда и черноокими гуриями. Сам же диктатор, не торопясь в рай, отсиживался бы в своем бункере.

Безнадежность для Израиля состояла бы в том, что решение конфликта прямым нападением на суше было бы весьма и весьма «чревато»: Ирак не граничит с ним. Тогда как так называемое мировое общественное мнение с его форумом в виде ООН, разумеется, всеми силами поддержало бы «нейтралитет» Иордании, разделяющей дуэлянтов.

Но это еще не самый кошмарный сценарий для Израиля. Я не упоминаю пока ни химическое, ни бактериологическое, ни радиационное оружие (в боеголовки загружается элементарное топливо «мирных» реакторов, тем более ядерное; не упоминаю и того, что более или менее отдаленные арабские страны, почувствовав относительную безопасность, также подключатся к ракетному «Джихаду»... Хотя и палестинцев будут косить все те же «Скады» (тем паче с «неконвенциональной начинкой»), — до них ли уже тут? Вот над таким вполне реальным сценарием ломают себе головы в высоких кабинетах Израиля. Но и диктаторы во всем мире получили хороший урок и тоже на свой лад ломают головы.

Как же не использовать этот уникальный момент во имя мира!

29 ноября 1947 года ООН приняла решение о разделе Палестины и создании арабского и еврейского государств. Для арабских армий, сосредоточенных вокруг Палестины и непосредственно на ее крохотном пятачке, это послужило сигналом к атаке. Так была упущена возможность создать государство палестинцев и началась затяжная первая арабо-израильская война... Теперь об этом не только говорят у нас, но и пишут, едва ли не кичась дозволенной объективностью. А ведь сколько лет на маленькое еврейское государство, сумевшее защитить себя от вторжения, в нашей стране лились ушаты пропагандистской грязи! Так завоевывался «авторитет» в арабском мире (расхлебываемый нами теперь), так мстили поклепами и руганью за поражения нашего оружия, в избытке поставляющееся экстремистским режимам. После «шестидневной войны» 1967 года с десяток лет Израиль торговал советскими танками, самолетами, орудиями, бронетранспортерами, захваченными в боях и подремонтированными...

Как не вспомнить тут полные напряжения дни мая и начала июня 1967 года, угрозы египетского президента (между прочим, Героя Советского Союза, награжденного соответствующими медалью и орденом), блокады им израильского порта Эйлат на Красном море, грозные передвижения египетских, сирийских, иорданских танковых колонн, прибы-

вающие подкрепления из других арабских стран — так сказать, один казус белли, тут же громоздившийся на другой, смертельная угроза не просто существованию государства, но и всем его жителям — не только евреям, как при Гитлере, но, надо думать, и арабам, гражданам Израиля, объявленным «изменниками великой арабской нации» и тоже заслуживающими быть «сброшенными в море». Тогдашний глава ООП Ахмед Шукейри объявил, что его моолодцы не пощадят никого.

Для меня, москвича, «шестидневная война» невольно ассоциируется с Пушкинской площадью с газетными киосками у подножия бетонного комбината «Известий», с очередями, жаждавшими свежих новостей. Услышанная тогда беглая реплика у газетного стенда с картой боев: «А где же сам Израиль? Вот этот?! Так я ж его ногтем накрою! Хана ему: кругом его обложили!» В тот же первый день войны по нашему радио сообщили, что только над Каиром «сбиты сотни израильских самолетов», чуть ли не две трети всего состава...

Победа в «шестидневной войне» была молниеносной, но отнюдь не легкой для Израиля. Слишком велико было несоответствие не столько даже численности армий, сколько географических факторов, территорий по обе стороны фронтов. Достаточно сказать, что с дальних египетских аэродромов бомбардировщики могли атаковать противника, возвращаясь на собственные же ближние аэродромы, тогда как израильские пилоты летели на бомбардировку целей в глубине Египта подчас на одном двигателе, возвращались же на другом, — только так могли покрыть расстояние в оба конца...

Подчеркнем главное: в этой войне впервые в послевоенной (с 1945 года) истории с ее «неуклонным наступлением социализма во всем мире» победило либеральное государство, принадлежащее к западным демократиям. В Израиле ни на миг не были запрещены какие-либо партии и фракции, функционировал парламент с депутатами-арабами, депутатами-коммунистами. Тиранические режимы, рассчитывавшие на податливость, аморфность демократий, получили важный урок и с этого времени, в общем, стали переходить к обороне. Оттого-то и потоки пропагандистской грязи. А серьезные историки в сотнях книг сравнивают «шестидневную войну» с победой эллинов при Марафоне.

В выступлении Александра Бовина прозвучала как-то расхожая мысль о том, что вернись Израиль к границам 1967 года (до «шестидневной войны»), в Палестине возникло бы два полноценных, равных по территории государства — и мир был бы обеспечен».

«Равных по территории?» — для верности переспросил я.

Он повторил: «Да, примерно равных».

БОЛЬШЕ ПОЛОВИНЫ ИЗРАИЛЬТЯН ЗА «МИР В ОБМЕН НА ЗЕМЛЮ»

Большинство израильтян — 54 процента — поддерживают уход Израиля с оккупированных территорий на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа с тем, чтобы их стране был гарантирован мир и арабо-израильский конфликт был урегулирован. Такое результат опроса общественного мнения, проведенного институтом «Дахаф» в Тель-Авиве.

Ассошиэйтед Пресс.

«Известия», 5 февраля 1982.

Увы, территория государства арабов вышла бы в три с лишком раза меньше, чем у евреев (чье государство тоже едва различимо на карте мира), — примерно шесть тысяч квадратных километров...

Немыслимо трактовать политические вопросы, имея перед собой глобус. Вспомним хотя бы, что «пресловутый» (в освещении нашей прессы на протяжении четырех десятков лет) Тель-Авив до «шестидневной войны» располагался практически на границе с Иорданией, формально (а затем и фактически) находившейся в состоянии войны с Израилем. Его ширина в центральной, наиболее населенной части, была от тринадцати до семнадцати километров. Это вдвое-втрое ближе, чем от тушинского лагеря Лжедмитрия II с его жалкими пушчонками до тогдашней Москвы...

Такое обилие «действующих лиц» на столь крохотной «сценической площадке»... Палестинцы, ратующие за образование собственного государства, должны еще и «благодарить» активистов нашей «Памяти» за изменение демографической ситуации не в их пользу в самое последнее время. «Памятники» столь рьяно отстаивают здесь «арабские интересы» (лозунг: «У русских и арабов общий враг — сионизм!»), что эмиграция советских евреев все усиливается. Но в долгосрочной перспективе это отнюдь не решение вопроса даже и для Израиля.

Чаяния палестинцев понять можно. Только с чем же, в конце концов, сядут они за стол переговров с израильтянами? Явится ли предметом обсуждений все та же прежняя — до 1967 года — чудовищно запутанная и растянутая граница (до тысячи километров только по суше), перетягивающая территорию еврейского государство подобно осиной талии и одновременно рассекающаяся предполагаемое арабское на изолированные друг от друга, неравноценные по площади и населению анклавы (сектор Газа и Западный Берег Иордана)? Сколько появится новых поводов для драк!

Есть ли иной геополитические выход? Предлагаю решение, возникшее у меня давно, более двадцати лет назад. Я и подумать тогда не мог, что оно — довольно очевидное — не придет еще в чью-то голову.

Учитывая специфичную этнографию района, не разделить ли его (поначалу, само собой, мысленно) почти прямой кратчайшей линией (всего-то сто километров) поперек — от средиземноморского побережья к Мертвому морю? В качестве исходного предложения для обсуждения сторонами представляется разумным разделение по рубежу от крайней северной точки сектора Газа (на западе) до наибольшего сужения Мертвого моря южнее Масады (на востоке) с учетом факторов естественного рельефа местности. Итак, вместо Западного Берега площадью 5,5 тысяч квадратных километров палестинцам предлагается вся южная часть страны вдвое

большая по площади с выходами и к Средиземному морю в секторе Газа, и к Красному — порт Эйлат. Да, район пустынный (Негев, Арава, часть древней Идумеи), но в значительной части уже орошенный Иорданским водоводом, бесперебойное функционирование которого должно быть оговорено в соглашении. И сейчас в этом районе помимо арабов проживают почти 400 тысяч евреев, которым пришлось бы, при соглашении об обмене населением, переместиться из благоустроенных городов Беэр-Шевы, Нетивота, Арада, Димоны, Иерохама, Эйлата, из десятков высокопродуктивных сельскохозяйственных поселений — на север, в Израиль с его новыми, обеспеченными мирным договором границами. Площадь еврейского государства стала бы меньше, чем до «шестидневной войны», но и протяженность сухопутных границ тоже почти втрое меньше.

Два небольших, но компактных жизнеспособных государства.

Спору нет, у Израиля в его новых границах не только сохранилось бы, но и упрочилось важное преимущество — основной источник водоснабжения из Иордана и Тивериадского озера. Однако, оно было и до 1967 года. Именно эта гидрографическая особенность вынуждает размещать, хотя бы в теории, еврейское государство на севере, арабское же — на юге. Ведь врагами Израиля объявили себя не только палестинцы, но и могущественные государства региона; для них было бы огромным соблазном перекрыть Иорданский водовод, получить решающее стратегическое преимущество.

Если бы будущая арабская Палестина пожелала объединиться с Иорданией, где преимущественное население — те же палестинцы, такое государство с выходами к двум морям, с важнейшими нефтепроводами на своей территории, с географически центральным положением в огромном арабском мире могло бы стать поистине транспортным и хозяйственным средоточением всего Ближнего Востока, куда как превосходя экономические возможности Израиля. Стоит ли — при таких-то перспективах! — жить одной лишь бесплодной враждой?

Когда-нибудь, бесспорно, арабы и евреи, эти «двоюродные братья», согласно Библии, потомки праотца Авраама, станут жить в мире и согласии. Но пока что — и это более чем очевидно — им необходим «развод» и «размен». Наиболее проблематичное в моем предложении — это добровольный (только такой!) обмен населением своих обжитых мест. Лучше ли вечная кровавая вражда?

Территория Юга вдвое больше нынешнего Западного Берега, но жилая площадь — меньше. И Израилю придется, вероятно, построить еще один благоустроенный город для будущих арабских жителей, как-то компенсировать их переезд. Быть может, затеять важное в экономическом отношении совместное строительство канала, дублирующего Су-

эцкий, взять на себя основную долю расходов...

Такой добровольный обмен был бы явлением уникальным, но не в пример менее масштабным, чем изуверские насильственные переселения, которыми знаменит наш XX век, хотя бы в пределах собственной нашей страны. Да и не удивишь Ближний Восток уникальностью обстоятельств! Где еще возникли три мировые религии? Где еще народ, рассеянный по свету на протяжении тысячелетий, смог создать свое государство и восстановить свой древний язык? И где еще в наше время так неукротима была борьба обиженных за свои национальные права? Все это феномены мировой истории.

Реален ли данный проект? Отвечу с присущей мне еврейской интонацией: а вы можете предложить другой? Пока что арабов и евреев пытаются просто усадить за стол переговоров — еще безо всякой, по сути, повестки дня. Уникальный случай!

Заметим, Израиль до сих пор объявляет территории вне собственных границ 1967 года — «контролируемыми». Дать им иной статус, объявить собственными, значит, с учетом законов демократической страны, присоединить к «своим» арабам, гражданам еврейского государства, еще миллионы (с учетом ближайшего естественного прироста).

Но и у палестинцев перспективы не радужные. В былом — относительное единство арабского мира, финансовая щедрость нефтяных шейхов, абсолютная политическая и прежде всего военная поддержка (не абсоютная, но реальная) Советского Союза, подготовка террористов на терртории восточноевропейских «соцстран», экспорт оружия оттуда, возвышение Саддама Хусейна, этой надежды и опоры арабских радикалов, превращение Ирака в могучую военную державу с миллионной армией, по численности четвертой в мире...

Опасна для палестинцев и реальность фашизации пока что демократического израильского общества, крепнущее у экстремистов стремление «решить вопрос» одним махом — насильственным выселением арабов, как это у нас проделали когда-то со многими народами...

Но я верю в еврейский здравый смысл. Расстался же Израиль после победы в «войне Судного дня» 1973 года с Синаем в обмен на мирный договор с Египтом! Я еще помню, с какой горечью израильские солдаты силком выселяли упиравшихся еврейских колонистов, создавших на Синае процветавшее поселение Ямит, трудом своим растившим богатые урожаи.

Среди евреев, даже ортодоксальных, обычно имя Александр — типично эллинское. Рассказывают, будто Александр Македонский, взяв приступом Иерусалим, распорядился, чтобы по эллинскому обычаю в храме — иудейском! — была поставлена его статуя. Еврейская традиция этого напрочь не допускает. Долго размышляли хахамы — мудрецы. Наконец пришли к царю с решением: ста-

тую они все же не поставят, зато станут нарекать его именем еврейских младенцев — и тем прославят его вовеки.

Пример разумного компромисса заразителен. Как знать, не с Ближнего ли Востока пойдет «мода» на здравый смысл. Ведь он, словами Гете, «подлинный гений человечества».

САМИ О СЕБЕ

Сижу, схватившись за голову, и ничего не вижу от слез. Мне звонили из Риги. В десять вечера я села за машинку. Звонок был в одиннадцать: латышский журналист Подниекс. Он когда-то мою книжку читал. Нет, я не про то. Голова раскалывается. Спокойно! То ли я с ума схожу, то ли...

Надо по порядку. Я, Елена Боннэр, год рождения 1923, еврейка-армянка, русскоязычная, русскопишущая. Сны вижу на русском. /.../

Елена БОННЭР. Звонит колокол...
(«Московские новости». 27 января 1991).

/.../ Вообще-то мать у меня армянка, отец еврей. Когда я родился, они решили, что жизнь моя будет более безоблачной, если я стану армянином, и я был записан в метрике как армянин. А затем, когда пришло время уезжать, выяснилось, что для этого необходимо быть евреем. Став евреем в августе 1978 года, я получил формальную возможность уехать.

/.../ Я долго думал, как можно сформулировать мою национальную принадлежность, и решил, что я русский по профессии.

Беседа Сергея ДОВЛАТОВА с Виктором ЕРОФЕЕВЫМ. —
«Огонек», № 24 (июнь) 1990.

НИКТО, КРОМЕ АРМЯН, СУДЬБУ АРМЕНИИ РЕШИТЬ НЕ СМОЖЕТ

Чемпион мира по шахматам Гарри КАСПАРОВ отвечает на вопросы редактора журнала «НОЙ» Вардвана ВАРЖАПЕТЯНА.

ВОПРОС. Каким Вам представляется будущее Армении и армян в XXI веке?

ОТВЕТ. Уже в названии вашего журнала виден символ тысячелетних судеб евреев и армян, их историческое одиночество. И все-таки армянский народ будет и в новом веке, и в новом тысячелетии, тут сомнений нет. С государством вопрос сложнее, хотя и здесь ответ должен быть однозначно-положительным, особенно если Армения сумеет построить свое геополитическое будущее так же успешно, как Израиль. В 1948 году Израиль стартовал в несравнимо худших условиях, чем те, в которых сейчас находится Армения. Напомню также, что до Шестидневной войны 1967 года еврейское государство было практически в одиночестве, — мир тогда был не так отзывчив на чужую боль, да и не так цивилизован, как сегодня. Армения же всегда вызывала сочувствие цивилизованных государств, мирового общественного мнения.

Для будущего важно все: кто победит на президентских выборах в США, как будут развиваться арабо-израильские отношения и т.д. — это вроде бы не влияет впрямую на Армению, но тем не менее весьма существенно. Есть и объективные факторы. И есть, кроме того, нечто выше нашего понимания — возможно, именно это и

называется судьба. Так что, если правильно выработать стратегию, учитывающую все изменения международной ситуации, то шансы на будущее у Армении неплохие. Хотя, конечно, это потребует максимального напряжения и тонкой стратегической игры руководства Армении. Необходима и более серьезная поддержка армянской диаспоры, сопоставимая с помощью еврейской диаспоры Израилю, то есть ощутимое влияние на политиков — возможно, некоторые правительства не хотели бы поддерживать Тель-Авив, но вынуждены это делать под давлением еврейских общин.

Придется еще долго и мучительно нащупывать свою линию отношений с тем, что осталось от СССР; распад Советского Союза создал новые и очень серьезные проблемы для вчерашних республик, и, конечно, для Армении. Сейчас надо безошибочно играть. И все-таки в целом историческая ситуация складывается благоприятно для создания независимого процветающего демократического государства, но для этого опять-таки нужно правильно просчитать сложившийся баланс сил и сделать правильные ставки, не допускать серьезных ошибок, тем более, что сейчас цена каждой ошибки гораздо выше, чем в мирное время. Еще я считаю очень важным принцип интеллектуальной честности. Говорят: мол, есть politique reale[1], и с этим надо считаться, а на самом деле politique reale в нынешних условиях может рикошетом ударить по тем, кто ведет двойную игру в политике. Необходимо ясно сознавать, чего ты хочешь, какие нравственные ценности защищаешь, к каким идеалам стремишься и, следовательно, признавать стратегические цели, которые нельзя разменивать на мелкие тактические выгоды. Да, я понимаю, что падение режима Саддама Хусейна могло привести к распаду Ирака, к новым проблемам в регионе, но все-таки, если президент Буш говорит, что Саддам Хусейн хуже Гитлера, — его надо добивать. Недовырванное, недоуничтоженное зло опасно.

ВОПРОС. А как Армения может защитить себя — сильной армией, мощным союзником, вступлением в НАТО?

ОТВЕТ. Всем понемногу. Но лучшая защита — собственная сила. Крепость Израиля — не в его заступниках и покровителях, а в возможности мгновенного и жесткого ответного удара; если Тель-Авив не ответил на иракский ракетный обстрел в январе прошлого года, это еще не означает, что Ирак остался безнаказанным. Уверен, Саддама Хусейна удержала от химической атаки на Израиль не мощь союзнической коалиции, а абсолютная уверенность, что ответный удар окажется ядерным.

По моему мнению, Армении необходимо: во-первых, создать собственную армию; во-вторых, найти надежных и сильных союзников; в-третьих, вести такую политику, которая

позволила бы избежать войны с кем бы то ни было. Возможно, это идеал, утопия, но необходимо всегда помнить, что цель должна быть сопоставима со средствами и с жертвами, принесенными ради ее достижения.

ВОПРОС. Как Вы считаете, нормальные отношения с Турцией желательны для Армении или необходимы?

ОТВЕТ. И исторически, и геополитически это все-таки необходимость. Правильно строя отношения с Турцией, можно добиться от нее confession[2] в тех рамках, в каких это возможно, и тем самым облегчить сосуществование. Ведь реальность изменить нельзя — в этом мире Турция всегда будет граничить с Арменией. Для развития армяно-турецкого диалога очень важно изучить трудный опыт отношений Израиля и Германии. Здесь, видимо, придется привлекать Америку. Но если Ереван сумеет правильно сыграть игру с Анкарой, от Турции можно будет добиться определенных уступок и признаний в обмен на взаимовыгодные отношения, которые, кстати, укрепят и геополитическое положение самой Армении.

География часто преобладает над политикой, даже говорят: география — главный исторический итог. Конечно, будь Армения расположена на берегу Черного моря и граничь с Россией, ситуация была бы совершенно иной, но тут ничего не поделаешь и не изменишь — Армения всегда будет граничить с Турцией, Ираном, Азербайджаном, всегда вынуждена будет строить свою политику, исходя из факта окружения мусульманскими государствами. И сама должна учиться быть независимым государством. Необходимо заново осознать себя как нацию — спокойно, трезво, самокритично. Ведь никто, кроме армян, судьбу Армении решить не сможет, — это же так ясно.

---

[1] Politique reale (франц.) — реальная политика.
[2] Confession (англ.) — признание вины.

САМИ О СЕБЕ

ВОПРОС: Вы часто выезжали из СССР для участия в турнирах за рубежом. Вы никогда не думали о том, чтобы не возвращаться обратно?

ОТВЕТ: Нет. Многие официальные лица в моей стране ждали, что я уеду. Они видели меня, полуармянина и полуеврея, и думали, что я больше не останусь в Советском Союзе. Но я люблю свою страну. Я родился среди этих людей. Если я буду жить в США или Англии, то останусь всего лишь чемпионом мира. В моей стране это выходит за рамки шахматной доски. Моя судьба целиком связана с моей страной, с моим народом, с Россией. /.../

Интервью Гарри КАСПАРОВА корреспонденту журнала «Тайм» 15 октября 1990.

Карапет ПАЛДЖЯН

АРМЯНЕ МУСА-ДАГА В РОМАНЕ ФРАНЦА ВЕРФЕЛЯ

Аналитический опыт

Всемирно известный австрийский писатель Франц Верфель опубликовал роман «Сорок дней Муса-дага». Удивительно, однако такова истина, что армянские писатели и поэты, многие из которых сами пережили черные дни изгнанничества, до сих пор не смогли со всей полнотою воссоздать трагедию, пережитую армянским народом.

Правда, послевоенная армянская литература полна воспоминаний, описаний, и, однако, чтобы не погрешить против истины, мы должны признать, что ни одно из них не представляет собой непреходящей ценности.

Ибо только искусство может обессмертить событие.

Ибо только искусству ведома тайна вечной жизни.

Ибо только искусство может представить истинное и действительное более реально, нежели сама действительность.

Говорят, что если случится исчезнуть всем официальным документам, всем историческим источникам, вообще всяким следам французского XVII века, то достаточно будет творчества одного лишь Мольера, чтобы восстановить это столетие в его верных, подлинных чертах. Армяне Франца Верфеля будут вечно жить в сознании человечества независимо от того, что произойдет в дальнейшем. И пусть не покажется странным, если мы скажем, что, возможно, наступит день, когда армянин и турок с равно захватывающим интересом прочтут этот роман, оплакивая судьбу своих прадедов, которые, будучи людьми, созданными из одной и той же земли, не знали друг друга и вместо того, чтобы питать взаимную любовь и прожить дарованную им Богом жизнь мудро и красиво, ненавидели друг друга и пытались один у другого погасить свет души и выжать по каплям всю кровь.

Велика сила искусства! О, если бы руководители человечества, государств были воспитаны в высоких идеалах искусства, может быть, тогда и наша судьба была бы иной! И, однако, этот день, по-человечески рассуждая, должен прийти, ибо таково требование времени.

Не следует заблуждаться, полагая, будто роман Франца Верфеля написан против турок, что он служит антитурецкой пропаганде. Нет. Я не думаю, что Франц Верфель был врагом турок, и не думаю, что свой замечательный роман он написал в подобными настроениями.

Франц Верфель слишком великий писатель, чтобы руководствоваться в своем произведении «пропагандистскими» целями. Для него одно лишь мгновение в трагедии армянского народа представляет собой бедствие всемирной истории, обладающее высокой общечеловеческой значимостью, которое он обессмертил своим гением. С его точки зрения — с точки зрения художника, — и турок, и армянин в равной мере люди, и каждому уготовано страдать на свой лад.

Роман Верфеля, как любое великое творение, может иметь свои изъяны и даже недостатки, если его рассматривать с разных эстетических точек зрения. Однако роман становится явлением благодаря силе воплощения реальной жизни. Это поистине прочный, реальный, подлинный мир с его высотами и безднами, тьмою и солнцем, густыми облаками и розовыми горизонтами, мир, пройдя через который, почувствуешь, что словно бы прожил еще одну жизнь, стал более человеком.

Армянский народ должен умереть (таков указ сильного). И он, разъединенный, парализованный и обессиленный, склоняет голову перед судьбой и пускается в путь к смерти.

Надо умереть. Однако как умереть? Вот вопрос, который возникает здесь, там и везде.

Этот вопрос гремит в Карахисаре, Урфе, Ване и семи селах Муса-дага и волнует все души — терпеливые и покорные судьбе души восточных людей.

Более пяти тысяч армян из семи сел, расположенных у подножия Муса-дага, собрались в Йогонолуке перед дачей Габриэла Багратяна и сами себе задают вопрос — как умереть?

И они принимают решение — самозащита до последнего человека, до последней капли крови.

Умереть, но умереть с честью.

Пять тысяч организованных и более или менее вооруженных армян поднимаются на гору Муса и защищаются в течение сорока дней, оказывая героическое сопротивление намного более сильному и лучше вооруженному врагу.

Армяне знают, что в конце концов должны потерпеть поражение, знают, что пытаются сделать невозможное, и, однако, бьются неистово, не рассуждая, с затаенной верой, что восторжествует справедливость и спасет их, с уверенностью, что удастся осуществить невозможное.

И вот еще раз становится доказанным, что кровью можно выйти за пределы возможного, в вечность, к бессмертию.

И действительно, после сорока дней неравной борьбы мусадагцы спасутся, потеряв около пятисот человек.

Ценою крови совершилось непостижимое, пришло спасение, а подвиг героев был начертан на скрижалях истории.

Роман Верфеля — это, безусловно, реалистический роман и в особенности психологический. Верфель — великий психолог, и роман его зиждется на живых характерах. Поистине кажется невероятным, что писатель-иностранец смог так глубоко и совершенно, до мельчайших подробностей и тонкостей изучить и понять душу армянина. В мировой литературе лишь немногие из великих писателей смогли так воссоздать душу какого-нибудь народа во всей ее глубине, сложности и противоречиях, как это сделал Ф.Верфель.

Говоря о Толстом — великом мастере психологического романа, Стефан Цвейг замечает, что, прочитав его, начинаешь лучше понимать самого себя как человека. Можно без преувеличения сказать, что, прочитав «Сорок дней Муса-дага», начинаешь лучше понимать себя как армянина.

С этой точки зрения для нас, молодежи диаспоры, которая страдает духовной пустотой, атмосфера романа — это также открытие потерянного и вновь обретенного мира, который ныне становится для нас таким близким, таким теплым и живым.

Но кто же они, армяне Франца Верфеля?

Персонажи романа — это обыкновенные люди. В мирные времена высоко ценящие себя национальные деятели, вероятно, усом-

нились бы в их патриотизме и духе самопожертвования. И тем не менее эти люди, не обладающие исключительными духовными возможностями, в тяжелые мгновения судьбы знают как и умеют с предельной силой воплотить в себе национальный дух и придать ему наибольшую ценность. Ф.Верфель поступил, безусловно, правильно, не отделив в своем романе героев от обыкновенных армян. Роман от этого много выиграл.

Молодое поколение иногда имеет поводы сомневаться в нравственной силе армянина, но Верфель показал, что первое впечатление от армянина всегда ошибочно. И, лишь если умеешь проникнуть в самые дальние уголки его души, только тогда убедишься, что он способен на исключительные нравственные взлеты. Действительно, не в этом ли кроется тайна долговечности армянского народа? На протяжении веков его постоянно угнетали, преследовали, дезорганизовывали, порабощали, уничтожали, рассеивали по миру, но вопреки всему этому он живет, и живет полноценной жизнью, жизнью сознательной, силой неоскудно, вечно обновляющихся мысли, чувств и воли.

Интересно, каким видит турка Ф.Верфель.

Сразу же следует сказать, что в романе турки представлены не только в отрицательном свете. Писатель видит в них также сознательность, совесть и человечность.

Организатор погромов в романе Верфеля — не турецкий народ, а иттихат, то есть «европеизированный» турок, который превращается в западного человека, корыстолюбивого и расчетливого обывателя, но, безусловно, без осознания вековой культуры европейца.

В сознание такого турка проникает именно европейский мещанский национальный идеал, разрушив все, что определяло у прежнего турка веру и совесть, и ничего нового не поставив на их место.

Турок-иттихат отныне имеет вместо совести политическую пантюркистскую программу, которую должен осуществить.

Главный герой романа — Габриэл Багратян, 35-летний молодой армянский интеллигент, который всю свою жизнь провел во Франции, женат на француженке Жюльетте, от которой имеет единственного сына, 13-14-летнего Стефана.

Однако судьба повернулась так, что в годы первой мировой войны Багратян возвращается на родину предков и свою родину — в Йогонолук, чтобы там, в тихой и красивой деревне дождаться окончания войны. И тут-то турецкое правительство намеревается раз и навсегда решить армянский вопрос. Весть об этом достигает Йогонолука. Габриэл Багратян начинает обдумывать меры самозащиты.

«Человек не знает себя, пока не придет час испытания». Это центр тяжести романа. В душе Багратяна происходит великий пе-

релом, поднимается возрожденный человек, чтобы силой своей обновленной души победить судьбу.

Начиная с этого мгновения Багратян лучше, чем когда-либо, знает, что ему предстоит делать. Новый человек в нем неудержимо жаждет начать эту свою жизнь. Жаждет отдаться во власть судьбы своих соотечественников и разделить с ними их страдания и мученичество.

Никакая сила не может отвратить его от этого стремления. Все его существо, каждая клеточка тела и души толкает его навстречу его новой судьбе. То, что совершается с существом Багратяна, это подлинное чудо, переворот, с которым можно встретиться только в легенде.

Однако в чем суть этого «чуда» в случае Габриэла? Что пробудилось в нем, в корне изменив все его существо, превратив его словно бы в другого человека?

Современная наука учит, что человек рождается с определенными унаследованными духовными признаками. В каждом новорожденном уже есть зародыши тех инстинктов, мыслей, образа действий, устремлений и даже неосуществленных желаний, которые из поколения в поколение были заключены и воспитывались в душах их предков.

Все эти, унаследованные от племени духовные элементы пускают в неизведанном мире человеческой души, в подсознании глубоко разветвленные корни, которые и остаются там скрытыми настолько, что даже сам субъект не подозревает об их существовании. Они составляют органичную часть неосознанной памяти, таящейся в темных, недоступных пластах души.

Нередко, однако, эти подспудные и тайные силы проявляются непосредственно или опосредовано. Всю жизнь живут они с тобою, в тебе и ты ничего не знаешь о них, но вдруг наступает мгновение, когда они пробуждаются и проникают в твое сознание. Все в тебе переворачивается, и неукротимая сила влечет тебя к новой и более истинной реализации самого себя.

Эта сила бывает тем неукротимее, чем древнее предки, от которых она исходит. Сила взрыва бывает тем сильнее, чем глубже скрыта она в тебе. Она тем более стихийна и бурна, чем более усилий ты прилагаешь в своей жизни, чтобы бежать от нее.

Это наследие нес в себе и Габриэл Багратян. Неожиданный поворот судьбы перенес его к подножию Муса-дага, на родину его предков, где ему предстоит разделить судьбу своих соотечественников, оказаться, как говорит Ав.Агаронян, «лицом к лицу с клыкастой судьбой» армянского народа.

Для Габриэла Багратяна магической силой пробудившей его, стала и природа родного края и в особенности величайшая опасность, нависшая над всем его народом.

Новый Габриэл Багратян — это отныне воплощенная программа, воплощенная воля и непреодолимая сила. Он организует все совместно с сельским священником — вардапетом Тер-

Айказуном, находит также нужных людей, которые оказываются весьма полезными в последующих работах и боях. Около пяти тысяч армян — жителей семи сел, расположенных у подножия Муса-дага, решают подняться и поднимаются на гору, чтобы не сдаваться туркам, непоколебимые в своем стремлении сопротивляться.

Тер-Айказун был высшим авторитетом, добронравным, положительным руководителем всех, а Габриэл Багратян становится командующим всеми военными силами, который должен был организовать самозащиту и руководить ею. При этом Багратян подчинялся не только Тер-Айказуну, но и составленному из представителей народа и бойцов совету, на котором принимались все важные решения.

Следовательно, даже при таких исключительных обстоятельствах, когда более чем когда-либо не время для свободы слова и более чем когда-либо необходимо подчиняться единой воле, армянский народ не захотел довериться одному человеку и пожелал принимать участие во всех тех решениях, которыми определялась его жизнь. Таким образом, здесь мы сталкиваемся со сплоченностью, коллективизмом армян. При такой форме принятия решений, не утверждая своего единовластия, Багратян легче достигал успеха, завоевывая доверие народа: армянин становится послушнее, если делает это свободно, по своей воле. Каждый раз, когда на Муса-даге возникало недовольство, разжигавшееся завистниками и интриганами, и люди начинали проявлять недоверие и недовольство «этим франком», Габриэл Багратян и Тер-Айказун напоминали им, что они свободны сами избрать свой путь и удалиться.

Сталкиваясь с подобным отношением, недовольные вновь становились дисциплинированными, по своей воле подчинялись начальникам и законам.

Тер-Айказун — это удивительный образ армянского сельского священнослужителя. С первого взгляда никогда не поверишь, что этот смиренный и законопослушный пастырь может превратиться в мятежника, который, став во главе народа, борется против правительства. В случае необходимости Тер-Айказун с присущей восточному человеку хитростью умеет скрывать свои истинные чувства и мысли. И тем не менее этот человек, который умел молчать, мириться со всем, который видел в терпении высшую мудрость, ныне, когда чаша переполнилась и стала проливаться, совершенно преобразился, стал решительным и отважным. Тер-Айказун — это самый полный и совершенный образ армянина в романе Франца Верфеля.

Своей прозорливостью, своим трезвым умом и умеренным воодушевлением, своими делами он предстает перед нами как уравновешенный человек.

Образ Тер-Айказуна при всей его внешней простоте — самый сложный образ романа. Обладая наиболее сложной среди действующих лиц романа душой, он, однако, в то же время цельный и

гармоничный человек. В своей сложности он более всех монолитен. Исследовать душу Тер-Айказуна трудно.

Тер-Айказун знает в мельчайших подробностях недостатки и достоинства своего народа и умеет порицать первые, даже строго наказывать за них и поощрять вторые.

В связи с обустройством переселенцев на Муса-даге автор романа раскрывает еще одну черту армянина — его верность традициям. Особенно привержен традициям Тер-Айказун.

Когда встал вопрос, как должен разместиться народ на горе, Г.Багратян, человек абстрактного мышления, предложил людей разделить на группы и соответственно расселить их, чтобы жизненный уклад стал более «систематичным». Однако Тер-Айказун воспротивился этому и, уважая предпочтения своих прихожан, решил, чтобы каждая семья устроилась на новом месте, так же, как и внизу, не разлучаясь друг с другом. Тер-Айказун знал, что армянин, хотя и принимает решения коллективно, вместе с тем индивидуалист и эту его черту следует уважать. Впрочем, имели место и крайности, которые показали, что армянину присущ не только индивидуализм, но и крайнее его проявление — эгоизм и неспособность к самопожертвованию во имя общих интересов. Самый богатый средь жителей округи Кебусян, например, владелец наибольшего числа овец, до конца противился и выражал недовольство коллективным хозяйством, которое в данных условиях было наиболее разумной и возможной формой хозяйствования.

В романе немало и отрицательных образов. Было бы ошибкой представить только положительные стороны армянина, и Верфель, выдающийся писатель, никогда не мог бы видеть в человеке только ангельское.

У армянина, вообще у армян, безусловно, есть отрицательные черты, нездоровые отклонения в характере, которые не могли не отразиться в романе Верфеля, поскольку задачей автора было представить армянский народ таким, какой он есть в действительности.

Утаиваемые, скрытые недостатки никогда не исчезнут. Так что и с нравственной точки зрения их разоблачение перед всем миром имеет большое воспитательное значение и легче поможет нам избавиться от них. Или, чтобы быть правдивее и искреннее, скажем, что, хорошо узнав наши недостатки, мы можем дать им положительное применение, ибо едва ли возможно избавиться от укоренившегося недостатка, но можно изменить его направление и найти ему соответственное применение.

Вот почему не следует пугаться того, что Верфель атмосферу столь блестящих духовных качеств и высокого героизма замутил описанием многих грязных, омерзительных поступков и падений душ. Такими отрицательными персонажами представляются, скажем, учитель Грант Восканян и Саркис Киликян. При этом и они

остаются людьми живыми, сложными, не похожими друг на друга.

Писатель показывает также, что защитники Муса-дага не всегда могут понять других людей, таких, к примеру, как жена Багратяна, француженка Жюльетта, и подружившийся с ней грек Марис.

В те мучительные и безнадежные дни, когда Габриэл был так занят, что целыми днями не видел жены, Жюльетта проводила свое время с Марисом. Жюльетта была истой француженкой, ее отношения и обращение с этим иностранцем, были совершенно непонятны ее окружению. Несмотря на то, что Жюльетта никогда не была неверной женой, любила своего мужа глубоко и искренне, и поднялась на Муса-даг, чтобы умереть рядом с мужем, хотя как француженка имела возможность спастись, тем не менее народ, игнорируя все это, следил за Жюльеттой глазами недоверчивыми, подозрительными и коварными. И тут сплетни, волны недовольства распространяются все шире, уже говорят о «позоре семьи Багратянов». Многие обходят их шатры, считая это место нечестивым. Когда появляется Жюльетта, каждый избегает ее и старается даже не смотреть в ее сторону. Армяне не могут понять, как Габриэл все это терпит и не убьет свою жену.

Даже Тер-Айказун в глубине души думает то же.

Эти люди, голодные, отчаявшиеся, которым оставались считанные дни жизни, все еще имели достаточно сил и желания, чтобы осуждать и обливать грязью семью, от которой видели только благодеяния и благодаря которой жили все еще на свободе, не теряя своего достоинства.

Однако это явление имеет и свою оборотную сторону. Оно показывает нам, насколько прочно в армянском народе чувство чести и святости семьи, которое рождается и стойко держится в нем до последнего дыхания жизни.

Таким образом, даже в мгновения самых тяжких страданий и отчаяния армянин не умеет прощать и уступать, когда вопрос касается чувства семейной чести.

И когда, читая роман, узнаешь армянский народ с этой стороны, не знаешь, сожалеть ли о провинциальной ограниченности и фанатичности этого несчастного народа или, напротив, восхищаться его твердыми как гранит представлениями о нравственности, которые, выдержав испытание веками, сохранили в чистоте славу чести армянина.

Свою особую жизнь имеют в романе несколько подростков, в которых воплощены духовные взлеты, необыкновенное мужество и храбрость армянского юноши. Среди них особенно выделяются Гайк и Стефан.

Стефан — сын Габриэла и Жюльетты, 14-летний подросток с глазами армянина. Хотя он уже был почти офранцужен, однако, когда сеьмя их обосновалась в Йогонолуке, у него появилось желание стать таким же, как сельские подростки. Он прежде всего скинул с себя европейское платье, оделся в одежду армянского крестьянина и стал жить их жизнью, несмотря на явное неудоволь-

ствие матери.

Самым сильным и выносливым подростком в деревне был Гайк, сын Щушик, переселенки с Кавказа, который стал живым идеалом Стефана. Гайк был подлинным преемником Давида Сасунского.

Постепенно, однако, Стефану удается стать таким, как Гайк. Таким же, а может быть, и более дерзким, смелым и отважным, готовым выполнить самое опасное дело, даже с риском для жизни.

После геройских дел Стефан становится уже совсем «своим» в глазах армянских деревенских подростков. Турки, однако, его поймали и, доставив в Йогонолук, убили перед отчим домом. Несколько старух взяли тело Стефана, отнесли на гору, где оно и было погребено с подобающими обрядами.

До этого несчастья народ смотрел на Багратяна как на чужака, и только мученичество его сына стало для народа весомым доказательством того, что и он разделит судьбу армянина.

На сороковой день совершилось неожиданное и невероятное. Французский крейсер «Гишен» случайно заметил огонь, распространявшийся по Муса-дагу, подплыл с несколькими другими кораблями к берегу и спас всех армян. Армяне покинули Муса-даг, оставив там 430 умерших и увозя с собой 17 младенцев, родившихся в течение этих сорока дней.

Спаслись все, за исключением одного, Габриэл Багратян остался на горе. Воспользовавшись общей сумятицей, он скрылся и незаметно быстрым шагом поднялся на гору.

За эти сорок дней Багратян прожил всю свою жизнь. В нем родился и умер целый мир — армянский мир, который на какое-то время проснулся в нем.

Силы, пробудившиеся в его же душе, истощили, выжали все его существо. Эта стихийная вспышка, которая внезапно овладела его мыслью, волей и всеми чувствами, сожгла его сущность и угасла. Пробудившиеся в нем предки сделали свое дело, и существование Габриэла здесь, в этой жизни, стало бессмысленным.

Возвратиться к Жюльетте, к жизни? Но от них он давно отдалился. Тот Багратян давно и окончательно в нем умер. Неопределенное внутреннее чувство толкает его наверх, на гору, и только туда, ибо только там он может быть свободным.

Багратян бродит на горе без какой-либо цели, без каких-либо определенных чувств.

Инстинктивно он направляет шаги к могиле Стефана. Здесь вечером турецкая пуля пробила ему висок. Габриэл Багратян, падая, «схватился за деревянный крест и увлек его за собой. И крест сына лег ему на грудь».

Габриэл Багратян умер, меж тем спасенный народ двинулся к новой жизни.

От нашего внимания не должно ускользнуть то обстоятельство,

что главный герой романа Франца Верфеля Габриэл Багратян является армянином-колонистом. Армяне-колонисты также Стефан и студент Авагян.

Ф.Верфель создал идеал армянина-колониста. Это не тот колонист, который с утра до вечера, бахвалясь и бия себя в грудь, клянется в своей любви к народу, в патриотизме, а тот, который, тихо и спокойно живя в колонии, не произносит громких и кичливых речей, но, когда наступает пора величайшей опасности, оказывается там, на месте, чтобы защищать честь и свободу своего народа и отчизны и умереть за них.

Известно, что, создавая в своих романах образы героев и революционеров армянской национально-освободительной борьбы, Раффи предвосхитил рожденных жизнью реальных героев. Не можем ли мы сказать, что и Франц Верфель в своем романе предвосхитил действительность, создав образы армян-колонистов, которые должны родиться в колониях, а затем расцвести и дать плоды на родной земле?

Родятся ли реальные Габриэелы Багратяны, Авагяны, Стефаны, которые создадут на земле своих предков монументы новой жизни и ценности во славу армянскому духу и истории?

Это возможно тем более, что армянин-колонист Багратян, вернувшись с Запада к себе на родину, обладал и рядом качеств, которых сравнительно лишен армянский крестьянин, качеств, которые Габриэл приобрел в Европе и применил в своей стране на пользу народу. К этим положительным чертам относятся: более деловой и активный дух, реализм мышления, вера в собственные силы, вера и оптимизм в отношении доброй воли людей, презрение к восточному суеверию, наконец, организующий и дисциплинированный дух.

Таковы качества, которыми Багратян в значительной степени отличался от всех окружающих, в том числе и Тер-Айказуна. Вооруженный научным методом и знанием европейской техники, он смог в наибольшей мере служить своему народу, в наилучшей форме осуществить устремления и волю как бы пробудившихся в нем предков, с наибольшим успехом бороться с опасностью и менять ход событий, подчиняя внешние силы своей воле.

Наши представления о Европе часто ошибочны. В этом смысле среди нас, армян, есть две крайности. Одни полностью отвергают все, что является плодом европейской цивилизации и культуры, и предпочитают оставаться замкнутыми в своем футляре.

Другие же, напротив, неожиданно резко отворачиваются от всего армянского и начинают жить поверхностной, легкой жизнью, образцом для которой служат подонки европейской цивилизации. Особенно распространены эти порожденные невежеством нездоровые представления среди довольно плотного слоя нашего молодого поколения.

Под «европеизацией» они понимают джаз и танцы, дешевенькие романы, легкие развлечения, комфорт, ложно понятый спорт,

презрение к национальным обычаям, отказ от употребления армянского языка и так далее, одним словом, уход из лона армянской общины, обособленную от нее жизнь.

Оба этих крайних отношения, несмотря на внешние различия, по сути скорее близки друг другу, нежели далеки, ибо в действительности человек, который живет, замкнувшись в собственном футляре, презирая культурную среду, очень часто из одной крайности впадает в другую. И это обязательно случается если не с ним лично, то с его детьми.

Замечено, что армянин, который презирает европейскую культуру и остается непричастен к ее благам, неожиданно оказывается перед тем фактом, что в определенном возрасте его молодой сын или дочь становятся столь же чуждыми армянам, сколь их отец был чужд Европе.

Полное обособление от среды, добровольный отказ от внешних источников жизни с неизбежностью ведут к вырождению.

Следовательно, здравый смысл диктует не обособление, а, напротив, сопричастность культуре — истинной культуре Европы. Однако под понятием «европейская культура» мы разумеем не те поверхностные явления или блага техники, которые дает нам Европа, а те вечные и живые ценности, которые составляют основу и одновременно славу Запада.

Мы, разумеется, не хотим сказать, что юноша армянин не должен приобщаться к наслаждениям и к техническим благам цивилизованного общества, мы лишь настаиваем на том, что не надобно довольствоваться только этим; не следует видеть европеизацию только в благах подобного рода.

Истинная культура не отчуждает, а, напротив, приближает нас к своим собственным национальным непреходящим ценностям. Если армянин, будучи вооружен своими национальными ценностями, познакомится с чудесами западной культуры и научится их ценить, он не сможет не любить и не гордиться чудесами армянской культуры.

Если армянский юноша познакомится и научится понимать европейскую музыку, литературу, историю, политику и так далее, тогда он станет больше ценить свою собственную национальную музыку, литературу, историю и так далее. При этом мы предполагаем, что армянский юноша, безусловно, должен сперва иметь четкое представление о своих национальных ценностях, и в особенности предполагаем в нем то глубокое чувство, которое связывает личность с национальным сообществом и без которого эта личность не может иметь реальной ценности ни для своей нации, ни для наций других.

Наша молодежь, в особенности интеллигентная, должна понять тот факт, что культурная личность, нравственный человек необходимо должен оставаться в органичном целом, то есть в сообществе народа, и что вне этого его естественного и близкого окружения начнется разложение не только с национальной, но и с

человеческой точки зрения, ибо, если ты удалишься от своего народа, ты никогда фактически не сможешь слиться с другим народом.

Любая попытка отдалиться от нации ведет к перерождению.

Из рядов такого рода денационализированных людей очень часто выходят своего рода международные авантюристы, готовые совершать самые немыслимые дела.

Подлинная западная культура не к этому нас ведет.

Говоря о подлинной западной культуре, мы разумеем науку, серьезную литературу, музыку, физическое воспитание, а также нравственные, социальные, политические представления и теории.

В романе Франца Верфеля в соответствии с вышеизложенными принципами поступает Габриэл Багратян. И если, как говорят психологи, личность — это постепенно подготавливаемый ответ на вопросы, которые ставит перед человеком судьба посредством фактов и явлений социального порядка, то в таком случае мы должны заключить, что Габриэл Багратян, такой, какой он есть в романе Верфеля — это образ, представляющий собой сияющую вершину человеческой нравственности, образ армянина фаустовского типа.

Будучи предан народу, он видит смысл своей жизни в служении ему; растворив свое «я» в народном «я», он находит высшее счастье в счастье народа; спасение души он обретает в том, что дарит жизнь этому народу. Чтобы достигнуть своей цели, Багратян подобно Фаусту не подчиняется судьбе, но борется с нею и, меняя «естественный» ход вещей, создает другую судьбу.

Габриэл, последний отпрыск рода Багратянов, возвращается в лоно своего народа, чтобы во имя этого народа, во имя своих предков дать классически прекрасный ответ судьбе, ужасной судьбе армянина 1915 года — ответ, который вписан в историю армян, ответ, благодаря которому армянский народ еще раз вступил в вечность.

Целью этих наших размышлений было не исследование творения Верфеля с точки зрения художественного мастерства, а знакомство с армянами, такими, какими они были на Муса-даге.

У нас, армян, есть много веских поводов гордиться нашими предками, начиная с дохристианского периода и до наших дней. И к числу событий, коими мы, безусловно, должны гордиться, без колебаний следует отнести освободительные бои армян Муса-дага, а также Карахисара, Урфы и Вана.

Нация не может жить одними только материальными благами, не может жить лишь такими проявлениями мысли и чувства, как искусство и литература, не может жить только деяниями гениальных личностей, но живет также чувствами чести и собственного достоинства, осознанием своего «мы» и духом самопожертвова-

ния, своей волей жить свободно и гордо, одним словом, своим нравственным обликом.

Армяне Верфеля — такие армяне.

В наши дни, когда мир стоит на грани опасных, роковых решений и народы, замыкаясь в себе, доискиваются своих глубинных корней, чтобы почерпнуть из них свежие и вечно живые силы, Верфель дарит нам роман, в котором мы находим готовые ответы на многие волнующие нас вопросы. Остается только понять их и оценить по достоинству.

Что бы ни произошло, армянский народ, армянское отечество должны преодолеть страдания, и, как всегда, на этот раз должен осуществиться девиз: «Ради непостижимого в нас и выше нас».

Ибо если несчастия и мученичество — это удел армянского народа, то надо хорошо знать, что выдержка и умение побеждать, и жизнь — тоже его удел. Ныне стало очевидным, что армянский народ обречен жить любой ценой.

Какой же вывод можно сделать из этого нашего маленького исследования?

Поверим в нравственные силы армянского народа. Поверим в будущее армянского отечества. Будем гордиться тем, что мы армяне.

Эта работа отпечатана с разрешения его святейшества Католикоса Всех Армян Вазгена I.

Задолго до избрания его Католикосом (1955), до посвящения в сан священнослужителя мирское имя автора статьи было — Левон Карапет Палджян (род. 20 сентября 1908).

Карапет Палджян, принадлежавший к общине армян в Румынии, окончил коммерческое училище, философско-филологический факультет Бухарестского университета, занимался научной и преподавательской деятельностью. Его перу принадлежат статьи по проблемам развития армянской культуры и языка.

В 1940 г. Карапет Палджян издал небольшую книгу, посвященную роману выдающегося австрийского писателя, еврея по национальности, Франца Верфеля «Сорок дней Муса-дага». Впервые на русском языке эту работу (с сокращениями) опубликовал журнал «Дружба народов» в августе 1987 года.

Речь патриарха Московского и всея Руси Алексия II, произнесенная им 13 ноября 1991 года в Нью-Йорке на встрече с раввинами.

Дорогие братья, шолом вам во имя Бога любви и мира! Бога отцов наших, который явил Себя угоднику Своему Моисею в Купине неопалимой, в пламени горящего тернового куста, и сказал: «Я Бог отцов твоих, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова». Он Сущий — Бог и Отец всех, а мы все братья, ибо мы все дети Ветхого завета Его на Синае, который в Новом завете, как мы, христиане, верим, обновлен Христом. Эти два завета являются двумя ступенями одной и той же богочеловеческой религии, двумя моментами одного и того же богочеловеческого процесса. В этом процессе становления Завета Бога с человеком Израиль стал избранным народом Божиим, которому были вверены законы и пророки. И через него воспринял Свое «человечество» от Пречистой Девы Марии воплотившийся Сын Божий. «Это кровное родство не прерывается и не прекращается и после Рождества Христова... И потому мы, христиане, должны чувствовать и переживать это родство как прикосновение к непостижимой тайне смотрения Божия». Очень хорошо выразил это выдающийся иерарх и богослов Русской православной церкви архиепископ Херсонский и Одесский Никанор (Бровкович) в проповеди, произнесеной в Одессе более чем сто лет назад (в 1884).

Главная мысль этой проповеди — теснейшее родство между ветхозаветной и новозаветной религиями. Единение иудейства и христианства имеет реальную почву духовного и естественного родства и положительных религиозных интересов. Мы едины с иудеями, не отказываясь от христианства, не вопреки христианству, а во имя и в силу христианства, а иудеи должны быть едино с нами не вопреки иудейству, а во имя и в силу истинного иудейства. Мы потому отделены от иудеев, что мы еще «не вполне христиане», а иудеи потому отделяются от нас, что они «не вполне иудеи». Ибо полнота христианства обнимает собой и иудейство, а полнота иудейства есть христианство (Православное Обозрение, 1884, майиюнь).

В основе выступления архиепископа Никанора лежала идея взаимопонимания между Православной церковью и еврейством. Это стремление к сближению не было одиноко в нашей Церкви. Еще в 1861 г. епископ Нижегородский Хрисанф (Ретивцев) призывал Церковь содействовать прекращению враждебности, установить отношения диалога и сближения с евреями. (Труды Киевской

духовной академии, 1861, сентябрь, с.1—2). В таком же духе обращался к евреям в начале нашего века и архиепископ Николай (Зиоров). «Еврейский народ близок нам по вере. Ваш закон — это наш закон, ваши пророки — это наши пророки. Десять заповедей Моисея обязывают христиан, как и евреев. Мы желаем жить с вами всегда в мире и согласии, чтобы никаких недоразумений, вражды и ненависти не было между нами» (Варшавские беседы и речи, т.III, СПБ, 1911).

Исходя из таких вероучительных и богословских убеждений, иерархи, духовенство и богословы нашей церкви решительно и открыто осуждали всякие проявления антисемитизма, вражду и погромы в отношении евреев. Так, осуждая погром 1903 года в Кишеневе, архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) публично заявлял: «Жестокие кишиневские убийцы должны знать, что они посмели пойти против Божественного Промысла, что они стали палачами народа, который возлюблен Богом».

Во время печально знаменитого суда над Бейлисом эксперты нашей Церкви — профессор Киевской духовной академии протоиерей Александр Глаголев и профессор Петербургской духовной академии Иван Троицкий — твердо защищали Бейлиса и решительно высказывались против обвинений евреев в ритуальных убийствах. Очень много сделал для защиты евреев от антисемитских нападений со стороны крайних радикально-правых организаций митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский). Мужественно защищали евреев от вражды и неправых обвинений со стороны антисемитских кругов многие другие наши иерархи и богословы: митрополит Макарий (Булгаков), епископ Гродненский Донат (Бабинский), епископ Виссарион (Нечаев), архиепископ Серапион (Мещеряков), архиепископ Макарий (Миролюбов)...

Отдельно надо сказать об участии в защите евреев против антисемитизма многих наших богословов и выдающихся религиозных мыслителей — например, Владимира Соловьева, Николая Бердяева, о.Сергия Булгакова. Соловьев считал защиту евреев, с христианской точки зрения, одной из важных задач своей жизни. Для него еврейский вопрос не есть вопрос о том, хороши или плохи евреи, а есть вопрос о том, хороши или плохи мы, христиане. Для налаживания христианско-еврейского диалога много сделали наши знаменитые православные религиозные мыслители, евреи по происхождению, Семен Франк и Лев Шестов.

Однако не только знаменитые иерархи и богословы участвовали в этом благородном деле. Многие священники на местах активно защищали и спасали евреев от погромов и преследований. Во время второй мировой войны и нацистской оккупации духовенство и верующие нашей Церкви, рискуя своей жизнью, укрывали евреев. Классические примеры этого — мать Мария (Скобцова), священники Дмитрий Клепинин и Алексей Глаголев, многие другие, о подвигах которых, о жертвенном служении спасению их еврейских братьев и сестер следует всем нам знать. Армия нашей страны в

борьбе с гитлеровской Германией ценою жизни почти 20 миллионов победила нацизм, освободила оккупированные немцами страны Европы и тем предотвратила «окончательное решение еврейского вопроса», запланированое и жестоко проводимое нацистами на этих территориях, спасла евреев от полного истребления.

После второй мировой войны наша Церковь начала налаживать свои отношения, сотрудничество со всем христианским миром, со многими международными нехристианскими религиозными организациями и объединениями, в том числе и с еврейскими. Мы активно участвовали в деятельности Всемирного совета церквей, в частности, его комиссии «Церковь и еврейский народ», в работе международных конференций — в Москве были проведены две крупные международные конференции представителей христианских церквей и нехристианских мировых религий, где Русская православная церковь выступала с решительным осуждением милитаризма, расизма и антисемитизма.

К сожалению, сегодня, в трудное для нашего общества время, антисемитские настроения в нашей жизни проявляются довольно часто. У этих настроений, распространенных среди крайних экстремистов, правых шовинистических групп, есть питательная среда: общий кризис, рост национального обособления... Задача Русской церкви помочь нашему народу победить зло обособления, этнической вражды, узкоэгоистического национал-шовинизма. В этом трудном, но святом для всех нас деле мы надеемся на понимание и помощь наших еврейских братьев и сестер. Совместными усилиями мы построим новое общество — демократическое, свободное, открытое, справедливое, такое общество, из которого никто не желал бы больше уезжать и где евреи жили бы уверенно и спокойно, в атмосфере дружбы, творческого сотрудничества и братства детей единого Бога-Отца, Бога Авраама, Исаака и Иакова, Бога отцов ваших и наших.

С радостью я должен засвидетельствовать здесь, что желание вести сближающий диалог с Русской православной церковью всегда находило положительный отзвук и поддержку со стороны общественных и духовных руководителей еврейских общин в нашей стране. Из наиболее известных можно упомянуть Ицхака Бер Левинсона, который не только был отцом движения Гаскала (первая половина XIXв.) — движения высокой духовности среди евреев России, но был и инициатором с еврейской стороны диалога между евреями и Русской церковью. С предложением вести диалог между евреями и Русской церковью он обратился к архимандриту Христофору, ректору Кременецкой духовной семинарии на Волыни, где они оба жили и работали. Книга Левинсона о диалоге с православными «Довольно крови» (1834) была переведена на русский язык в 1883 г. и получила широкое распространение. Она была настолько популярна среди православных, что наши реакционеры осудили ее в начале века как опасную для православного ду-

ховенства. В связи с еврейско-православным диалогом следует назвать еще несколько имен: раввина Шмуила Александрова из Бобруйска (Беларусь) — знаменитого еврейского каббалиста, находившегося под влиянием Владимира Соловьева и убитого фашистами в 1941 году; раввина Лейб Иегуда Дон-Яхия из Чернигова (Украина) — он испытал на себе влияние Льва Толстого, которого часто цитировал в своих проповедях. Следует вспомнить нашего современника профессора Михаила Агурского из Иерусалима, знатока истории евреев в России, много сделавшего для нашего сближения. Недавно он приехал из Израиля в Москву на конгресс русской диаспоры и здесь неожиданно умер. Вечная ему память и да почиет его душа на лоне Авраама, Исаака и Иакова.

Вообще евреи в нашей стране с уважением относились к нашей Церкви и ее духовенству. Не случайно адвокатом митрополита Петербургского Вениамина в 1922 г. на суде по делу так называемых «церковных ценностей» был еврей Гуревич, который самозабвенно защищал митрополита и говорил, что этим еврейство возвращает долг Русской церкви за защиту по делу Бейлиса на Киевском процессе, когда реакционные круги пытались подвести под обвинение все еврейство.

На иконостасе нашего русского храма в Иерусалиме начертаны слова псалмопевца: «Просите мира Иерусалиму» (Пс.122). Это сейчас то, что нам всем нужно — и вашему, и нашему народу, а значит, всем другим народам, ибо как Бог наш един Отец всех людей, так и мир — шолом — от Него, един и неделим для всех чад Его.

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

ПОСЛАНИЕ ВО ТЬМУ

*На допросах был ты грозен,
всех лютующих лютей...
Где ты, следователь Розин,
божий бич семьи моей?*

*Сын безвестного портного,
ты в подвалах городских
волю своего наркома
выполнял от сих до сих.*

*Был ты ярый и поджарый,
сталинской закалки пес,
бился ты с Россией старой —
новую ей правду нес.*

*Запекалась эта правда
вечным струпом на губах,
утверждалось это право
ногтем в глаз, ботинком в пах.*

*Был ты социально-чистым,
на расправу скор и лих,
спуску не давал троцкистам,
прибирая всех иных.*

*Казаки, купцы, дворяне,
военкомы и попы,
звероловы и крестьяне
не избегли той судьбы.*

Гонорар за это стихотворение автор передал армянской церкви — на нужды тех, кто пострадал от землетрясения 8 декабря 1988 года.

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ принадлежит к роду сибирских землепроходцев, чуть не под корень истреблённому большевиками в 20-30-е гг. Родился в 1934 г. в Иркутске. Первую книгу стихов назвал «Багульник» (Иркутск, 1957). Автор двадцати с лишним поэтических сборников. Многие годы трудится над переводами. В прошлом году издал книгу «Сибирские сказания». Вскоре выйдут «Сказания народов Севера» — том, где впервые объединятся сказания тринадцати народов Западной и Восточной Сибири: ненцев, хантов, манси, нганасанов, эвенков, кетов, долган, ороченов, энцев, селькупов, эвенов, тофаларов, юкагиров.

Перевыполняя планы
ликвидации живых,
сам ты жил, от смерти пьяный,
сам в крови от сих до сих.

Моего отца ты сплавил
из-под пыток на расстрел,
полстраны сирот оставил,
да не все предусмотрел.

Бился ты, чтоб я томился
гневным горем — гибель звал,
чтоб твоих однофамильцев
я из мести убивал.

Чтобы голым и несытым
жил бы я в стране отцов,
чтобы стал антисемитом —
подлецом из подлецов.

Зря ты, следователь Розин,
бился так и думал так,
что добьешься вечной розни,
что спасешься сам, дурак.

В том краю обледенелом —
От Находки до Инты —
как и что испонаделал,
не узнаешь, Розин, ты.

По ступеням коридоров
в мокрый карцер проведут —
без особых разговоров
в контрики произведут.

Покачнет тебя на мушке
огнестрельный человек,
так что все твои веснушки
брызнут на тюремный снег.

И никто тебя не вспомнит,
ни местечко, ни родня,
ни спецы расстрельных комнат,
кроме разве что меня.

Я действительно томился —
все полвека горем жил,
но прощать не торопился
и с возмездьем не спешил.

Знал, что вовсе не еврейство
и совсем не ты, еврей,
развели в стране злодейство
казней, пыток, лагерей.

Классовой борьбы и мести
исполняя приговор,
на твоем позорном месте
быть бы мог любой стажер.

Армянин, латыш, татарин,
русский или кто иной,
все равно б народ мытарил,
изгаляясь над страной.

Но ведь это ты, не кто-то,
протоколы подшивал,
ты ведь до седьмого пота
робил — род мой изживал.

Выжигал, крушил и чистил,
изводил и устранял —
все, что вождь в Кремле замыслил,
ты в Сибири исполнял.

Убивал отцов, а детям
смерть растягивал на век...
Розин, ты за все ответил,
рухнув на тюремный снег!

Не всплакнул никто вдогонку
и над телом не вздохнул...
Что же я теперь подонка,
как родного, вспомянул?

Тяжкой памятью своею,
выстрадавшей мне судьбу,
Розин, я тебя жалею —
так перевернись в гробу!

1972. 1987.

Григорий
КАНОВИЧ

ЕВРЕЙСКАЯ РОМАШКА

О чем, частенько спрашиваю я себя, думают тысячи и тысячи евреев в Москве и Ленинграде, в Киеве и Минске, в Одессе и Кишиневе, в Вильнюсе и Риге, и отвечаю:

— О том же, о чем думают все нормальные люди: русские и литовцы, молдаване и грузины, армяне и латыши, казахи и киргизы — об исчезнувшем мыле, о пропавшем без вести стиральном порошке, об инфляции (скоро на рубль и коробок спичек не купишь), о повышении цен на товары первой необходимости, о росте преступности, о возможности военного переворота и замены Горбачева каким-нибудь бравым, обожающим железный порядок генералом. Да мало ли о чем думают евреи! Недумающий еврей, как меня уверяли в детстве, и не еврей вовсе.

Но есть тема, которая волнует только, ну не только, а скажем так — преимущественно евреев, всех от мало до велика, от докторов наук и отставных полковников до слесарей и брадобреев. Куда бы вы ни пошли, с кем бы ни разговарились, она, эта тема, прямо ли, косвенно ли вдруг обожжет вас своей неотвратимостью, лишит покоя, а то и перевернет вверх тормашками всю вашу прежнюю, устоявшуюся жизнь.

Вы уже, как сказал бы наш великий, наш мудрый и бесконечто добрый Шолом Алейхем, догадались, о чем идет речь, хотя тут особой догадливости вроде бы и не нужно.

Вот именно: речь идет об отъезде, или, выражаясь более возвышенным языком, об эмиграции.

Вокруг только и слышишь: подал... подаю... в конце месяца отношу документы... жду вызова... все еще нахожусь в «отказе»...

На свадьбах и поминках, на обрезаниях и бармицвах со всех углов звучит: ЧОП... БРЕСТ... ШЕРЕМЕТЬЕВО-2... ЛАДИСПОЛИ... Названия, может быть, и не очень благозвучные, однако уже вошедшие в наш быт, в нашу национальную историю, закрепившиеся в ней и ставшие привычными для еврейского слуха если не наравне, то наряду с такими библейскими наименованиями, как Иерусалим и Беер-Шева.

Даже в богом забытом Кали-

нинграде, где, как будто бы, кроме воинской команды, ничего и услышать нельзя, в уютном Дворце железнодорожников, в небольшом, почти интимном зальце, за стенами которого провинциальные честолюбицы — будущие Улановы и Плисецкие — под музыку Чайковского в поте лица отрабатывали причудливые балетные па, на мою бедную голову посыпался град вопросов, среди коих главный был такой: «Григорий Семенович! НАДО ЛИ УЕЗЖАТЬ? Если не хотите отвечать — не отвечайте!»

Слова записки были выведены крупными судьбоносными буквами наподобие лозунгов «СЛАВА КПСС» или «ПЛАНЫ ПАРТИИ — ПЛАНЫ НАРОДА».

НАДО ЛИ УЕЗЖАТЬ, громко повторил я и задумался: правомерно ли так ставить вопрос?

Конечно, правомерно. Тем не менее после некоторого размышления я пришел к выводу, что, пожалуй, правильней было бы поставить его так: МОЖНО ЛИ ОСТАВАТЬСЯ?

В самом деле, можно ли оставаться, когда над нашими головами нависают свинцовые тучи погрома, когда почти по всей стране — за исключением разве что Прибалтики — подспудно и открыто наращивается ядерная мощь ненависти к нашему народу, когда его бессовестно шельмуют и обливают грязью на страницах влиятельных газет и журналов, где тон задают не гитлеровские недобитки, а люди с партийными билетами в кармане, наши доморощенные черносотенцы.

Полистайте последние номера «Нашего современника» или «Молодой гвардии», вникните в слова ученого мужа, члена-корреспондента Академии наук СССР Игоря Шафаревича, автора злобного антисемитского манифеста «Русофобия», в котором он клеймит и пригвождает к позорному столбу «Малый Народ», то есть нас, евреев, якобы угрожающих самому существованию «Большого Народа», то есть народу русскому, — и вы, никогда, возможно, не задумывавшиеся над такой проблемой, как эмиграция, вы, уютно сидящие в своих обставленных современной мебелью окопах, впервые обратите свой взор в другую сторону, на другие, отнюдь не сопредельные страны.

«Малый Народ» угрожает «Большому». Что за вздор, что за бред, что за грязный поклеп, скажете вы утешительно-удивленно.

А между тем этот бред, этот вздор, эта зараза распространяется в сотнях тысячах экземплярах, каждый из которых напоминает бомбу замедленного действия.

Кто из нас (да и не только из нас) может поручиться, что она где-нибудь не взорвется, и на наших улицах и мостовых не прольется кровь?

Или, может, еврейская кровь и не кровь, а водица, которой грош цена в базарный день?

Можно ли оставаться, когда грозовые разряды нетерпимости и вражды грозно сверкают в близях и далях, когда вокруг нас нагнетается обстановка подозрительности и не-

доверия, когда в ход пускаются затасканные козыри геббельсовской пропаганды о всемирном еврейском заговоре, о нашей якобы изначальной вине перед человечеством?

Можно ли оставаться, когда борзописцы разных мастей день-деньской только и занимаются тем, что пытаются приписать вам все преступления, совершенные Сталиным и его кликой, когда из нацистских и белогвардейских архивов, из мемуаров, принадлежащих продажному перу перевертышей и выслуживающихся юдофобов, на свет божий извлекаются еврейские фамилии — фамилии прихвостней и палачей, когда в роковой ряд выстраиваются наши действительные и мнимые грехи, долженствующие явить миру подлинных виновников разрушения чужих национальных ценностей — начиная с православных святынь и кончая государственностью целых народов?

Самое удивительное, что эта травля, это шельмование, это подстрекательство к резне происходит на глазах всех, что называется, братских народов Союза, на глазах наших беспомощных правоохранительных органов, просто-напросто попустительствующих провокаторам и хулиганам; все это совершается под флагом восстановления исторической истины, плюрализма, борьбы с цензурными рогатками, и никому нет никакого дела до того, что во имя этой «исторической истины» кое-кто снова, как в годы фашизма, готов принести в жертву племя иудейское.

Забыты христианские заповеди, ибо православная церковь палец о палец не ударила, чтобы хотя бы сделать погромщикам предупреждение; забыты статьи Конституции, предусматривающие кару за разжигание национальной розни, за оскорбление национального достоинства, ибо наши законодатели и исполнители законов заняты более важными, чем безопасность евреев делами; забыта Хартия прав человека, ибо для ее распространения не хватает бумаги — все ее запасы, видно, уходят на «Наш современник» и родственные ему по духу издания.

Можно ли оставаться, если в недавно принятой платформе Коммунистической партии по национальному вопросу нет даже упоминания о таком зле, как антисемитизм, словно тем, кто ее составлял и одобрял, ничего не известно о сборищах «Памяти», об экстремистских призывах к расправе над нашими детьми и внуками, женщинами и стариками, о вопиющих требованиях, раздающихся на митингах над Невой, в колыбели революции, над Днестром, над Енисеем и в других вольных местах? Напомню вам некоторые них них:

«Евреи, вон из России!»

«Русских — за Днестр! Евреев — в Днестр!»

(В скобках замечу, что рек у нас много, и, следовательно, возможны варианты).

Можно ли оставаться, если высший орган нашей власти — Верховный Совет СССР — и

бровью не повел, получив подписанное двумястами народных депутатов обращение об опасности усиливающегося антисемитизма и о мерах по его предотвращению?

Семнадцать дней длился Съезд, и четырнадцать из них я, как и другие подписанты, ждал ответа. Но ни Михаил Сергеевич «Горбачев», которому я направил депутатский запрос, ни Анатолий Иванович «Лукьянов», который докладывал Съезду о всех поступивших документах, и словом не обмолвились.

Правда, недели две тому назад мне принесли конверт с кремлевским грифом. Я было обрадовался: вот он, отклик на наше обращение. Но радость моя была преждевременной. Председатель комиссии по национальной политике Г.Таразевич прислал мне письмо, касающееся — кого бы вы думали? — крымских татар, ибо подпись моя стояла и под обращением об их судьбе.

Я, разумеется, не враг крымским татарам, я желаю им исполнения всех их чаяний и прежде всего их сокровенной мечты о возвращении на свою историческую родину, но мне все же хочется спросить товарища Горбачева и товарища Таразевича: чем мы, евреи, хуже? Неужели ответом на наши печали, на нашу тревогу, на наши законные требования снова будет, как это практиковалось целыми десятилетиями, надменное державное молчание?

Неужели мы и впрямь провинились перед советским государством, что не заслужили никаких других слов, чем те, которые время от времени публикует на страницах «Правды» уважаемый ее редакторами (и, вероятно, многими нееврейскими подписчиками) генерал Драгунский, вещающий всему миру не о наших нуждах, не о наших бедах, не об опасности, нависшей над нашими жилищами, а о кознях отечественных и зарубежных сионистов. Последний его сигнал относился к якобы сколачиваемым мифическим сионистским отрядам. К чему могут привести такие сигналы, и объяснять нечего — у нас на памяти и «безродные космополиты», и «убийцы в белых халатах.»

Так можно ли после всего этого оставаться?

Недавно на похоронах — не про нас с вами да будет сказано! — я встретил знакомую, немолодую, прекрасно устроенную женщину, никогда не помышлявшую менять страну обитания. Насытившись жалостью и состраданием к близким покойника, умершего в расцвете лет от рака, мы вышли в залитый бессмертным солнцем двор, и как же я был удивлен, когда первое, что я услышал, было:

— Знаете, я стала вместе с дочерью и зятем учить иврит. А вы... вы не учите?

Я виновато пожал плечами.

— Ну да, — продолжала она. — Вы же никуда не собираетесь... Вам и здесь хорошо... А я устала гадать на еврейской ромашке.

Слова ее поразили меня, и я спросил у нее, чем же эта ев-

рейская ромашка отличается от обыкновенной.

— Чем ? — переспросила женщина. — На обыкновенной гадают: «любит — не любит». А на еврейской: «ехать — не ехать». — Она помолчала и продолжила: — Безумно трудный язык. Его могли придумать только евреи. Но какое это наслаждение, когда после немоты обретаешь дар речи и начинаешь новый счет всему: ахад, штаим, шалош, арба...

Ее лицо озарила улыбка, и я впервые на похоронах увидел счастливого человека.

Еврейская ромашка!

Какой неожиданный, какой многосслойный и удивительно горький образ, отражающий наше умонастроение!

Сколько их, ловлю я себя на мысли, гадающих на еврейской ромашке — ведь за неполный 1989-й год пределы Советского Союза покинуло около пятидесяти тысяч наших сородичей и сограждан? Сколько их, уже оборвавших последний лепиесток, кому выпал неумолимый: «ехать»?

Сколько их?

Какая сила срывает их с насиженных мест сейчас, когда благодаря гласности и перестройке, как будто бы стало чуть легче дышать; сейчас, когда то тут, то там вспыхивают очаги еврейской культурной жизни, когда, например, у нас, в Вильнюсе, можно без всякой опаски спеть и послушать в исполнении заезжего рабби Карлебаха хасидскую песню, снять под боком у ЦК КП Литвы с одной стороны и Комитета государственной безопасности с другой стороны ресторан «Дайнава» не для встречи Первомая, а для того, чтобы отпраздновать веселый праздник Ханука, символизирующий нашу жизнеспособность и неистощимость нашего духа; сейчас, когда наши парни могут без помех отправляться на Маккабиаду в Рамат Гам, завоевать для себя и для нас три медали, а главное привести в восторг приунывший, обижаемый Советским Союзом Израиль?

Что же гонит даже отсюда, из родной, благорасположенной к нам Литвы, бесстрашно борющейся за свою независимость и за наше, хочется верить, национальное благополучие?

А ведь налицо, кажется, перемены к лучшему. Их незачем ни перечислять, ни тем более умалять. Но и они, столь долгожданные, столь вожделенные, не в силах остановить поток, ибо, как говорила моя покойная мама, светлый ей рай, щепкой море не запрудишь.

Увы, исход неостановим. Но только ли из-за антисемитизма?

Может это происходит и из-за того, что перспективы полноценной и полнокровной жизни в СССР по-прежнему представляются весьма смутными, если вообще реальными?

Ведь несмотря на героические усилия наших энтузиастов, ветеранов и молодых, идишистов и гебраистов пробудить в изверившихся душах чувство гордости за наш народ, озарить мрак галута светом под-

вижничества, накормить всех жаждущих и страждущих вечной еврейской пищей — надеждой, несмотря на все это наше национальное сознание продолжает лежать в руинах; оно выхолощено узко эгоистическими, порой откровенно коммерческими расчетами, отравлено ядом ассимиляторства и приспособленчества, подорвано скептицизмом: мол главное вырваться из СССР, а куда — не имеет значения — в Америку или Канаду, в Астралию или Западную Германию, лишь бы платили в твердой конвертируемой валюте.

Отсюда не только отъезд, но и объезд. Объезд нашей исторической родины Израиля. Отсюда стремление без потерь и издержек сменить «чужбину» без мыла на чужбину с переизбытком моющих и питательных веществ.

Отсюда угодничество и услужливость некоторых наших официальных лиц, облеченных немалыми полномочиями, их попытки выдать за решение еврейского вопроса город Биробиджан и его окрестности или что-то в этом роде. Так, например, первый секретарь Еврейского обкома тов.Корсунский на пленуме ЦК партии нарисовал радужную картину национальной жизни на Дальнем Востоке: тут и выпущенный букварь, и открытие классов на идиш — ну чем не земля обетованная? Чтобы его не заподозрили в чем-то предосудительном, тов.Корсунский, как бы извиняясь за эти достижения, поспешил провести знак равенства, поставить на одну доску общество «Память» и только что проклюнувшийся, скорее символический, чем реально существующий «Союз сионистов».

Отсюда, как мне думается, и линия недальновидных руководителей вновь созданных еврейских обществ, порой против своей воли споспешествующих биробиджанизации всей еврейской жизни в СССР, превращению ее в показуху, в потемкинскую деревню, в витрину для сердобольных иностранных визитеров, в эдакую ВДНХ, где вместо племенных бычков-чемпионов и диковинных космических аппаратов демонстрируют счастливых советских евреев.

Как ни горько в этом признаваться, но мы в сущности все еще не располагаем гарантиями долговременного, равноправного и безопасного существования. Все, чем мы сегодня так гордимся, не более, чем подарок Деда Мороза, который, как известно, приходит раз в году, а потом снимает свою белую волшебную бороду и предстает перед нами в обыденном, несказочном обличье.

Если быть честным до конца, то мы должны сказать городу и миру, что устали ждать милостей в очереди народов, выстроившихся к партийно-государственному трону. Хорошо, если ты в этой очереди хоть двадцатый. А что, если сто первый?

Вот почему с каждым днем увеличивается число рук, тянущихся к еврейской ромашке,

ибо с гаданием на обыкновенной все ясно: не любят. Нелишне попутно заметить, что и мы сами не очень балуем друг друга любовью. Евреи всегда любят свой народ, но попробуй заставь Хайма любить Ицика. Нелюбовь изнутри не менее опасна, чем нелюбовь извне. И та, и другая способна лишить нас будущего, хотя чего-чего, а будущего, как и прошлого, у нас на протяжении тысячелетий было гораздо больше, чем настоящего.

Конечно, мы не можем с уверенностью утверждать, что знаем, где нам будет спокойно и хорошо, но мы можем смело, не впадая в грех преувеличения, утверждать, что знаем, где нам было и до сих пор бывает хуже.

За это знание мы изредка платили жизнью, и поэтому должны им дорожить, как дорожит пришелец в чужой стране спасительной путеводителем.

И, наконец, еще об одном.

В последнее время каждый встречный и поперечный в патриотичесмком раже повторяет: «Ам Исраэль хай« — «Народ Израиля жив». Польстить народу всегда легче, чем защитить его. А защитить этот самый Ам Исраэль можно только одним способом — с т а в и м.

Иначе — и я в этом не вижу никакого парадокса — не стоит ни уезжать, ни оставаться.

1 октября 1989
«Эцелейну» № 6, 1989

**КАНОВИЧ Григорий (род. в 1929) — литовский писатель, пишет на русском и литовском языках.
«— Повлияли ли на вас как на писателя ваши читатели или это было поддержкой уже пройденного пути?
— Прежде всего, конечно, поддержка. Ни у кого не шел на поводу и не хотел бы делать в дальнейшем... Но позвольте вот о чем: за свою творческую жизнь я имел неосторожность написать несколько публицистических статей. Одна из них, переведенная на большое количество языков мира...
— «Еврейская ромашка»?
— Да, она была размножена миллионами экземпляров, вышла в самиздате, в легальных изданиях. Статья о том, надо ли ехать в Израиль. Но вопрос я поставил иначе: можно ли оставаться? И, как бы гадая: ехать — не ехать, все-таки последний лепесток выпадал, по-моему, ехать.
Так вот, эта статья перечеркнула мое творчество для немалого числа читателей. Она произвела на них куда большее впечатление и вызвала куда больший отклик, чем все мои романы, вместе взятые.»
«ОДИНОКИЙ СТОРОЖ ЕВРЕЙСКОГО КЛАДБИЩА. Беседа с Григорием Кановичем (беседовала Татьяна ЯСИНСКАЯ)». - «Литературная газета», 4 декабря 1991.**

Андрей ШВЕДОВ

МОЙ ДРУГ УЕХАЛ В КАРАБАХ

Шляпу не снимайте. Холодно.

Уезжали мы вдвоем. Я вернулся. Вернулся потому, что мне нужна теплая квартира со светом и газом, с женой под боком, вернулся потому, что надо издавать книгу, дописывать роман, фильм делать, вернулся (по-хорошему и по-плохому) потому, что мой Карабах уже пройден. А он остался. Пить хрустальный воздух, хрустальную воду и хрустальную водку. Мой друг остался воевать.

Сейчас он мотается где-то в обстрелянном Шаумяне, колотится в УАЗиках, мерзнет в окопах, пробует оружие и у костров рассказывает байки фидаинам. Дай ему Бог!

Неделю назад в два часа ночи мы пьяной толпой валили по Степанакерту под прекрасный салют ночных «Алазаней» (мы уж и прикуривали от них, и тушили в пять «тушилок», горланя во все глотки то «Поручика Голицына», то «Хава Нагилу», то «Ах, фидаинер, джан фидаинер». Братство народов. Даже представитель самостийной Украины пел с нами в общем хоре.

Еще неделю назад мы палили на Рождество с боевых позиций. И вот я в кресле за вечерним чаем слушаю последние известия по «Радио М» и напрягаюсь на сводках из Закавказья. А мой веселый сионист Еик продолжает жизнь, которая зовется войной. Когда бывает в Ереване, звонит, просит, чтобы я выслал немедленно «Столицу» со своими карабахскими рассказами, сигарет, свечи, фонарик. Что сможем — сделаем, дорогой.

Мне немного завидно (так созерцание всегда завидует действию), завидно, что в двадцать лет он побывал и в Израиле, и а Америке, и в Европе, и на «Матросской тишине», а теперь вот «потешится» в закавказской Швейцарии, плюя на то, на что я уже не плюну. Но больше я рад. Рад, что у меня есть друг, который на моих глазах так лихо повторяет мою молодость.

Андрей ШВЕДОВ, родился 17 сентября 1957 года. Мне неизвестно, как он учился, кем работал, но сейчас он прозаик, поэт, фронтовой журналист, тюремный летописец. Резок, строптив, независим. Последнее особенно важно для понимания этого человека, из жизни которого власть вычла, вышибла, вырезала шесть лет свободы (1984-1990). — В.В.

Палестина — страна древней цивилизации, центр трех религий (иудаизма, христианства, ислама), всегда привлекала внимание историков, в том числе армянских. Армения, как страна, история которой насчитывает тысячелетия, прошла через бурный процесс мировой истории наряду с такими странами, как Египет и Ассирия, Вавилон и Иран, Рим и Византия, и стала первой державой, где христианство было провозглашено (в 3О1 г., по другим источникам — в 314 г.) государственной религией.

Лорэтта ТЕР-МКРТИЧЯН

АРМЯНСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ПАЛЕСТИНЕ. V-VII вв.

Конечно, распространение христианства в Армении шло не легко и не быстро. Армянская церковь по традиции считает, что первыми проповедниками Христова учения были апостолы Фаддей (43-66 гг.) и Варфоломей (60-68 гг.). Этот процесс ярко описан в книге первого армянского историка Агафангела («Агафангелос» — синоним греческого слова «евангелос«, что означает «приносящий благую весть»; армянская форма этого слова — «агафангехос») «История Армении», которая по существу является историей деяний первого армянского патриарха-католикоса Григория Просветителя, при котором христианство утвердилось в нашей стране. Принятие христианства стало могучим средством самосохранения армянской нации перед угрозой иранизации Армении Ираном, интенсивно внедрявшим зороастризм в армянское общество. Именно христианство укрепило национальное самосознание армян, стало их оплотом и твердыней в борьбе за независимость.

Пожалуй, не меньшее значение для армян имело создание Месропом Маштоцем (351-440) армянской письменности. До создания Маштоцем алфавита богослужение в Армении велось на сирийском языке (Восточная Армения) и на греческом (Западная Армения). Это объяснялось тем, что в 387 г. Армения в результате длительных войн была поделена между Римской империей и са-

санидским Ираном, и каждая из этих стран вела на подвластной ей территории свою собственную ассимиляторскую политику. Поэтому создание армянской письменности, богослужение и вероучение на родном языке были необходимы для сохранения (для спасения!) армянской государственности и национальной культуры. Удивительно ли, что и армянский первосвященник Григорий Просветитель, и давший армянскому народу письмена Месроп Маштоца — оба причислены армянской церковью к лику святых.

По поручению католикоса Овсепа I ученик Маштоца Корюн (ок.380-450) написал «Историю жизни и смерти блаженного мужа, святого вардапета[1] Маштоца, (нашего) переводчика», кратко именуемую «Житие Маштоца» — первое оригинальное историческое произведение, написанное армянскими письменами на грабаре (древнеармянском языке) и посвященное их творцу. В своей книге Корюн подробно повествует о жизни и трудах своего великого учителя. Уроженец села Хацекац в области Тарон, Маштоц был послан продолжить образование в Антиохию, где изучал греческий и сирийский языки. Вернувшись в Армению, он служил при царском дворе, а затем, приняв духовный сан, отправился в отдаленные области для проповеднической деятельности. После долгих и упорных занятий в научных центрах Малой Азии и Сирии Месроп Маштоц в 394-396 гг. (приблизительно) приносит в Армению алфавит. В 405 г. он был торжественно принят царем Врамшапухом, нахарарами-князьями и народом.

«...Даже великий Моисей не так ликовал, спускаясь с горы Синайской; не скажем, что больше, а гораздо меньше (радовался). Ибо муж-боговидец, получив у Бога богописанные заповеди и держа их в руках, спускался с горы; но был он печален из-за неблагодарного народа, который, повернувшись спиной к господнему и пав ниц, вероломно поклонялся идолу, отлитому им самим, чем заставил носителя заповедей Божьих сокрушаться сердцем и горько рыдать, ибо по сокрушенным скрижалям очевидна была скорбь несшего их. Но с этим блаженным (т.е. Маштоцем), о котором красочно повествуется в речи нашей, случилось не так, как это было в примере том. Он, сам с собой преисполненный духовного утешения, полагался на одобрение принимающих, и в надежде на радостный прием остановки по пути (казались ему) приносящими благую весть.»[2]

На вершине горы Синай Моисей получил от Яхве десять заповедей. Первая заповедь учит тому, что Господь Бог один и что только ему следует поклоняться; вторая запрещает делать изображения живых существ и почитать их; третья — клясться всуе именем Господа Бога; четвертая повелевает чтить субботу и воздерживаться в этот день от всякой работы; пятая — почитать родителей; шестая — не убивать; седьмая — не прелюбодействовать; восьмая — не красть; девятая — не лжесвидетельствовать; десятая — не домогаться чужой собственности. (см.Исх. 20,2-17)

Корюн как бы проводит параллель между создателем армянского алфавита, деяния которого вывели армянский народ из тьмы идолопоклонства к новому вероучению, и пророком Моисеем, который вывел евреев из египетского плена в «обетованную землю», Палестину.

Корюн сообщает так же, что католикос Саак Партев и Маштоц, дабы способствовать просвещению народа, «отправили в Сирию, в город Эдессу, двух братьев (по монашеству — Л.Т.) из числа своих учеников, чтобы они (там) с сирийского языка перевели на армянский писания святых отцов их (сирийцев). (Первого звали Иосеп[3],о котором мы упомянули выше, а имя второго — Езник из гавара Айрарат, из села Кохб»[4]. Далее они отправились в Константинополь, где изучали греческий язык и византийскую литературу. Езник совместно с католикосом Сааком сделал много переводов церковных книг и толкований Библии.

Из сочинений Езника Кохбаци нам известно лишь его знаменитое исследование «Книга опровержений (о добре и зле)», целью которого было опровергнуть все «ереси» своего времени и прочно утвердить христианство среди армян. Приведем несколько отрывков из «Книги опровержений».

«А что идолопоклонство есть изобретение демонов, (о том) свидетельствует Давид, который говорит, что «у язычников все боги — демоны». И блаженный Павел[5] говорит, «что общего может быть между Христом и Велиаром?» И вот, как говорят, между ними есть (нечто) общее; если Бог создал его злым и потому стал мучителем, тогда незаконно было бы называть его злым, а следовало бы считать мстителем. Ведь он злым считался бы тогда, если бы не исполнил повеление (Бога).

Однако почему не сатана, а ангел Божий поразил первенцев египтян и преследовал часто израильтян в пустынях? Если же был на это поставлен сатана, то почему поражал не он, а ангел? И во дни Давида семьдесят тысяч (человек) из двенадцати племен Израиля и сто семьдесят пять тысяч воинов из армии Ассирии поразил не демон, а ангел Бога... Почему евреев называют также сыновьями сатаны из-за нарушения законов (Божьих); если бы сатана отстаивал то поведение, которое было ему дано, то (разве) евреи нарушили бы заповедь (Богу)?» (Книга вторая, Гл.10)[6]

«Иудейство (происходило) от Иудея, четвертого сына Иакова, оно и есть еврейство, у которого было царство и по имени которого была названа вся иудейская нация.

В конце еврейства появляется христианство, по имени Христа, которым впервые (были) наречены его ученики в Антиохии.»[7] ***(Книга третья. Гл.4)***[8]

Особое место в армянской культуре занимает «отец армянской истории » Мовсес Хоренаци. Его «История Армении» принадлежит к лучшим образцам литературы раннего средневековья.

Биографические сведения о Хоренаци скудны. Он родился око-

ло 410 г. в Сюникской области, в деревне Хореан. Был одним из наиболее талантливых учеников Саака Партева и Месропа Маштоца. Совершенствовал свои знания, особенно в греческом языке, в Эдессе, Александрии и Константинополе. На родину вернулся в 441 г., когда уже не было в живых его великих учителей. По этому поводу он безутешно восклицает: ***«Кто теперь оценит наше учение? Кто порадуется на мои... успехи? Кто выскажет отеческую радость при виде меня, своего сына, его превзошедшего?»***[9]

Приведем отрывок из сочинения Хоренаци, из главы 24 «О сыновьях Сеннехирима, от которого происходят род Арцруни, Гнуни и бдешха Ахцникского», где речь идет о временах ассирийского вторжения в Иудею.

«Мы было забыли о Сеннахириме[10]***. Восемью-десятью годами или менее — прежде воцарения Новуходоносора жил Сеннахирим, царь ассирийский, который при Езекии, начальнике евреев Иерусалима, умервщлен своими сыновьями — Адрамелом и Саннасаром***[11]***, которые спаслись бегством у нас.»***[12]

Теперь приведем фрагмент из главы 14 («Воцарение Тиграна Среднего. Отпор греческим войскам... Поход на Палестину»):

«Вслед за тем он (царь Тигран[13] ***— Л.Т.) идет в страну Палестинскую отмстить Клеопатре в Птолемиаде за проступок ея сына Дионисия против своего отца, берет в плен множество Евреев и осаждает город Птолемиаду. Но царица еврейская Александра, она же Мессалина, супруга Александра***[14]***, сына Иоанна, сына Симеона брата Иуды Маккавея, которая в то время управляла царством иудейским, большими дарами могла уговорить его снять осаду».***[15]

Мовсесу Хоренаци долгое время приписывали авторство «Ашхарацуйца» («Географического указателя») — ценного памятника географии и картографии древней Армении. Однако большинство советских историков-арменоведов считают, что «Ашхарацуйц» написал выдающийся астроном, математик, географ VII в. Анания Ширакаци.

Он родился в первой четверти VII в. в селе Ани Ширакской области. Образование получил в монастыре Дпреванк. Много странствовал, много учился. Затем обосновался в Трапезунде, где стал учеником известного византийского ученого Тюхика. После восьмилетнего пребывания в Трапезунде Ширакаци вернулся на родину, посвятив себя науке и преподаванию. Он создал древнейший армянский учебник арифметики, первый армянский календарь. Но вернемся к его труду «Ашхарацуйц».

«Палестина — азиатская страна, граница которой проходит по линии финикийских раскопок, далее по течению реки Трэас, к Кесарии Палестинской, до пристани Газа. Затем граничит частично с Египтом, проходит на юге (граница) по скалистым горам, а на севере граничит с Ассирией. (Палестина) состоит из трех областей — Галилеи, Самарии, Идумеи и имеет озера — Тивериадское и Аспахтите, которое называют Мертвое море. Имеется река Иордан, которая в длину имеет три стадии, а в ширину — две.

Ее столица — священный город Иерусалим, в котором сходятся все пути мира.

Священная тайна Иерусалима освящает всех верующих.»[16]

И, наконец, еще один источник о Палестине — рукопись, принадлежащая перу Анастаса Вардапета (VII-нач.VIII в.). Ее нашел выдающийся представитель Мхитаристской конгрегации[17]Гевонд Алишан (1820-1901) и издал в Венеции в 1896 г. под названием «Об армянских монастырях в Иерусалиме». Приведу начало этого замечательного сочинения.

«Во времена царствования Трдата и патриаршества св.Григория Просветителя великие армянские князья построили армянские монастыри в святом городе Иерусалиме, названия которых следующие.

Монастырь Петра, который находится вне города, в стороне Селовама; называется «Предвестник Петра». Построен на средства царя.

Монастырь Панда, который построен в честь Иоанна Крестителя. Он находится в восточной части Масличной горы. Построен также на средства царя во имя католикоса, который находится в городе Вагаршапате и до сих пор владеет Агванком.

Монастырь Мжа, который был построен во имя святых сорока отроков; в настоящее время находится в руках арабов.

Около монастыря Батин находился монастырь Ширакац, который был предназначен для монахов, постепенно исчез.

Монастырь св.Геворка, который находится там же, в настоящее время разрушен.

Нораванк, находится около могилы пророка Исайи, в той же стороне, где Масличная гора. В настоящее время разрушен арабами.

Монастырь блаженного Хада, где находилось ущелье Отчаяния, поблизости от Гефсимании.

Монастырь святых павликиан[18]***, построенный представителем Четвертой Армении***[19]***, в северной стороне.***

Монастырь Арцрунидов, построенный во имя св.Геворка.

Монастырь Зарегаван, который находится вне города.

Монастырь Мамиконянов, который построен во имя св.Карапета (Иоанна Крестителя — Л.Т.).

Монастырь Гугарк.

Монастырь Бдешха, построен в той стороне, которая называется именами св.Саркиса и св.Погоса.

Сюникский монастырь, который посстроен во имя св.Геворка, разрушен арабами.

Монастырь Рштунянц, который был убежищем для прокаженных армян, в той же стороне.

Монастырь Хорхорунянц, находящийся там же.

Монастырь ерицов (священников — Л.Т.), который находится около ворот Давида; назван во имя св.Богородицы.

Монастырь св.Гевонда.

Монастырь Кти. Четвертая Армения (Софена), к востоку от города.

Монастырь Андзевацац, построенный во имя св.Анания, находится недалеко от Вифлеема.

В городе находится монастырь Аршакуни (Аршакидов — Л.Т.): который расположен в стороне св.Пропатика.

Монастырь Гавазуни, который построен во имя святых Рипсимэ и Гаянэ; находится в городе около ворот Воскресения.

Монастырь Камсаракан, который называют Аршакуни, построенный в честь св.Григория Просветителя.

Монастырь Аматуни, находящийся около святого Сиона.

Другой монастырь Аматуни, в котором обитают верующие, расположен около Сиона.

Храм Мамиконянов, построенный в честь Иоанна Крестителя, находится в той же стороне.

Другие четыре монастыря, находящиеся в стороне Селовама.

Монастырь Карноцоц, который построен царем Смбатом Багратуни.

Монастырь Сахарунян, находится в той же стороне, которую называют Караванк; расположен в том месте, где был убит брат Иисуса Христа (Яков — Л.Т.).

Монастырь Палунеац, который находится в стороне Галилейских гор.

В тех же местах находится монастырь Андзевацац.

Монастырь Захакунянц, расположен в той же стороне, в настоящее время находится в руках арабов.

Монастырь Сорока, находится в той же стороне.

Монастырь Катаецоц, расположен в стороне Масличной горы, где находились ученики и слушали проповедь блаженного.

Монастырь Ваража, находится в той стороне, где храм Соломона.

Монастырь Ванандац, который находится в той же стороне.

Монастырь Затеци, находится в той же стороне.

Монастырь Мокаци, находится в той стороне, где Гефсимания.

Монастырь Каджберанеац, находится в стороне Галилейских гор.

Монастырь Саарунеац, находится в той же стороне.

Монастырь Мазазеац, находится в настоящее время в руках греков.

Монастырь св.Иоанна, расположен у ворот св.Воскресения, в настоящее время находится в руках грузин.

Монастырь Коха, находится в той же стороне, в настоящее вроемя — в руках греков.

Монастырь Спадукянц.

Монастырь Ашамунеац — разрушен.

С восточной стороны имеется Армянский монастырь.

Монастырь Дерджана.

Монастырь Сюнеац, находится в восточной стороне.

Другой монастырь Сюнеац, находится в той же стороне.

Другой монастырь Сюнеац, находится в ущелье Сараи.

Четвертый монастырь Сюнеац, находится в ущелье Овсапату.

Пятый монастырь Сюнеац, находится в руках арабов.

Монастырь Батро, построенный в честь святой Богородицы, находится около башни Давида.

Монастырь Кохандвац, находится в той же стороне.

Монастырь святого Григория Амараса.

Монастырь Арцах — в сторону юга.

Другие три монастыря — Агванк, находящиеся в руках арабов в настоящее время.

Другие три монастыря, находятся в Иерусалиме.

Монастырь Ташрацвоц построен во имя Святого Геворка, построен представителем рода Аршакуни.

И другие четыре монастыря, построенные представителями рода Мамиконянов.[20]

В 1931 г. в Иерусалиме вышла книга епископа Мкртича Ахавнуни «Древние армянские монастыри и церкви на Святой земле», где дается подробное описание сохранившихся до нашего времени десяти монастырей и церквей.

***

[1] *Вардапет — так в древности именовали учителя, в дальнейшем монаха.*

[2] *Корюн. Житие Маштоца. Пер. Ш.В.Смбатяна и К.М.Мелик-Оганджаняна. Предисловие К.А.Мелик-Оганджаняна.*
Комментарии Ш.В.Смбатяна. Ереван. 1962, с.205.

[3] *Иосеп — ученик Маштоца, в дальнейшем католикос Овсеп I.*
После Аварайрского сражения был угнан в Персию, где погиб мученической смертью.

[4] *Корюн. Житие Маштоца, с.109.*

[5] *Павел — в христианской традиции «апостол язычников», не знавший Иисуса Христа во время его земной жизни и не входивший в число 12 апостолов, но в силу больших миссионерско-богословских заслуг получивший почетные имена «первопрестольный апостол», «учитель Вселенной».*
Автор 14 посланий Нового завета.

[6] *Езник Кохбаци. Книга опровержений (о добре и зле).*
Пер., предисл. и примеч. В.К.Чалояна. Ереван. 1968, с.101-102.

[7] *В Антиохии ученики Иисуса впервые стали называться христианами. (Езник Кохбаци. Книга опровержений,*
с.128.).

[8] *Там же, с.128.*

[9] *История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н.О.Эмина. Москва. 1893, с.214.*

[10] *Сеннахирим — ассирийский царь (705-682 гг. до н.э.), сын Саргона. В 701 г. вторгся в Иудею, захватил укрепленные города и наложил на иудейского царя Иезекию (726-697 гг. до н.э.) дань в 300 талантов серебра и 30 талантов золота. Но Иерусалим ему взять не удалось.*

[11] *«И когда он (Сеннахирим) поклонялся в доме Нисроха, бога своего, то Адрамелех и Шарецер, сыновья его, убили его мечем, а сами убежали в землю Араратскую.» (4 Цар.19,37). Прошу читателей обратить особое внимание на эти слова — это первое упоминание Армении («земля Араратская») в Библии. — Л.Т.*

[12] *История Моисея Хоренского, с.37.*

[13] *Тигран II Великий (95-55 гг. до н.э.) — царь Армении, властелин огромной державы, раскинувшейся от Средиземного моря до Каспия. Вел войны с Римом и Парфией. Переселил из многих городов Малой Азии, Сирии, Палестины тысячи жителей, в том числе и*
евреев, в города Тигранакерт и Арташат, которые славились богатой торговлей и ремеслами.

[14] *Александра-Саломея (139-67 гг. до н.э.), бывшая супругой сперва Аристобула, а затем Александра Маккавея — единственная самостоятельно правившая иудейская царица. Иосиф Флавий писал, что ее имя было Саломе, но римляне называли ее Александрой.*

[15] *История Армении Моисея Хоренского, с.68.*

[16] *Ашхарацуйц. Венеция. 1881 (на арм.яз.), с.36.*

[17] *Армянская католическая конгрегация, или (как принято в армянской историографии) Мхитаристская конгрегация, носит имя ее основателя Мхитара Себастаци (1676-1794).*
Была основана в 1717 г. на острове св.Лазаря, близ Венеции. Задача конгрегации — распространение армянской культуры.
[18] *Павликиане (от имени апостола Павла), приверженцы еретического движения в христианстве, возникшего в VII в. в Зап.Армении. Религиозно-философское учение павликиан основывалось на дуализме. Павликиане, в основном крестьяне, создали в сер. IX в. в Малой Азии свое государство, разгромленное византийскими войсками в 878 г. Большая часть павликиан бежала в Армению, где их последователями стали тондракийцы.*
Догматика павликиан оказала влияние на богомильство.
[19] *Вопрос о «Четвертой Армении» неясен.*
[20] *Анастас Вардапет. Об армянских монастырях, находящихся в св.Иерусалиме, воздвигнутых нашими предками.*
Венеция, 1896 (на арм.яз.), с.5-8.

Лорэтта ТЕР-МКРТИЧЯН — кандидат исторических наук, живет в Москве. Автор книг: «Армения под властью Надир-шаха» (М., 1963), «Армяне в странах Арабского Востока» (М., 1965), «Армянские источники о Средней Азии. V-VII вв.» (М., 1979), «Армянские источники о Средней Азии. VIII-XVIII вв.» (М., 1985), «Армянскаие источники о Палестине. V-XVIII вв.» (М., 1991).

Владилен ТРАВИНСКИЙ

ЩИТ ЕГИПТА*

Салах-ад-дин, воспетый в европейских хро-никах под именем Саладина, курд, приглашенный фатимидами на службу, совершил в 1171 году государственный переворот. Он весьма боялся смуты, но - «ни одна коза не забодала другую», по словам современника. Отца Саладина звали Айюб-ибн Шади, его преем-ников назвали Айюбидами, они правили Египтом восемьдесят лет (1171-1250).

Первым делом Саладин разогнал фатимидских мамлюков. Особенно досаждали ему мамлюки из негров - сильные и свирепые. С трудом он справился с ними, и черных рабов солдатами решил не делать. А солдаты ему требовались - воевал Саладин так, что и в XIX веке в Англии еще писали о нем почтительные романы. И стал первый из Айюбидов склоняться к проторенным путям войны: к мамлюкам.

Его преемники без мамлюков армии уже не мыслили. Золото уплывало на Кавказ и в Крым, где шел торг людьми. А вскоре монгольский аркан потащил на продажу рабов Восточной Европы. Видимо, в 1240-1250 годах, отступив от прежних правил, в мамлюки стали брать и взрослых рабов — много опытных воинов попало в рабство к монголам, и жаль было халифам использовать их не по специальности, когда такая нужда в солдатах! Но это был роковой шаг Айюбидов, - египетскую ветвь династического древа срубил мамлюкский меч.

Взрослые рабы знали о себе и мире гораздо больше, чем мамлюки, выращенные из мальчиков. Они помнили, откуда их привезли, не чувствовали себя беззащитными и понимали толк не толь-

ко в войне, но и в политике, в хозяйстве. Салих-Айюб (1240-1249) во всем полагался на мамлюков, и они не спорили с ним. Но Салих умер, преемники были слабы и безвольны, а ужас, вырвавший мамлюков из родных гор, степей и лесов и забросивший их в Африку,теперь настигал их вторично: монголы приближались к Египту.

18 августа 1227 года умер забайкальский монгол Темучин, сумевший из мелкого бандита превратиться в Великого Хана и бросить монгольский таран на ворота цивилизации. Он умер на середине задуманного покорения мира, оставив детям свод законов - Яссу, точный план захватов «до последнего моря» и сильнейшую армию планеты.

Хуралдан поставил Великим Ханом его сына Угедея и распределил полководцев по основным направлениям. Средняя Азия, Северный Китай, Сибирь, Иран, Афганистан были захвачены. Главным фронтом для монголов оставался китайский; на Запад, против Европы и Африки отправили Малую орду и малых ханов, в частности Батыя. Сам Угедей повел армию на Китай, где и умер от пьянства 11 января 1241 года, известие о чем остановило Батыя посреди Европы.

Издалека, с Волги внук Чингисхана мало мог повлиять на выборы хуралдана, и Великим Ханом теперь сделали его заклятого врага: сына Угедея Гуюка. Но он умер через два года. Вновь смута... В 1251 году хуралдан посадил на престол племянника Угедея Менке и потребовал от чингизидов бросить склоки и завершить дело Чингиса.

Три брата: Менке, Хулагу и Хубилай возглавили войска. За Менке осталось общее руководство, Хубилай пошел на Южный Китай - на царство Сунов, Хулагу двинулся на тот запад, что оставался еще не монгольским после Батыя: на арабские государства Азии и Африки.

В Китае Хубилай наступал с трудом - но наступал. Речь шла уже не о спасении династии Сун или сохранении государства, речь шла о самом существовании китайского народа. На опыте северного Китая, где только при Чингисе было перебито 18 миллионов человек, империя Сун видела, что ее ожидает. Резались грудь на грудь, держались до последнего. Но Хубилай буквально пропиливая себе дорогу сквозь тело китайского народа, выходил к морю, к последним приморским крепостям.

Безысходными словами описывали последние китайские поэты судьбу страны:

В канавах люди
пожирают трупы,
Ребенка матьбросает на дорогу -
Прохожие
глаза отводят тупо,
Они помочь

уже ничем не могут.
В сплошной войне
идут десятилетья,
Промозглым ветром
бьет людей ненастье.
Вернусь домой - скажу
жене и детям:
И жидкая похлебка
- это счастье.

У берегов провинции Гуандун китайцы дали завоевателям предсмертный бой. Лю Сю-фу,командир погибающей армии, увидев, что подходит с моря монгольский десант, приказал умереть жене и детям, взял на руки малолетнего императора и бросился с ним в море, решив, что смерть лучше монгольского плена.

Через 686 лет после этого с трудом выжившие и вновь размножившиеся потомки тех, кто в канавах пожирал трупы, писали: «Чингисхан - личность, которая сыграла положительную роль в истории Китая. Хубилай внес выдающийся вклад в развитие нашего единого и многонационального государства... Нельзя расширение территории считать агрессией, а слабые и гибнущие национальности объявлять объектами агрессии, сочувствовать им. Действия сильной нации или государства, направленные на расширение своей территории, соответствуют общественным законам развития своего времени».

Вот так... Захват соседних стран - хорошо. Порабощение слабых - правильно. Расширение Монголии за счет Китая в XIII веке соответствует законам общественного развития. Уничтожение десятков миллионов китайцев - выдающийся вклад в развитие единого и многонационального ханьского государства. Просто-напросто, надо признать Чингисхана и Хубилая героями китайской истории, своими людьми, а их войны в Китае - внутренними усобицами, семейным, что ли, делом. Зато тогда их походы на Запад, их - в том числе и Батыя - прорыв к «Последнему морю» послужат славе Китая.

Карл Маркс давно призывал «добиваться, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами». Но пока этого нет, нравственный долг свободных людей в том, чтобы на пути Чингисханов стоять так, как стоял Лю Сю-фу в Гуандуне и русская крепость Козельск.

После хуралдана 1251 года Хулагу поспешил в Азербайджан и стал стягивать войска против арабов. Добыча казалась легкой: множество мелких и мельчайших эмиратов, ханств и т.п. пестрели на месте бывшего халифата, враждуя между собой и с крестоносцами. Багдад,оставаясь огромным городом и крупнейшим торговым и ремесленным центром, политически стал нулем, хотя счи-

тался резиденцией духовного главы арабов-халифа. Опасения внушал Египет, но Хулагу знал, что мамлюки - это остатки племен,разбитых монголами в Европе, и презирал их. «Сбежавшими от наших мечей» назвал мамлюков Хулигу в одной из грамот. К тому же мамлюкский переворот в Египте (1250г.) произошел только что, и походил на обычную картину феодальной сумятицы, знакомую монголам по другим странам, в том числе по Руси.

Хулагу, однако, не торопился: свои походы монголы готовили основательно. Подходили и становились лагерями тумены, темники получали задания и изучали театр войны; на хлебных полях Ирана паслись маленькие злые лошади, готовясь к стремительным прорывам. Менке прислал из Китая специалистов по огнеметательной технике и осадным башням. Строили мосты, свозили фураж, через лазутчиков и предателей изучали внутренний мир арабов.

2 мая 1253 года Орда рванулась.

Переднюю Азию взвихрил ветер войны. Арабы тоже умели драться в те времена; шла битва на уничтожение. Монголы, как в Китае, двигались шаг за шагом, сметая все: города, села, каналы, посевы, людей. 22 января 1258 года, через 18 лет после того, как подобное случилось под Киевом, сторожевые посты со стен Багдада увидели: квадраты туменов обтекают город, занимая места, назначенные им в штурме.

Восемь дней наблюдали багдадцы,как готовится их гибель: платформы на колесах, запряженные тысячами пленных, везли камни для катапульт, бревна для таранов и осадных башен. 30 января Хулагу начал общую атаку многокилометровой багдадской стены. На ней, как и в Киеве, сражалось все население города, включая детей и женщин. С обычной монгольской целеустремленностью штурм, все усиливаясь, шел день, ночь, еще день и еще ночь. 1 февраля тараны пробили стену, конница ворвалась в городские улицы, и тут, в тесноте и огне, настали последние часы Багдада.

Миллионный город погиб: все дома разрушены, все люди убиты.

Настал черед Египта. Опытные могущественные убийцы стояли перед походом в Африку, перед сказочными ее городами, прериями, джунглями - было, где разгуляться монгольской силушке. Третий материк ждал своих палачей.

...Нет - он не ждал! Впервые на путях войны монголы встретились не с обороной, а с наступлением. Коса нашла на камень: на мамлюков. Произошло событие, которое на долгие годы покрыло славой иноземную вольницу, властвующую в Египте, и дало ей моральное оправдание ее власти: мамлюки прикрыли собой Египет и Африку.

Они рассуждали стратегически верно: ждать монголов в Египте бессмысленно. Надо идти навстречу, имея Египет в тылу, чтобы оградить его города и каналы от превратностей сражений, а в случае неудачи - иметь место, куда можно отойти.

В июне 1260 года они выступили из Египта. Это был их первый

самоуправляющийся поход: они дрались не за халифа, а за себя. Сбежавшие от мечей знали, что второй раз им бежать некуда. Если монголы прорвутся - погибнут все. Люди без родины шли победить или умереть. Устоять не надеялись, готовились дорого продать жизнь. Им предстояла лишь славная смерть - и проблеск высшей надежды на непознаваемое.

3 сентября 1260 года монгольское войско встретилось с армией мамлюков, которыми командовал султан Кутуз - в Палестине, в сухой, угрюмой долине Голиафа. Монголов было гораздо больше, но они не ждали подобного удара, такого безумного сопротивления! И где - не на стенах крепости, не под защитой камня, а в открытом бою, лицом к лицу! Мамлюки атаковали плотным строем, отборные богатыри, полные ненависти и той невероятной отваги, на которую способен лишь смертник. Вчерашние рабы дрались и за свою жизнь, и за свои старые родины, откуда их вышвырнул монгольский шквал, и за страну, которая их, волей-неволей, сирых, бездомных приютила. Помните, как Батый не смог справиться с отрядом Евпатия Коловрата, пока не начал расстреливать его из стенобитных орудий? Так вот, представьте себе десять отрядов Евпатия Коловрата, будто восставших из праха, представьте, что слиты они воедино, и бьют, и бьют в одно место, яростные, не боящиеся смерти, не ждущие и не дающие пощады. Вопреки мнению Наполеона, но в полном согласии с его собственной военной судьбой, большие батальоны правы не всегда[1].

И Орда побежала. Побежали победители Руси и Китая, уничтожатели Хорезма и Грузии,разрушители Мерва и Ургенча, Киева и Багдада. Побежали не перед армиями императоров, а перед самоуправляющимся войском рабов, ими же, монголами, проданных в рабство! Побежали как раз у берега, у остатней версты, разделявшей их от Последнего мора, Средиземного - колыбели европейской и восточно-африканской культуры.

Разгром монголов был полным, и мамлюки немедленно воспользовались успехом. Они гнали Орду дальше и дальше, выжали монголов из Палестины, вступили в Сирию, повернули на юг и закрыли от монголов Аравию, святую землю мусульман.

Так Египет оказался единственной страной в мире, которая - руками половцев, черкесов, русичей - не только остановила, но и отбросила монголов.

Перед нынешними саддукеями в истории, знатоками исторических закономерностей, верующих, как и предки, в предопределенность событий, в некую объективную необходимость исторического процесса (по существу ничем не отличающую от воли судьбы древних и от воли провидения христиан) монголо-мамлюкские отноше-

[1] *Телохранителями Наполеона Бонапарта после египетского похода стали мамлюки-карабахские армяне — Ростом и Петрос. — В.В.*

ния и подобные им всегда представали как досадная помеха в логике событий. Само торжество небольшого, малоразвитыми монгольского народа над крупнейшими, древнейшими, развитейшими государствами Старого Света никак не укладывается в привычные схемы. Ссылка на совершенство монгольской армии бьет мимо цели, ибо всякая историческая теория считает военное могущество нации производным от экономического, или социального, или духовного, и в отрыве от последних военная мощь начисто непонятна - тем более такая явная и столь результативная, на сотни лет определившая судьбы гигантских территорий, как монгольская! Никто еще не решился назвать монгольский этап истории случайным зигзагом, - но никто и не пытался объявить его закономерным шагом вперед, или топтанием на месте величиной с Евразию! И уж тем паче не влезает в номенклатуру теорий успех мамлюков, успех беспорный, не временный, навечный успех там, где усилия иных великих народов оказались унылыми и недостойными. Я лишь с прискорбием констатирую факт.

Битва в долине Голиафа при Айн-Джалуте конституировала мамлюков как класс, как военно-феодальное правящее сословие, как правителей не зыбких, не преходящих, а вполне достойных представлять Египет на международной арене.

1966-1973

Владилен ТРАВИНСКИЙ (1934-1974). Писатель, журналист, искатель приключений, фантазер. Автор нескольких книг, в том числе лучшей, на мой взгляд, повести о Фернанадо Магеллане - «Звезда мореплавателя», он многое, и, возможно, самое главное, не успел сказать и написать. Да будет земля ему пухом! «Щит Египта» - глава из неопубликованного историософского исследования Володи «Алиби России» (200 стр.) - В.В.

ЦИФРЫ. ДАТЫ. ИМЕНА.

	АРМЕНИЯ	ИЗРАИЛЬ
Территория (тыс.кв.км.)	29,8	27,8
Население (тыс. чел.)	3.528	6.450*
городское (в %)	65%	89%
сельское (в %)	35%	11%
	армян-3млн.83,6т.	евреев-4млн.100т.
Плотность населения на 1 кв. км. (чел.)	119	235
Средняя продолжительность жизни	мужч.-69 лет** женщ.-74,7	мужч.-72,8*** женщ.-76,2
Производство электроэнергии (млрд.кВТ.-ч.)	15,3****	15,9*****
Площадь с.-х.угодий (га)	1,3 млн.	437 тыс.
Лес (тыс. га)	331,1	107,0

* — Из общего населения прибл. 1,4 млн. составляют арабы Западного Берега и сектора Газы.
** — 1989 г.
*** - 1982 г.
**** — 1988 г.
***** — 1986 г.

Геополитические факторы (предложены М.Тартаковским):

1. «ЩИТ» — сколько территории (кв.км) приходится на 1 км. границы.
2. «КРЫША» — ширина наиболее населенной части страны.
3. «НАШИ» — соотношение коренного населения страны и всех других народов, «чужих».

	АРМЕНИЯ	ИЗРАИЛЬ
«ЩИТ»	26 кв.км. на 1 км. границы	27,4 кв.км. на 1 км.*
«КРЫША»	150 км.	75 км.
«НАШИ»	6,9 : 1,0	1,75 : 1,0

* — В нынешних фактических границах Израиля.

105 ДАТ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

III тысячелетие до н.э.	На территории Палестины осели племена ханаанеев.
XVIII в.до н.э.	Завоевание Палестины гиксосами.
XVI в.	Египтяне разбили гиксосов.
XIII в.	Древне-еврейские племена начали завоевание Палестины.
1300 г.	Исход из Египта.
1250-1230 гг.	Завоевание Ханаана.
1200-1025 гг.	Эпоха Судей.
XII в.	Побережье Палестины завоевано филистимлянами (название «Палестина» происходит от древнеевр. пелиштим — филистимляне).
Конец XII в.	Сложился племенной союз части западно-семитских племен, принявших название «Израиль» (буквально «борющийся в Богом»). Возникновение иудаизма.
1025-1004	Царствование Саула — последнего израильского судьи и первого царя Израиля.
1004-965	Воцарение Давида, который завоевал ханаанейский город Иерусалим, сделав его столицей

	Израильско-Иудейского царства. Правил сорок лет. Автор Псалтири.
965-928	Царствование Соломона — младшего сына царя Давида. Ему приписывают «Песнь Песней».
950	Завершено строительство Иерусалимского Храма.
X в.	Гезерский календарь — древнейшая обнаруженная надпись, сделанная еврейским письмом (ханаанейский алфавит).
925	Израильское царство распалось на Израиль (Северная Палестина) и Иудею (Южная Палестина).
IX в.	Появление первых надписей на иврите.
IX-VII вв.	Сложились книги Бытие, Исход, Левит и Числа, приписываемые Моисею, который вывел евреев из Египта.
789-748	Царствование Иоровама II в Израиле.
769-733	Царствование Уззии в Иудее. Завоевание Ашдода, что впервые обеспечило Иудее выход к Средиземному морю.
733-701	Проповеди Исайи, первого из великих пророков.
727-698	Правление Хизкия. Иудея становится данником Ассирии.
722	Ассирийский царь Саргон II завоевал Израильское царство и разрушил его столицу Самарию.
639-609	Правление Иосии. Иудейское царство освободилось от ассирийского ига. Перестройка Храма. В Храме найдена Книга завета.
586	Навуходоносор II взял Иерусалим. Разрушение Первого Храма. Переселение в Вавилонию десятой части населения. Пророк

586	Иеремия вместе с беженцами уходит в Египет.
597-538	Вавилонское пленение. Зарождение диаспоры и мессианства — идеи о Спасителе из рода Давида.
539	Завоевание Вавилонии персами. Территория Палестины входит в состав государства Ахеменидов.
538	Эдикт персидского царя Кира, разрешающий изгнанникам возвращение в Иудею.
515	Завершение строительства Второго Храма.
Сер.V в.	Начало перехода с ханаанейского на арамейский (квадратный) шрифт.
IV в.	Возникновение в Палестине синагог.
ок. 397	Ездра: оформление канонического Пятикнижия (Торы).
332	Палестина завоевана Алесандром Македонским. Еще тысячу лет она будет частью эллинистическо-римского мира — до мусульманского завоевания.
301-200	Палестина под властью египетских Птоломеев.
200	Палестина попадает в зависимость от Селевкидов (греческая династия в Сирии).
167-142	Восстание Маккавеев.
164	Освящение Иерусалимского Храма.
142	Образование на территории Иудеи самостоятельного государства Хасмонеев.

2-я пол. II v. в. до н.э. — I в.н.э.	Общины ессев — главных предшественников раннего христианства.
63	Войска Помпея вошли в Иерусалим. Рим установил протекторат над Палестиной.
40-4	Ирод I Великий, царь Иудеи и «друг Рима». Сверг (37 г.) последнего представителя династии Хасмонеев и расширил территорию Иудеи почти до пределов древнего царства Давида.
Первый год новой эры	В Вифлееме родился Иисус Христос.
6	Территория Палестины превращена в римскую провинцию с прокураторским управлением.
33	Распяли Иисуса Христа.
37-100	Жизнь Иосифа Флавия, историка.
2-я пол. I в.	В восточных провинциях Римской империи в среди евреев возникла новая религия — христианство.
66-73	Иудейская война.
70	Разрушение Второго Храма римлянами. С исторической сцены сошли саддукеи.
73	Пала крепость Масада. Ее защитники предпочли убить себя, но несдаться в плен римским воинам.
132-135	Восстание Бар-Кохбы.
2-я пол. II в.— нач. III в.	Жизнь Иегуды ха-Ниси, собирателя и редактора Мишны, которая есть нечто большее, чем собрание мнений и высказываний вероучителей. Мишна служит основой всего еврейского религиозного и гражданского законодательства.

395	Палестина вошла в состав Византии.
V в.	На основе соединения Мишны и Гемары составлен Талмуд (др.-евр.учение).
614	Иерусалим захватили персы.
637	Халиф Омар взял Иерусалим. Палестина стала частью Арабского халифата.
VII в.	Изобретена система гласных значков иврита — «никудот».
717	Халиф Сулейман бен-Абед эль-Малик основал Рамлу как столицу Палестины и Сирии.
1096-1099	Первый крестовый поход, завершившийся взятием Иерусалима и образованием Иерусалимского королевства.
XII-XIII вв.	В Германии начал создаваться язык идиш.
1187	Египетский султан Салах-ад-дин разгромил крестоносцев и взял Иерусалим.
1260	Иерусалим опустошен нашествием татар.
1455	Еврейское население Иерусалима — 1.600 человек.
1517	Турки завоевали Палестину. Четыре века страна Израиля будет частью Османской империи. В Иерусалим прибыли евреи, спасшиеся от резни, учиненной на Украине казаками Богдана Хмельницкого.
1578-1642	Строительство стен вокруг Иерусалма.
1703-1706	Антитурецкие восстания в Иерусалиме, Наблусе, Вифлееме.

1799	Батальоны Наполеона Бонапарта овладели Газой, Рамлой, Лодом и Яффой. Возможно, французский император выпустил прокламацию, призывающую евреев Азии и Африки сплотиться под его знаменем во имя завоевания «наследия Израиля».
1832-1841	Палестина под властью египетского паши Мухаммад-Али. Антиегипетские восстания (1834, 1840-1841).
1869	Открытие Суэцкого канала.
1882	Основание Петах Тиквы — первого еврейского поселения в Палестине.
1884	Основание еврейской национальной и университетской библиотеки в Иерусалиме.
1890	Элиэзер Бен-Иегуда и его жена Двора поклялись, что в их доме будут говорить только на иврите. Их сын Бен-Ави Итамар (1882-1943) был первым евреем, для которого иврит стал родным языком.
1897	В Базеле состоялся конгресс, на котором была основана Всемирная сионистская организация, провозгласившая официальной целью сионизма «создание для еврейского народа правоохраняемого убежища в Палестине.»
1909	Основание Тель-Авива.
1914-1918	Оккупация Палестины английскими войсками.
1917, 2 ноября	Английское правительство опубликовало Декларацию Бальфура, где содержалось обещание содействовать созданию в Палестине «национального очага для еврейского народа».
1917-1948	Период британского мандата.

1920, 10 мая	В Севре (Франция) подписан договор между державами-победительницами и Турцией. В договор включены параграфы об окончательном установлении границ Палестины в результате переговоров между Великобританией и Францией.
1920	Основание первого киббуца.
1925	Открытие Иерусалимского университета.
1933-1945	КАТАСТРОФА. В результате организованного преследования и уничтожения евреев нацистами и их пособниками в Германии и на оккупированных территориях уничтожено 5.820.960 человек.
1947	В пещерах Кумрана найдены «Свитки Мертвого моря» — рукописи ессеев II в. до н.э. - I в. н.э.
1947, 29 ноября	Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о ликвидации английского мандата на Палестину, выводе войск и создании на ее территории двух независимых государств — арабского и еврейского.
1948, 14 мая	Народное правление на заседании в Тель-Авивском музее приняло Декларацию независимости, провозгласив тем самым создание Государства Израиль. В ночь с 14 на 15 мая египетские самолеты сбросили бомбы на Тель-Авив — пять арабских стран начали войну против только что созданного еврейского государства.
1949 февраль,	Кнессет избрал первым президентом Израиля Хаима Вейцмана (1874-1952).
1949	Принятие Израиля в ООН.
1949, 13 декабря	Иерусалим провозглашен столицей Израиля.

1952,14 июля	Принят Закон об израильском гражданстве.
1952, 12 августа	Расстрел выдающихся деятелей еврейской культуры в СССР.
1952, сентябрь	Подписано соглашение с ФРГ о выплате Израилю репараций за еврейское имущество, разграбленное нацистами. В 1952-1965 гг. сумма репараций составила 822 млн. долларов и более 1,7 млрд. долларов за ущерб, причиненный евреям Европы во время второй мировой войны.
1953, 13 января	Все советские газеты опубликовали сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей». Вскоре последовал разрыв дипломатических отношений между СССР и Израилем.
1956, октябрь-ноябрь	Синайская кампания.
1965, август	Израиль и ФРГ обменялись послами.
1966	Лауреатами Нобелевской премии стали два выдающихся еврейских писателя — Нелли Закс (ФРГ) и Шмуэл Иосеф Агнон (Израиль).
1967, 5-10 июня	Шестидневная арабо-израильская война.
1970 март	В Израиле принят закон «Кого считать евреем».
1972	28-й конгресс Всемирной сионистской организации принял коллективное обязательство всех национальных организаций помогать Израилю при любых обстоятельствах и условиях.
1972, 16 марта	Кнессет принял резолюцию о «неоспоримости исторических прав еврейского народа на Страну Израиль».

1973, 6 октября	Нападение Египта и Сирии на Израиль. Война Судного дня.
1975, ноябрь	30-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию № 3379, которая квалифицировала сионизм как «форму расизма и расовой дискриминации».
1978, 17 сентября	В Кэмп-Дэвиде подписано соглашение между Израилем, Египтом и США.
1980, 30 июля	Кнессет принял закон, согласно которому объединенный Иерусалим является столицей государства Израиль.
1982, в ночь с 5 на 6 июня	Израиль начал операцию «Мир Галилее» —против военных баз ООП в южном Ливане. Боевые действия повлекли присутствие израильских сил в Ливане до июня 1985 г.
1984, ноябрь	Операция «Моисей» — израильские самолеты доставили из Эфиопии и Судана 14 тысяч евреев-фаллашей (осенью 1991 подобная операция была повторена, но уже под кодовым названием «Соломон»).
1987, 9 декабря	Начало «интифады» — восстания палестинцев на западном берегу р. Иордан.
1991, 17 января	США и союзники начали боевые действия (операция «Буря в пустыне») против Ирака.
1991, 16 декабря	Генеральная Ассамблея ООН отменила резолюцию № 3379, которая квалифицировала сионизм как «форму расизма и расовойдискриминации».

105 ДАТ АРМЯНСКОЙ ИСТОРИИ

III тыс. до н.э.	Развитие примитивного земледелия и скотоводства. Поселения Шенгавит, Шрешблур, Элар и Тагаворанист.
до XII в. до н.э.	В верховьях реки Евфрат сложилась историческая область Малая Армения, известная по хеттским клинописным текстам как страна Хайаса (входила в состав государств хеттов).
XIII в.	Начало экспансии Ассирии. Объединение племен Армянского нагорья в союзы (Уруатри, Наири, Дайани). Походы Салманасара I в Урарту.
Конец II тыс. Начало I тыс.	Расцвет бронзовой индустрии. Начало железного века. Появление племенных союзов.
834 г. до н.э.	Поход Салманасара III против царя Урарту Сардури I.
781-760 гг.	Правление в Урарту царя Аргишти I.
585 г.	Разрушение мидянами урартской столицы Тушпы (ныне город Ван в Турции).
520-331	Господство Ахеменидской Персии.
2-я половина 1 тыс.	Завершился процесс формирования армянской народности

	Арменией, где существовал союз племен во главе с хаями, этноним которых и теперь служит само названием этого народа).
331-323	Армения входит в состав государства Александра Македонского.
316	Образование независимого Айраратского царства.
220	Образование Великой Армении со столицей в городе Армавире (в нее вошла часть территорий бывшего государства Урарту и Айраратское царство).
189	Провозглашение независимости от Селевкидов Великой Армении и Софены.
95-56	Царствование Тиграна II. Великая Армения достигает наивысшего могущества (к ней были присоединены Софена, часть Кавказской Албании, Иберия, северо-западная Парфия, Мидия, Атрапатакан, Коммагена, Сирия, Финикия и Равнинная Киликия).
69-66	Армяно-римские войны. Поход Помпея в Армению. Отпадение Сирии и малоазиатских земель от Великой Армении.
69	Тигран II строит театр в Тигранакерте.
Первый год новэй эры	В Вифлееме родился Иисус Христос.
60-68 г. н.э.	Апостолы Фаддей и Варфоломей проповедуют христинство в Армении.
62 г.	Разгром римских войск армянами и парфянами.
66-428	Правление династии Аршакидов.
114	Император Троян оккупировал Армению и объявил ее римской провинцией.

161-166	Восстание армян против римских оккупантов.
Конец II в.	Малая Армения вошла в состав державы Митридата VI Евпатора.
298	Рим признал независимость Великой Армении.
301	Царь Трдат III принял христианство и провозгласил его официальной религией. Армения стала первой страной, признавшей христианство государственной религией.
303	Близ Еревана построен собор Эчмиадзин, ставший религиозным центром всех армян и местопребыванием главы армяно-григорианской церкви.
387	Раздел Великой Армении между Сасанидским Ираном и Римской империей.
406	Месроп Маштоц (361-440) создал армянский алфавит.
451, 26 мая	Аварайрская битва между восставшими армянами с войсками персов.
484	Нварсакский договор между Арменией и Ираном. Восстановлена самостоятельность Армении.
554	Двинский церковный собор. Окончательный разрыв между армянской монофизитской и византийской диофизитской (халкедонитской) церквами. Принятие «томара» — армянской эры, по которой первым годом армянского летоисчисления считается 552-й.
591	Раздел Армении между Византией и Ираном.
VI-IX вв.	Религиозно-политическое движение павликиан.
618 г.	Возведена церковь св. Рипсимэ в Эчмиадзине.

698	Арабский полководец Мухаммед ибн Мерван завоевал Армению.
775	Восстание армян подавлено арабами.
816-837	Восстание Бабека.
862	Создание государства Багратидов во главе с царем Ашотом.
873	Подавление Византией движения павликиан.
886	Восстановление независимости Армении.
915-922	Борьба армян против попытки арабов восстановить свое владычество.
961	Основание Ашотом III Анийского царства.
1002	Григор Нарекаци (951-1003) завершил «Книгу скорбных песнопений».
1-я пол. XI в.	Движение тондракийцев.
1045	Византийская армия вступила в Ани. Падение Анийского царства
1048	Первый поход сульджуков в Армению (последующие походы совершались в 1049, 1054, 1064-65годах).
1071	Разгром сельджуками византийского императора Романа Диогена в битве при Маназкерте. Подчинение Армении власти сельджуков.
1085	Ученый и мыслитель Иоанн Софист (1045- 1125) основал университет в Ани.

1096-1099	Первый крестовый поход; в составе войска христиан-армянские рыцари из Киликийской Армении и Сирии. В 1099 году крестоносцы взяли Иерусалим.
1184	Мхитар Гош составил «Судебник».
1220	Вторжение татаро-монголов.
1253	Поездка киликийского царя Гетума I в Каракорум.
1280	Вардапет Нерсес из Муши основал Гладзорский университет.
1386-1402	Разрушительные походы Тимура.
1502	Завоевание Восточной Армении Сефевидским государством.
1512	В Венеции вышла первая армянская книга «Парзатумар» («Объяснительный календарь»). Начало книгопечатания на армянском языке.
1515-1516	Турки вторглись в Армению.
1555	Раздел Армении между Турцией и Ираном.
1567	В Константинополе создана первая армянская типография (в Риме — 1584, Париже — 1633, Лейпциге — 1680).
1603	Шах Аббас I захватил Ереван.
1605	Насильственное переселение более 300 тысяч армян в Иран. Основание города Новая Джульфа близ Исфахана.
1604-1828	Ереванские (Эриванское) ханство.
1639	Заключен мирный ирано-турецкий договор, по которому Армения разделена на западную — турецкая Армения и восточную — персидская Армения.

1673	Обращение армян к царю Алексею Михайловичу с ходатайством об освобождении Восточной Армении от иранского владычества (первое из серии подобных).
Около 1696	В Амстердаме напечатана первая географическая карта на армянском языке.
1724	Героическая оборона Еревана от турецких захватчиков.
1778-79	Переселение крымских армян в район Ростова-на-Дону. Основание города Новая Нахичевань.
1794	В Мадрасе вышел первый армянский журнал «Аздарар» («Вестник»).
1795	Нашествие иранского шаха Ага Мохаммед-хана.
1815	Основание Лазаревского института в Москве. В Астрахани вышла первая армянская газета — еженедельник «Аревелян цануцманц» («Восточные известия»). А.Лимонджян ввел в практику новую армянскую нотопись, с помощью которой Н.Ташчян записал три тома средневековой духовной музыки.
1826-28	Русско-иранская война. Учреждение Армянской области в составе России (1 марта 1828 г.).
1828-29	Русско-турецкая война. Присоединение к России Эриванского и Нахичеванского ханств.
1846, 6 декабря	Рескрипт царского правительства о помещичьих правах ханов, беков, агаларов и меликов.
1858	В Москве начал издаваться журнал «Юсисапайл» («Северное сияние»). Издан роман Хачатура Абовяна «Раны Армении».
1860, 24 мая	Принятие «Национальной конституции» западных армян.

1868	Тигран Чухаджян создал первую армянскую оперу «Аршак II».
1874	Фольклорист Г.Срвандзтян записал героический эпос «Давид Сасунский».
1877-78	Русско-турецкая война. Присоединение к России Ардагана, Карса, Батума и Баязета с их округами.
1890 8 августа	Создание армянской революционной партии «Дашнакцутюн».
1894 лето	4-я турецкая армия начала карательный поход на Сасун. В 1894-1896 г. режим султана Абдул-Гамида истребил в Турции около 300 тысяч армян.
1895	Распоряжение наместника Кавказа о закрытии армянский школ (В 1898 г. были конфискованы их денежные средства).
1895-96	Массовое истребление армянского населения в Турции, организованное правительством Абдул-Гамида.
1899-1901	Постройка железнодорожной линии Тифлис-Александрополь-Эривань-Карс-Сарикамыш.
1902, июнь	В Тифлисе создан Союз армянских социал-демократов (в марте 1903 г. влился в тифлисскую организацию большевиков).
1903	Указ царского правительства о конфискации движимого и недвижимого имущества армянской церкви.
1915, весна	Геноцид армян в Турции. В 1915-16 гг. убито более одного миллиона людей; более 600 тысяч угнано в пустыни Месопотамии, где большинство их погибло; свыше 300 тысяч армян нашли убежище в России.
1918, 22-26 мая	Сардарапатское сражение армян стурками, предотвратившее взятие Еревана.

1918, 28 мая	Провозглашение Независимой Армении.
1920, 10 августа	В Севре (Франция) подписан мирный договор держав-победителей с Турцией. Согласно этому договору, Турция признавала Армению самостоятельным государством; Армения получила выход к Черному морю; за правительством США предусматривалось право определения границ между Турцией и Арменией.
1920, 29 ноября	Ревком провозгласил Армению Советской Социалистической Республикой. Части XIКрасной армии перешли границу Армении.
1921, март	Согомон Тейлирян застрелил в Берлине Талаата-пашу, бывшего министра внутренних дел Турции, виновного за массовое истребление армян. Берлинский окружной суд оправдал Тейлиряна.
1921, 21 мая	Образован Совет Народных Комиссаров Армении во главе с А.Ф.Мясникяном.
1937, 29 ноября	после страшных пыток расстрелян поэт Егише Чаренц. До этого дня и после него тысячи армян стали жертвами коммунистического террора.
1941	Закончено строительство Дома правительства. Создана (декабрь) армянская 89-я Стрелковая дивизия.
1942	Сформирована (январь) армянская 390-я дивизия.
1943, 29 ноября	Учреждение Академии наук Армянской ССР. Первым президентом (1943-1947) стал историк, востоковед Иосиф Орбели.
1945-49	Из 15 различных стран в республику вернулось около 100 тысяч армян. Многие репатрианты погибли в советских лагерях.

1946	Создана Бюраканская астрофизическая обсерватория.
1955	Избрание Католикоса Всех Армян Вазгена I (в миру Левон Карапет Палджян, род. 1908).
1956	Начал работать ереванский телецентр. В Ленинградском театре оперы и балета поставлен балет А.И.Хачатуряна «Спартак».
1966	В институте физики построен крупнейший в СССР кольцевой электронныый ускоритель (Л.Алиханьян, Ю.Орлов, А.Аматуни и др.)
1967	Начато издание 8-томной «Истории армянского народа».
1977, 8 января	Взрыв в московском метро, приписанный КГБ Степану Затикяну, Акопу Степаняну и Завену Богдасаряну (об их казни ТАСС сообщил 30 января 1979 г.).
1988, 7 декабря 11 час.41 мин.	Спитакское землетрясение, сила которого в эпицентре достигла 10,5 баллов. Пострадали 19 городов и районов,342 села. Из-под развалин извлечены спасателями 40 тысяч человек (из них 25 тысяч погибших). 7 декабря 1988 г., как и 24 апреля 1915 г., стал самым черным днем для армян.
1991, 21 сентября	Референдум о независимости республики. На основе его результатов 23 сентября провозглашена независимая Республика Армения.
1991, 16 октября	Первым президентом Республики Армения избран филолог Левон Тер-Петросян.

СТО ЗНАМЕНИТЫХ ЕВРЕЕВ XX ВЕКА

АГНОН Шмуэл Иосеф — израильский писатель, лауреат Нобелевской премии (1966).
АНЕЛЕВИЧ Мордехай — один из руководителей Варшавского восстания.
БАБЕЛЬ Исаак — русский писатель.
БАР-ЛЕВ Хаим — израильский генерал.
БАРУХ Бернард — американский финансист.
БАШЕВИС-ЗИНГЕР Исаак — американский писатель, лауреат Нобелевской премии (1978).
БЕГИН Менахем — израильский генерал и политик.
БЕЙЛИС Менахем-Мендель — служащий, обвиненный в ритуальном убийстве русского мальчика; оправдан судом присяжных (Киев, 1913 г.).
БЕЛЛОУ Сол — американский писатель, лауреат Нобелевской премии (1976).
БЕН-АВИ Итамар — первый современный еврей, для которого иврит стал родным языком.
БЕН-ГУРИОН Давид — первый премьер-министр Израиля.
БЕН-ИЕХУДА Элиэзер — пионер возрождения иврита как живого языка.
БЕН-ЦВИ Ицхак — второй президент Израиля.
БЕРГСОН Анри-Луи — французский философ, лауреат Нобелевской премии (1927).
БЕРЛИН Исайя — английский философ, литературовед.
БЕРНАР Сара — французская актриса.
БЕРНСТАЙН Леонард — американский композитор.
БЕРНШТЕЙН Эдуард — немецкий социалист.
БЕТЕ Ганс — немецкий и американский физик, лауреат Нобелевской премии (1967).
БЛЮМ Леон — премьер-министр Франции.
БОР Нильс — датский физик, лауреат Нобелевской премии (1922).

БРОД Макс — австрийский и израильский писатель, композитор.
БРОДСКИЙ Иосиф — русский поэт, лауреат Нобелеской премии (1987).
БРОНФМАН Сэмюэль — канадский миллиардер и филантроп.
БУБЕР Мартин — израильский богослов, ученый.
БЯЛИК Хаим-Нахман — еврейский поэт.
ВАКСМАН Залман — американский химик, лауреат Нобелевской премии (1952).
ВАЛЬТЕР Бруно — дирижер.
ВАМБЕРИ Арминий — венгерский путешественник, ориенталист.
ВАРБУРГ Феликс-Мориц — американский банкир и филантроп.
ВАССЕРМАН Август фон — немецкий бактериолог, иммунолог.
ВЕЙНИНГЕР Отто — австрийский философ.
ВЕЙЦМАН Хаим — первый президент Израиля.
ВЕРФЕЛЬ Франц — австрийский писатель.
ВИЗЕЛЬ Эли — американский писатель, защитник прав человека, лауреат Нобелевской премии (1986).
ВИЗЕНТАЛЬ Симон — австрийский «охотник за нацистами».
ВИНЕР Норберт — американский ученый, создатель кибернетики.
ВОЛЬФСОН Давид — второй президент Всемирной сионистской организации.
ГЕРЦЛЬ Теодор — основатель политического сионизма, первый президент Всемирной сионистской организации.
ГЕРЦОГ Ицхак — верховный раввин Израиля.
ГИНЦБУРГ Гораций — российский банкир и филантроп.
ГОРОВИЦ Владимир — американский пианист.
ГУГГЕНХАЙМ Мейер — американский промышленник и филантроп.
ГУР Мордехай — израильский военачальник.
ДАЯН Моше — израильский генерал и политик.
ДРЕЙФУС Альфред — французский офицер, обвиненный как немецкий шпион; оправдан судом (1898), признан виновным (1899), вновь признан невиновным (1906).
ДУБНОВ Семен — еврейский историк, общественный деятель.

ДЮРКГЕЙМ Эмиль — французский ученый, один из создателей социологии.
ЖАБОТИНСКИЙ Владимир — один из лидеров сионизма, писатель, переводчик, публицист.
ЗАКС Нелли — немецко-еврейская поэтесса, лауреат Нобелевской премии (1966).
ЗАМЕНГОФ Людвиг — врач, создатель эсперанто.
ЗУСКИН Биньямин — еврейский актер.
ИМБЕР Нафтали — автор израильского гимна «Ха-Тиква».
ИОНЕСКО Эжен — французский драматург.
КАНЕТТИ Элиас — австрийский писатель, лауреат Нобелевской премии (1981).
КАНТОР Георг — немецкий математик и мыслитель.
КАСПАРОВ Гарри — тринадцатый чемпион мира по шахматам.
КАССЕН Рене — французский общественный деятель, лауреат Нобелевской премии (1968).
КАФКА Франц — австрийский писатель.
КАХАНЕ Эрез — израильский юноша, погибший в Кашмире, когда пять молодых израильтян были взяты в заложники и бежали, разоружив охрану.
КИССИНДЖЕР Генри — государственный секретарь США, лауреат Нобелевской премии (1973).
КЛАРСФЕЛЬД Беата и Серж — французские «охотники за нацистами».
КОЛЛЕК Теодор — мэр Иерусалима.
КОРЧАК Януш — польский педагог.
КРАЙСКИЙ Бруно — федеральный канцлер Австрии.
КРИЧЕВСКИЙ Илья — архитектор, погиб 21 августа 1991 в Москве во время путча.
ЛАНДАУ Лев — советский физик, лауреат Нобелевской премии (1962).
ЛАНДШТЕЙНЕР Карл — австрийский ученый, создатель гематологии, лауреат Нобелевской премии (1930).
ЛАСКЕР Эммануэль — второй чемпион мира по шахматам.
ЛЕВИТАН Исаак — русский художник.
ЛИПШИЦ Жак — французский скульптор.
ЛОМБРОЗО Чезаре — итальянский психиатр, антрополог.

МАЛАМУД Бернард — американский писатель.
МАЛЕР густав — австрийский композитор.
МАНДЕЛЬШТАМ Осип — русский поэт.
МАНЕ-КАЦ Иммануэль — израильский скульптор и художник.
МЕИР Голда — премьер-министр Израиля.
МЕНУХИН Иегуди — американский скрипач.
МИГДАЛ Аркадий — советский математик.
МИНКОВСКИЙ Герман — немецкий математик и физик.
МИХОЭЛС Соломон — еврейский актер и режиссер.
МОДИЛЬЯНИ Амадео — итальянский художник.
МОЙХЕР-СФОРИМ Менделе — еврейский писатель.
НОРДАУ Макс — еврейский философ и писатель.
ПАСТЕРНАК Борис — русский поэт, лауреат Нобелевской премии (1958).
ПЛИСЕЦКАЯ Майя — балерина.
РОТШИЛЬД Эдмон де — французский банкир и меценат.
СПИЦ Марк — американский пловец.
ТРОЦКИЙ Лев — один из вождей октябрьской (1917) революции в России.
ФЕЙХТВАНГЕР Лион — немецкий писатель.
ФРАНК Анна — голландская девочка.
ФРЕЙД Зигмунд — австрийский врач и психиатр.
ФРИДМАН Милтон — американский экономист, лауреат Нобелевской премии. (1976).
ЧЕЙН Эрнст Борис — английский биохимик, лауреат Нобелевской премии (1945).
ШАГАЛ Марк — французский художник.
ШНЕЕРСОН — любавический ребе.
ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ — еврейский писатель.
ЩАРАНСКИЙ Натан — правозащитник.
ЭРЕНБУРГ Илья — советский писатель.

СТО ЗНАМЕНИТЫХ АРМЯН XX ВЕКА

АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВ Семен — востоковед.
АБЕГЯН Манук — филолог.
АВЕТИСЯН Минас — художник.
АГАДЖАНЯН Грегор-Петрос — кардинал.
АГАНБЕГЯН Абел — экономист.
АДАМОВ Артюр — французский писатель.
АДАМЯН Ованес — изобретатель цветного телевидения.
АДЖЕМЯН Вардан — режиссер.
АЗНАВУР Шарль (Азнавурян Варенаг) — французский певец. композитор.
АЙВАЗОВСКИЙ Иван — русский художник.
АМАРА Лусин — американская певица.
АЙРИКЯН Паруйр — правозащитник.
АЛИХАНОВ Абрам — советский физик.
АЛИХАНЬЯН Артем — советский физик.
АЛИШАН Гевонд — историк, филолог, географ.
АМБРАЦУМЯН Виктор — астрофизик.
АНДРАНИК (Озанян Андраник) — армянский полководец.
АРЛЕН Майкл (Куюмджян Тигран) — английский писатель.
АСРАТЯН Эзраст — советский физиолог.
АЧАРЯН Рачия — филолог, лингвист.
БАГРАМЯН Иван — советский военачальник, маршал Советского Союза.
БАХЧАНЯН Вагрич — человек выдающегося остроумия.
БАШИНДЖАГЯН Геворг — художник.
ВАЗГЕН Ш (Палджян Левон карапет) — Католикос Всех армян.
ВАРДАНЯН Юрий — тяжелоатлет, чемпион Олимпийский
игр, мира, Европы.
ВАРТАН Сильви — французская певица.
ВАРУЖАН Даниэл — поэт.
ВАХТАНГОВ Евгений — режиссер.
ВЕРНО Анри (Малакян Ашот) — французский

кинорежиссер.
ГАЛЕНЦ Арутюн — армянский художник.
ГАРЗУ (Зулумян Гарник) — французский художник.
ГОРЬКИЙ Арчил — американский художник.
ГАСПАРЯН Гоар — певица.
ГУРДЖИЕВ Георгий — религиозный мыслитель, философ.
ГЮЛЬБЕЯН Галуст — португальский промышленник и филантроп.
ГЮРДЖЯН Акоп — французский скульптор.
ДЕМИРЧЯН Дереник — писатель.
ДЖИВИЛЕГОВ Алексей — театровед, историк литературы.
ЕКАМАЛЯН Макар — композитор.
ЕЛЯН Эдуард — летчик-испытатель.
ЕНГИБАРОВ Леонид — клоун.
ЗАВАРЯН Симон — один из создателей дашнакской партии.
ЗИППЕР Арам — американский изобретатель, изобрел «молнию».
ЗОРЯН Стефан — один из создателей дашнакской партии.
ЗОХРАБ — писатель, юрист.
ИСААКЯН Аветик — поэт.
ИСАКОВ Иван — флотоводец, адмирал флота Советского Союза.
КАМО (Тер-Петросян Симон) — революционер, террорист.
КАСПАРОВ Гарри — тринадцатый чемпион мира по шахматам.
КОМИТАС (Согомонян Согомон) — композитор.
КОЧАР Ерванд — скульптор, живописец, график.
ЛАЗАРЕВ Виктор — искусствовед.
ЛЕО (Бабаханян Аракел) — историк.
МАМУЛЯН Рубен — американский кинорежиссер.
МАНАНДЯН Яков — историк.
МАНТАШЕВ левон — нефтепромышленник, филантроп.
МАНУШЯН Мисак — герой французского Сопротивления.
МАТЕВОСЯН Грант — писатель.
МЕЛИК-ПАШАЕВ Александр — дирижер.
МЕРГЕЛЯН Сергей — математик.
МИКОЯН Артем — авиаконструктор.
НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Владимир — режиссер.

НЖДЭ Гарегин — герой дашнакского движения.
ОВАННЕС Алан — американский композитор.
ОРБЕЛИ Иосиф — востоковед.
ОРБЕЛИ Леон — физиолог.
ОТЯН Ерванд — писатель-сатирик.
ПАПАЗЯН Ваграм — актер.
ПАРАДЖАНОВ Сергей — кинорежиссер.
ПЕТРОСЯН Тигран — девятый чемпион мира по шахматам.
ПИТОЕВ Жорж — французский актер, режиссер.
САРАДЖАЕВ Константин — дирижер.
САРОЯН Уильям — американский писатель.
САРЬЯН Мартирос — художник.
СЕВАК Паруйр — поэт.
СЕДРАКЯН Маркар — винодел, коньячных дел мастер.
СИАМАНТО (Ярджанян Атом) — поэт.
СИМОНОВ Рубен — режиссер, актер.
СИРАНУШ (Кантарджян Меробэ) — актриса.
СПЕНДИАРОВ Александр — композитор.
СТЕПАНЯН Нельсон — военный летчик, дважды Герой Советского Союза.
СУНДУКЯН Габриэл — драматург.
СУРЕНЬЯНЦ Вартекс — художник.
ТАМАНЯН Александр — архитектор.
ТЕЙЛИРЯН Согомон — член дашнакской партии, застреливший в 1921 г. в Берлине Талаата-пашу; оправдан Берлинским окружным судом.
ТЕР-ПЕТРОСЯН Левон — первый президент Республики Армения.
ТЕРЬЯН (Тер-Григорян) Ваан — поэт.
ТИГРАНЯН Армен — композитор.
ТОРАМАНЯН Торос — архитектор, археолог.
ТРУАЙЯ Анри (Тарасов Лев) — французский писатель.
ТУМАНЯН Ованес — поэт.
ХАЧАТУРЯН Арам — композитор.
ХРИМЯН Айрик — церковный и политический деятель.
ЧАРЕНЦ (Согомонян) Егише — поэт.
ЧОБАНЯН Аршак — писатель, общественный деятель.
ШАИН Эдгар — французский художник.
ШАНТ Левон — писатель.
ШАУМЯН Степан — революционер.
ШИРВАНЗАДЕ Александр — писатель.
ЯКУЛОВ Георгий — художник, сценограф.

Борис
ГРИНБЕРГ

Где бы сны и мечты не носили,
Суждено мне до судного дня
Жаждать светлого неба России.
Эта жажда вспоила меня.
С несуразной страною взрос-
лею...
А, не дай бог, придется в бою —
Я до капли всю кровь иудея
На российскую землю пролью.

Это стихотворение мы перепечатываем из первой книги поэта Бориса ГРИНБЕРГА «Год дракона» (Новосибирск: Малое предприятие «П и Р». Издание осуществлено за счет средств составителя Афанасьева А. Тираж 5.000 экз.).

Борис — сибиряк, ему 29 лет, род занятий — издательское дело. Свой гонорар он просил передать армянс-0Ф01вой церкви, мы вы-
полнили эту просьбу. Вот и все, что нам известно об авторе. И еще то, что у стихотворения «Где бы сны и мечты не носили...» теперь на 1.000 читателей больше.

КТО КОГО НЕНАВИДИТ?

Список угрожающе обширен

Недавно американский «Таймс миррор сентр» опубликовал данные опроса, проведенного в двенадцати европейских странах, о ненависти на расовой и этнической почве. Опрос охватил 13 тысяч человек. Многие из них признались, что испытывают негативные чувства по отношению к проживающим среди них меньшинствам. Причем единственное явное различие заключалось в том, что восточноевропейцы не испытывают особого замешательства, высказывая отрицательное отношение к тем или иным национальным меньшинствам, в то время как жители Западной Европы, испытывая точно такие же чувства, начинают свой ответ со слов: «Я, конечно, не расист, но...»

Результаты исследования «Таймс миррор сентр», изложенные здесь благодаря израильской газете «Время», английской «Юропиэн» и петербургской «Народ мой», могут быть сведены в следующий список.

Число лиц (в процентах), которые недолюбливают проживающих рядом с ними представителей этнических меньшинств:

Польша: немцев — 45, украинцев — 41, евреев — 34, белорусов — 19, литовцев — 18.

Германия: цыган — 59, поляков — 50, турок — 46, румын — 44, выходцев из СССР — 31, евреев — 24.

Венгрия: цыган — 79, венгров из Румынии — 40, румын — 30, евреев — 11.

Чехословакия: цыган — 91, венгров — 49, евреев — 20, немцев — 20.

Болгария: цыган — 71, турок — 39, арабов — 36, болгар-мусульман — 21.

Россия: азербайджанцев — 47, армян — 46, грузин — 46, среднеазиатов — 37, евреев — 26.

Украина: азербайджанцев — 42, армян — 39, грузин — 31, среднеазиатов — 29, евреев — 22.

Литва: поляков — 30, русских — 21, белоруссов — 14, евреев — 10.

Испания: цыган — 50, басков — 26, каталонцев — 22.

Франция: североафриканцев — 42, басков — 15, евреев — 14.

И.В.

(Перепечатано с сокращениями из «Независимой газеты» 11.1.92)

Я «ЧЕРНАЯ», ГОСПОДА ТАКСИСТЫ...

То есть абсолютно. Причем тип универсальный — могу с одинаковым успехом сойти за азербайджанку, еврейку, армянку, цыганку, грузинку, болгарку, югославку, гречанку, испанку, арабку, итальянку — их еще много, «черных».

Как каждому удобно в конкретный исторический момент, так и воспринимает. Помню, в разгар карабахского конфликта таксист меня вез-вез из Беляева на Комсомольский, а потом под мостом на Воробьевых горах вдруг остановил машину и спокойно так: «Выходи». Ощущение не из приятных в два ночи, но хозяин-то он. Говорю: «Деньги хоть возьми». Он: «Иди и молись своему Богу, что живой отпустил». — «А за что меня?..» — не понимаю. «За глаза твои армянские». Он, оказывается, азербайджанец.

На днях, уже после убийства таксиста, старушка в метро с ненавистью уставилась на одного моего знакомого и на весь вагон запричитала: «Понаехало вас тут, «черных». У-у, убийцы». Он мне рассказывает и с некоторой растерянностью полуспрашивыает: «Представляешь себе нелепость, если бы я открыл рот и начал оправдываться, что я еврей...»

Мой десятилетний сын тоже небезучастен к происходящему. Кстати, «черный» на все сто процентов, только на лице не написано. По дороге в школу громко мне шепчет: «Ты этого «черного» видела? Армян, наверное. Раз армян, то пусть и едет к себе в Армению». Я ему: «А со мной как же быть? Я же тоже армян, как ты выражаешься». «Да-а-а?! — изумлен. — Значит, и ты в Армению». «А с тобой, говорю, как же? Ты-то вообще болгарин». Задумался.

Сажусь вчера в такси. Парень замечательный, общительный, улыбчивый. Поговорили о развале Союза, перешли к кавказскому узлу — Грузия, Армения. Я ему рассказываю, что душа болит и за тех, и за других — родная кровь. Он мне так в лицо заглянул: «А-а-а, вы из этих? Так я же вас везти не должен». Довез, правда.

Скажите, господа таксисты, вы когда всех «черных» требуете вон, серьезно полагаете, что у убийцы есть националь-

ность? Он что, убийца потому, что «черный», или «черный» потому, что убийца? Вы не знаете, что нас, вас, — в машине, на улицах, в подъездах — убивают подонки всех мастей?

Или в «черных» раздражает, что, как правило, сытые, одетые и при деньгах? Водится за многими из них, но это их проблемы. Ваша — из них деньгу выкачать. И ведь не брезгуете. А они платят. Четвертной за пять минут езды не всякий «белый» заплатит. «Черные» платят. Может, раздражает, что рынки ими забиты, цены взвинчивают? Так нормально по нашей жизни: они крадут у вас и у нас, вы крадете у них и у нас.

Вы же свою обдираловку для себя в закон возвели и моральный базис под него подвели — жизнь тяжелая. Тогда оставьте и за клиентом право жить каждому по своим законам. У одного закон: договорился — плати, у другого: договорился, но не плати, у третьего: договорился , а потом ножом. Не по-человечески? Согласна.

Все просто, господа таксисты. Или все живем по человеческим законам, или все по ним не живем, каждый в меру собственной испорченности. А цвет тут уж вовсе не при чем. При таком раскладе единственный гарантированный — красный, потому как цвет крови у вас, «белых», и у меня, «черной», одинаковый.

Наталия ГЕВОРКЯН
«Московские новости», 17.XII.91

ВРЕМЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

В Армении проживает небольшое количество евреев, порядка тысячи человек. Подавляющее большинство из них — люди, приехавшие из Украины или России в первом-втором поколении. Они проживают разрозненно в Ереване и не имеют какого-либо центра, где они могли бы собраться, обсудить волнующие их проблемы, получить необходимую информацию, изучать иврит, историю и еврейскую традицию. Но, несмотря на разрозненность, евреи в Армении сумели организовать изучение иврита, истории, религии — еще в 1979 году, когда преследования за верность национальным идеалам были широко распространены. Можно сказать, что тогда возникла первая еврейская община в Армении. В начале 80-х годов евреи собирались главным образом на квартире семьи Поланкеров, где действовала библиотека, проводились семинары, встречи с гостями из США. Однажды в 1984 году среди гостей оказался еврейский музыкальный ансамбль, солистка ансамбля Розелайн Джиру произвела тогда неизгладимое впечатление на ереванских евреев.

В 1987 году, после отъезда семьи Поланкеров в Израиль, центр переместился в квартиру Ларисы Гениной и Рины Зас-

лавской. В городе справляли еврейские праздники, ежегодно ставился Пурим шпиль, стали соблюдать шабат. Были евреи, начавшие в трудных условиях Армении соблюдать кашрут.

В конце 80-х гг. число евреев, возвращающихся к национальным ценностям своего народа, стало лавинообразно расти. В СССР возникло множество организаций, призванных возвратить евреям Советского Союза еврейский язык, музыку, литературу, историю и мироощущение. В Ереване тогда не возникло еврейских организаций, но работали преподаватели различных еврейских орaганизаций, базирующихся в Москве и за рубежом. С 1989 года в Армении началось массовое изучение иврита. Преподавание велось членами Союза преподавателей иврита в СССР Риной Заславской, Борисом Шерманом, Лорой Глик, Раисой Розенцвейг и мною. На этих курсах за два года обучилось не менее 250 человек. Лучшие ученики сами становились преподавателями, их приглашали на семинары в Москву, а с 1990 года, когда начались поездки и в Израиль, я прошел отбор и представлял еврейство Армении во всесоюзной делегации учителей иврита, которая обучалась в Институте Гринберга в Иерусалиме. В этом году наши лучшие ученики приняли участие в семинарах по ивриту в Ленинграде, Вильнюсе, Воронеже, и уровень их подготовки всегда оказывался достаточно высоким. Мы связаны с рядом еврейских организаций: ВААД, Бнай Брит, Бней Акива, кафедрой гебраистики Академии Мировых Цивилизаций (Москва). Сейчас время организаций.

В 1990 году был создан Центр армяно-еврейских связей АРЕВ. Нельзя не отметить вошедшего в этот центр Армана Акопяна, — в настоящее время он создает вместе с Игорем Барсеговым кабинет гебраистики в Ереванском государственном университете. В этом году в Ереване появились еврейские организации: общество «Шолом» и Еврейский Культурный Центр «Тхия». При ЕКЦ «Тхия» открыта первая в Армении еврейская воскресная школа. Возникновение организаций отражает стремление евреев Армении к открытому выражению своих национальных интересов и чаяний. Организации должны помочь нам в преодолении разрозненности и придать нашей национальной жизни в республике более интенсивный характер.

Александр СТОЛЬБЕРГ
«Тхия» (г.Ереван). 1991, № 1
(ноябрь)

ПО ЕВРЕЙСКОМУ

Характерная ошибка тех, кто пишет на «еврейские темы», зачастую сводится к одному из двух: защита евреев или их осуждение. Между тем проблема гораздо шире: как отзывается антисемитизм на тех народах, среди которых живут евреи. Особенно нельзя замыкаться в свою «скорлупу» евреям. Как бы им ни было самим тяжело, но непозволительно не видеть, что несет антисемитизм неевреям. Иначе будет закономерен упрек в эгоизме.

Антисемитизм — тяжелая социальная болезнь, которой страдают неевреи. О них должна быть первая забота. В России эта болезнь насчитывает несколько веков. Ею бывали поражены и люди весьма достойные, есть тут и великие писатели. Это неправильно осуждать, так как больной не виноват, что был инфицирован, но это неправильно и возвеличивать, как делают некоторые, добросовестно считающие себя патриотами.

«Урок еврейского» состоит прежде всего в том, что нация, заболевшая антисемитизмом, катится к катастрофе. Ярчайший пример — Германия при нацистах. Вот почему борьба с антисемитизмом нужна в первую очередь не евреям, а неевреям. Зараженный антисемитизмом — как больной нравственным спидом. Это человек, способный на самые аморальные поступки. Он вообще в общественных вопросах теряет способность элементарно здраво рассуждать.

11 декабря (1991) по радиостанции «Свобода» передали интервью с одним из талантливых тележурналистов. Он искренне убежден, что антисемитизм — выдумка самих евреев. Он им нужен для того, чтобы творить пакости и уходить от ответа, квалифицируя любую критику как антисемитизм. Источник информации здесь

можно установить: это статья члена-корреспондента АН СССР, который пришел к выводу, что никто и нигде не объяснил, что такое антисемитизм. Это, согласно ученому мнению, просто жупел для травли тех, кто разоблачает проделки евреев.

Хорошо известны общественные организации, писательские ассоциации, литературно-художественные (и не только) журналы, в основу деятельности которых положена «борьба с сионизмом» (фактически — травля евреев). Сколько достойных людей запачкались участием в ней, причем так, что не отмыться. Но это совсем не значит, что сионизм нельзя, не нужно критиковать. Ударившись в другую крайность, некоторые прогрессивные издания (например, журнал «Новое время») пытаются представить сионизм в «светлых тонах». К сожалению, грешит этим и «Независимая газета». Что это за «урок еврейского», когда рекомендуется евреям изучать иврит, «еврейскую культуру», причем тем из них, кто живет в России. Наша родина не «постоялый двор», не пересадочная станция на пути в Израиль. Человек по рождению безнационален. И совершенно естественно, что в России молодежь надо воспитывать в русском духе. Надо показывать — какая ни была бы фамилия гражданина государства, — что он русский, тем более если его родители пролили кровь за священную русскую землю. Я не верю сионистским выдумкам о «мировой еврейской нации». Вот почему «урок еврейского», данный газетой, надо оценить «двойкой».

И еще. Современное государство Израиль — большое зло не только для арабов, но в первую очередь для евреев. Своей политикой оно растлевает живущих там евреев (политикой притеснения арабов). А главное, своим существованием и политикой оно бросает тень на евреев, живущих в других странах. Если в колониях до войны не было враждебного настроения против евреев, то с появлением Израиля волна антисемитизма стала захватывать и «третий мир». В Израиле живет 1/5 евреев мира, а 4/5 приходится на них отвечать. Поэтому я хотел бы сказать евреям: хотите бросить родину — поезжайте куда угодно, только не в Израиль.

Последнее. По-моему, бесцеремонные выходки евреев должны встречать отпор прежде всего в их же среде. Как безобразно вели себя хасиды в Ленинской библиотеке! Это было запечатлено телевидением. Можно привести немало аналогичных случаев. Им что: попаясничали — и в Израиль или в США. Живущие в России, на мой взгляд, должны привести в чувство людей, которые не понимают, что действуют как провокаторы.

А.М.ПИКМАН
г.Москва
(«Независимая газета». 9.1.92)

Марк ИБШМАН — потомок древнего рода раввинов Лихтенштеинов из г.Тукумса (Латвия). Родился в 1949 г. в Москве, окончил художественно-графич еский факультет Московского государственного педагогического института. С 1979 г. участвует в профессиональных выставках. Автор живописных и графических работ, много занимался еврейской каллиграфией, журнальной, книжной и плакатной графикой. Он — автор обложки «Ноя».

Неоспоримо, что Тора (Пятикнижие) явлется одним из основных духовных сокровищ нашей цивилизации, ее этическим и онтологическим фундаментом. Сотворение мира, постоянное взаимодействие Б-га и человека, кары и воздаяния, избрание и отвержение, и, наконец, Декалог (Десять заповедей) — основа морали нашего мира.

Парадоксально, что при этом Тора не имеет до сих пор адекватного ее сущности живописного отображения. Всемирно известные работы на темы Торы Микеланджело, Дюрера, Рембрандта трактуют едва ли доступные нашему разуму образы столь натуралистично, потусторонне, что в плане теологическом они могут восприниматься едва ли не как вид кощунства (что не умаляет гениальности названных художников).

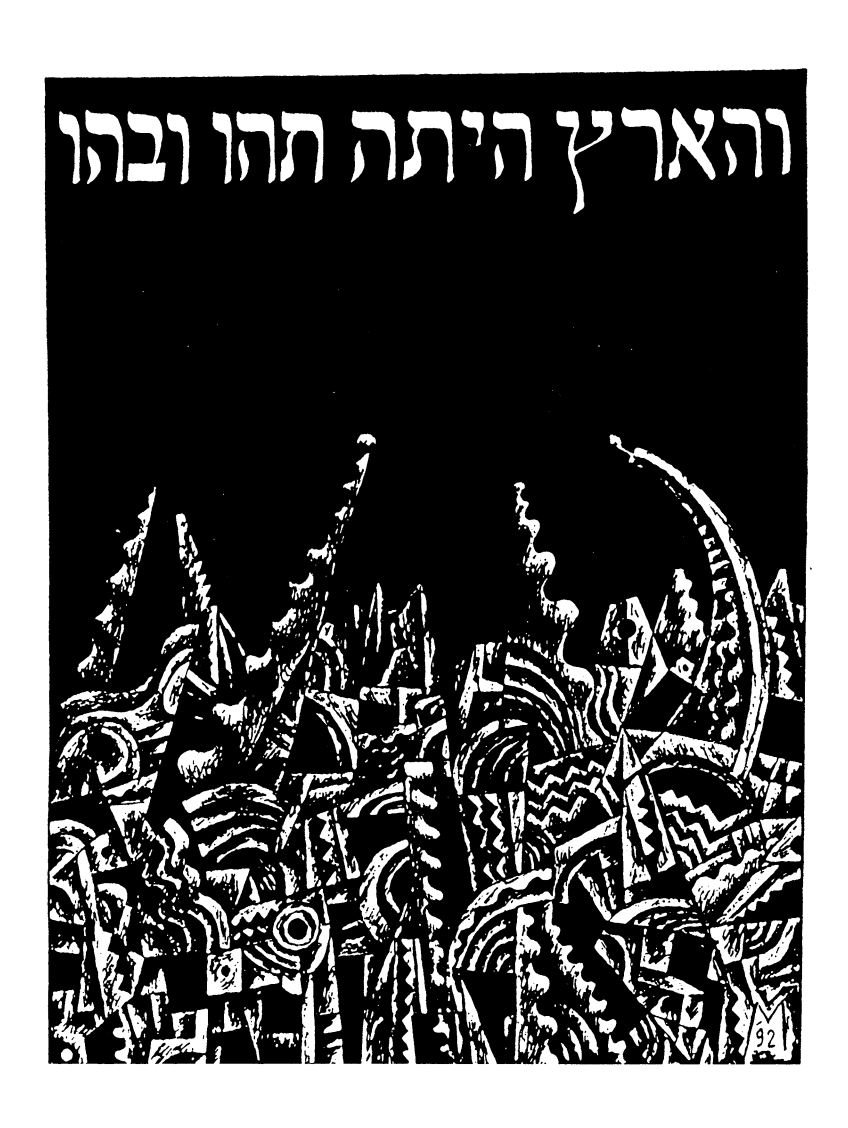
Полтора десятилетия размышлений, художественных экспериментов, медитаций на темы Торы привели меня к выводу: Тора представляет собою некую духовную реальность, столь удаленную от нашей повседневности, что образы этой повседневности не пригодны для изображения событий и персонажей Торы. Мои поиски принесли некие результаты, я сконструировал пока еще небогатый, но все-таки язык для изображения этих дорогих для меня тем, и выполнил на этом »языке» большой цикл живописных работ на темы первой книги Торы — Сефер Берешит (Книга Бытия).

Образы Торы я вижу как слайды на некоем внутреннем экране, в очень интенсивном колорите. Предлагаемые здесь графические их версии неизбежно упростили и обеднили свои живописные аналоги. И последнее: данные интерпретации субъективны, основаны на моей личной интуиции и не восходят к ортодоксии какой-либо конфессии.

Марк ИБШМАН

«БЕРЕШИТ» («В начале») 1-ое слово Торы

«Земля же была пуста и нестройна» (Берешит, 1:2)

«Эц Гадаат» («дерево познания») (Берешит, 1:17)

«И сотворил Бог человека» (Берешит, 1:27)

«И умер Адам»

«Вавилонская башня («Мигдаль Бавель»)

Паруйр СЕВАК

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

История литературы подобна горной гряде: чем дальше отходишь от холмов и гор, тем меньше становятся они. Таков оптический закон. Он распространяется на все явления обычного порядка, необычное же встречается очень редко и даже не всегда выпадает на долю каждого народа.

Мы армяне, можем себя считать счастливыми, ибо мы имеем одно такое необычное явление, имя ему — Григор Нарекаци.

Его нельзя сравнить даже с Араратом, который тоже уменьшается на расстоянии и изменяется в зависимости от того, под каким углом зрения смотришь на него.

Он подобен горизонту: чем дальше отходишь от него, тем ближе он подходит, и чем ближе подходишь к нему, тем дальше отходит он, никогда не уменьшаясь, оставаясь всегда недосягаемым, недоступным и необыкновенным. Поэтому наше чувство к нему мы может выразить его же словами, обращенными к Богу: «Стремлюсь, но не постигаю» (Книга скорбных песнопений. гл. 28, § 2). Поэтому вот уже более тысячи лет он остается для нас, его почитателей, таким, каким был для него предмет его поклонения: «Недоступно далеким и неразделимо близким« (гл. 23, § 1).

Сказать, что он — наш первый великий поэт, значит ничего не сказать. Прошло более 1000 лет со дня его рождения, за это время наш народ дал по меньшей мере два десятка крупных поэтов, но и сегодня величайшим из всех них остается Григор Нарекаци.

x x x

Григор Нарекаци родился, вероятно в 40-х годах X века, умер после 1003 года. Сын Хосрова — епископа Андзеваци и дочери брата Анании Нарекаци, он вместе с двумя братьями рос в Нарекском монастыре области Рштуник, «вскормленный и воспитанный в святости и мудрости у стоп вардапета[1] Анании», которого историк Асохик считает «великим любомудром», а историк Ухтанес — «вселенским учителем».

Из памятной записи к «Книге Скорбных песпопений» известно, что Григор в монастыре был рукоположен в священники, а 71-я глава поэмы свидетельствует, что его звали также варжапетом (главою ученых) и вардапетом, и что еще при жизни он был удостоен эпитетов не только «праведник», но и «святой».

Нарекский монастырь был одной из самых знаменитых пустыней того века «со множеством светозарно-благочестивых музыкантов и знатоков книжности» (Асохик). Среди них и вырос, прожил всю свою жизнь, там скончался и был похоронен один из этих «светозарно-благочестивых» членов братии, благодаря имени которого Нарекский монастырь, обогнав своим значением все нашии другие святые места, сравнялся с первейшим из первых — Ошаканом[2].

x x x

X век справедливо считается мирным веком. Но в то же время, это — век величайших смут. С одной стороны невиданное до той поры бурление и накал религиозного фанатизма; повсеместное распространение монастырей-пустыней, отшельнических келий и пещер; стремление к умерщвлению плоти; гром проклятий и грохот анафем. С другой — грозное вероотступничество тондракийцев[3] и борьба против церковных обрядов, громогласное требование восстановления человеческих прав, его естественных потребностей и даже оправдание жажды плотских наслаждений; появление ростков светского мышления, подобных растущему кусту, чьи корни в конце концов рассекают купол и разрушают самые несокрушимые стены. На одном полюсе аскетический устав Василия Святого: «Не вкушать нигде, кроме как за общим столом, даже фруктов, даже свежей зелени». На другом — светское роскошество Арцна и Ани.

Это был век, говоря словами самого Нарекаци, «противоборства идей». Век крайностей. А крайности, как известно, сходятся. и именно в точке их пересечения вырастает из земли и устремляется ввысь, как великолепный гигантский хачкар[4] сходящихся и расходящихся рубежей, богоподобный образ Григора Нарекаци.

x x x

Как свидетельствуют Четьи-Минеи, «этого учителя истины называли еретиком и раскольником». Это может быть более, чем достоверным; во всяком случае известно, что родной отец Нарекаци был предан анафеме тогдашним католикосом[5], как раскольник. В этом же обвиняли и его двоюродного деда по матери, Ананию Нарекаци, который, по собственному признанию, «в состоянии, близком к смерти, не добровольно, а выполняя повеление католикоса, проклял тондракийцев». Но если б и не было этих фактов,

по одним лишь тагам[6] его легко можно было бы заподозрить в симпатиях к ереси.

Всякая догматика, обретя силу закона и тем самым освятившись, во все времена, а тем более в средние века питала ненависть и к новому, и к тем, кто несет это новое. А Нарекаци был (говоря современным языком) новатором до мозга костей и личностью необычайной. Новатором во всем: в языке, где к наисложнейшему грабару[7] он примешивал мышление ашхарабара[8] в форме, которая впервые вобрала в себя меру и вес, рифму и аналогию; в использовании устного народного творчества, той «поэзии плачей», которую официальная идеология считала преступным и порочным.

Таги, принадлежащие перу Нарекаци, являлись продолжением духовных песнопений-шараканов, хотя по сути своей противоречили им, Нарекаци выдвинул против канонов шараканов свою свободу, против их застывших символов — свои живые образы, против их метафизики — свое поклонение природе, против их созидательной зависимости — свою поэтическую независимость.

Холодным и однообразным был свет шараканов, а воспеваемая ими Дева — без крови и плоти, скорее символ, нежели живое существо. «Преизящный» и «гладкольющийся» свет Нарекаци — горяч, он будто сжигает, краски его — ощутимо ярки, багряны, они живописуют.

Для человека, отрицающего мир, такое восхваление природы недопустимо, это почти «ересь». И среди живой природы — живая Дева, не отвлеченный символ, даже не просто женщина, а воплощение самой земной красоты:

...Очи — моря...
Рот — два лепестка, с уст каплют розы,
Сияющее лоно полно красных роз.

Это — описание не матери Благодатного, а скорее — невесты из «Песни песней», Соломоновой Суламифи. А разве недостаточно было подобного описания святой девы, чтобы счесть Григора Нарекаци еретиком?!

x x x

Если бы Нарекаци написал лишь несколько тагов, и этого достаточно было, чтоб признать его самым великим нашим поэтом. Но он создал еще свою «Книгу скорбных песнопений», ставшую Ахтамарским монастырем нашей поэзии, с той лишь разницей, что «Книга» воистину несокрушима.

У литературных произведений тоже бывает своя судьба. Судьба творения Григора Нарекаци столь же неординарна, сколь сущность ее и поэтические средства, которыми создана она.

Автор называет свое сочинение не только «стихотворчеством» (т.е. поэзией, но и «песней», «мелодией» и даже «рифмованием»),

однако, «Книга» стала признаваться таковой лишь в более позднее время.

Будучи наиболее часто публикуемой у нас, самой распространенной из всей нашей древней литературы, называясь зачастую коротко «Нареком», эта, не имеющая себе равных, книга с необычной судьбой не столько читалась, сколько лобызалась, ее чаще возлагали не на полку или на подставку, а на чело или под подушку больного, ее не столько понимали, сколько чувствовали, не так ценили, как поклонялись ей.

И удивительно, что сам Нарекаци предсказал это в начальных строках своей поэмы:

Исцели души тех, кто читает ее с сердцем чистым,
И очисть их от преступлений,
Освободи от долгов и избавь от уз грехов...
Коли кто-нибудь будет одержим смертельно опасным пороком души,
Да обретет он спасение в надежде на жизнь. (гл. 3, § 3)

Предсказание Нарекаци сбылось. И если во все времена народы в знак благодарности дарили своим великим поэтам бессмертие, то народ армянский обессмертил своего гиганта столь же необычно, сколь необычен был сам гигант: на протяжении долгих веков книга его считалась чудом, и века доказали, что она — действительно чудо...

х х х

«Книга» Нарекаци — и по сей день самое крупное поэтическое произведение в нашей литературе. И для определения ее стихийной мощи в ее родной природе нет аналогов: для сравнения не годятся ни озеро Ван, ни Севан, нужно море, которого у нас не было. А если оно есть — то это именно «Книга скорбных песнопений»

Но, как известно, даже у моря есть берега. И эта широко разлившаяся и бурлящая, словно море, «Книга» Нарекаци тоже имеет свои берега, их можно очертить всего тремя словами: «грешен — гибну — помилуй».

Книга, насчитывающая более 8500 строк, к которой не подходит слово «шаблон», как не подходит крест дьяволу, книга, состоящая из 95 глав, написана не иначе, как по этому простому трехчастному канону: «я согрешил — погибаю — спаси». И нельзя не удивляться, видя, как в каждой главе совершенно по-новому говорится все о том же: 95 помноженное на 3, и полученное произведение помноженное на... бесконечность... Оправдано преувеличение, будто в Ани была тысяча и одна церковь. Будет непростительным преуменьшением, если мы скажем, что Нарекаци в своей «Книга» возвел всего 1000 и 1 «церковь», которыми являются его приложения, эпитеты, метафоры, олицетворения, перифразы.

Я — книга живая,
В коей собраны,

Внутри и снаружи,
Плач, горе и стоны (гл. 39, § 2).

Эта «жизненность» дивноужасна: поэт будто дышит не легкими, а кратерами клокочущего вулкана. Читатель вынужден поневоле приноравливать к нему свое дыхание, но вскоре по мышечной боли своих легких чувствует, что это невозможно и начинает задыхаться. Минутная пауза, кратковременное молчание, — но лишь затем, чтобы тотчас же воскликнуть: «Внемли... молчанию сердца моего!» (гл. 53, § 3). А это молчание, по собственному его признанию, не что иное, как «громкий глас протяжный».

«Грешен — гибну — помилуй».

Говоря о своем прегрешении и погибели, он как бы выдыхает раскаленный свинец: на что бы ни падали слова из огненной лавы — они оставляют рубцы от ожогов и чад.

А прося о сострадании и моля о милосердии, он как бы вдыхает бурю и выдыхает ураган, вбирая сперва все и перевоплощая в образы и метафоры и эпитеты, а затем воссылая их в обиталище Справедливого — в небеса.

Первым характеризующим его определением следует считать слово богоищущий. Но ищет и исследует Нарекаци Бога не просто из любви к Богу, а во имя Человека. Посему он — один из немногих на свете, которого можно назвать человвековедом. Он — наш первый писатель, поставивший в центре внимания человека, воспевший его. Поэтому и пишет он с большой буквы не только слово Бог, но и Человек, Некто.

Ни в одной книге, написанной месроповскими[9] письменами, человек внутренне так не обнажался, как здесь. Согласно христианским верованиям, в день Страшного Суда человеческое естество выворачивается наизнанку: тело становится исподом, а душа — верхом. В «Нареке» так вывернут наизнанку не только Человек, которым является сам Нарекаци, но и Некто, которым может быть любой из наделенных речью.

Благодаря великому англичанину, родившемуся шестью столетиями позже него, устами Гамлета миру был подарен чудесный гимн во хвалу человека. Но и самого Шекспира восхитили бы слова его великого предшественника:

И вот был ты воздвигнут,
По образу ангела,
На паре сопряженных ног,
Передвигающихся и таинственных;
(Снабдили тебя) распрямленными,
Как для полета,
Мышцами двух ввысь увлекающих крыл,
Чтобы оглядеть страну отчую...
Словно лучеметный пламень, была водружена
На подсвечнике тела округлая голова твоя,
Чтобы тем самым ты не был отчужден

От благости образа, узрел бы ты Бога
И стал рассуждать о непроходящем.
Благодаря разуму ты вдвое стал лучше,
Чтобы вольною речью поведать
О присущем тебе благолепии.
Из-за рук, снабженных порослью пальцев гибких,
Чтобы управлять делами житейскими,
По родству, как споспешник всещедрой десницы Божьей,
Ты Богом был назван.
Связанный тремястами шестьдесятью сочленениями,
Ты совокупил в одно целое в нужном количестве
Пять орудий чувств,
Чтобы видимая твоя внешность вещественная
Не осталась неисследованной разумом твоим...
(гл.46, § 2)

Человек для Нарекаци — «сотворенный образ Божий (гл.46, § 3), посему и следуя вместе с Богом «на мольбою проникнутое судилище», он исследует на тысячу ладов один и тот же вопрос:

(Можешь ли)... опорочить
Благородное вещество твоего могущества...,
Не сохранив прекрасного украшения —
Сияющего венца твоего?» (гл. 2, § 3),
коим является Человек и только Человек.

x x x

Нарекаци называл свою книгу на множество ладов, но общепринятый заголовок поэмы — «Книга скорбных песнопений». Эти «скорбные песнопения» на его языке означают плачевоспевание, календаре горесказание. Но книга по сути является «скорбным песнопением» («трагедией») в современном понимании слова. И он же дает сотни определений этой трагедии. Вспомним одно из них:

Равно к погибели ведут
Исступленное покаяние,
Как и необузданное грешение. (гл. 10, § 1)

Трагедия Нарекаци именно в том, что сам он сколь «необузданно грешит» — столь «исступленно кается», а, «исступленно каясь», «необузданно грешит», тем самым давая новый повод к покаянию. Потому он, согрешая или раскаиваясь, всегда чувствует себя «равно к погибели» влекомым — ужасное состояние, в котором из четырех арифметических действий он подвластен лишь двум — сложению и умножению, но столь не нуждается в остальных двух — вычитании и делении.

Это вечно бурлящее, но никогда не переходящее в штиль, постоянно кипящее, но не превращающееся в сплав состояние и есть естественное состояние Нарекаци.

Причина в том, что Нарекаци, высоко ценя малое, сам в то же время не только не двольствуется малым, но стремится к самому большому. Он стремится связаться с Богом «не узлом надежды... но узами любви» (гл. 12, § 1), иными словами — не только быть прощенным, но приобщиться к Отцу, или, что одно и то же — к его Сыну. Обращаясь к «святой деснице» Иисуса, он не столько просит, сколько требует: «Обитай во мне, соединись со мной!»

Среди всех известных нам великих, он меньше всех и наименее подвержен старению, ибо он певец нетленного — души. И в этой области нет ему ни четы, ни соперника не только в его время и не только среди его соплеменников. Богоотрицание бродит по миру, не веруют больше ни в грех, ни в искупление, ни в ангелов, ни в черта, но человек остается человеком со всеми его внутренними противоречиями и бесконечным стремлением к совершенству, он был — есть — будет полем той грозной битвы, которая называется самопознание. Поэтому Нарекаци с его вечной борьбой близок и понятен нам, современникам.

Будучи поэтом противоречий и противоборства, Нарекаци естественно, является не только мастером антитез (а, следовательно, и соответствующих метафор и эпитетов), но и гением их.

Вместо обычных глаз он будто вооружен двурогой подзорной трубой, с помощью которой объект наблюдения, когда смотришь с одного конца — увеличивается и приближается, а с противоположного конца — отдаляется и концентрируется.

А где воображение, там и преувеличение. И у Нарекаци, самовластного владыки и полномочного распорядителя поэтических гипербол, душа подобна вогнутому зеркалу: линза собирает самые отдаленные и разрозненные лучи и, объединяя, концентрирует их в фокусе.

Именно так воды морские превращаются в чернила, бескрайние просторы полей — в бумагу, леса — в перья. И все же они не в состоянии выразить то, что хотел сказать поэт.

Точно так же и четыре бурные и полноводные реки, омывающие Эдем и землю, заливают глаза поэта, но опять-таки не могут погасить пламя их. И он не просто оплакивает горе свое одной лишь парою глаз, а «дарует в жертву каждый волос с головы своей».

Вот почему о его труде можно сказать то же, что говорит он о грехах своих:

Меру тяжести совершенных мною проступков
Можно определить лишь грудою песка:
В неисчислимых скоплениях (его) меньше (песчинок),
Нежели запасов неправедных моих дел (гл. 6, § 2)

Тот, кто целое тысячелетие был «певцом греха и красоты в каждом доме армянском» (Г.Сrвандзтян), сегодня стал не только лириком для каждого из нас лично, но и просто величайшей личностью. За три века до Данте он трижды поместил единую душу человеческую в 95 «кругов» ада, становясь и оставаясь «творцом и благодетелем»:

Не только образ творишь, но искупаешь грехи...
Не только живописуешь, но и всемогущ...
Не только заботлив и... сострадателен, но и тайноведец ты...
И упованье ты... (гл. 49, § 2)

x x x

Нарекаци дал своему шедевру много характеристик, в числе которых также и «Книга молений» (см. «Молитвенная книга», гл. 2, § 2).

Он обращался к Тому, Кого зовут Единственным, с тысячей и одной мольбой. И из этих молений лишь одно, причем — наиважнейшее, действительно сбылось: «Книгу сию утверди, как памятник вечный», — обращался он к Богу.

Пусть пребудет она всегда пред Тобою...
Пусть рассказана будет ушам всех племен
И проповедуется во всеуслышание народам...
И, хотя, как смертный, приму я кончину,
Однако вечностью писания этого
Пребуду живым и я...
Книга сия голосом моим, будто это я,
Пусть вопит вместо меня,
Распространяет сокрытое,
Разглашает тайное...
И душа моя зазеленеет вновь
И снова расцветет, как гласит
Внушающее надежду (слово)
Вдохновленного Тобою писания... (гл. 88, §§ 2,3)Нам не остается ничего иного, как сказать всенародно:

И стало так!

[1]Вардапет — архимандрит, учитель в древнеармянском языке.
[2]Ошакан — поселок близ Еревана, где похоронен создатель армянской письменности Месроп Маштоц.
[3]Тондракийцы — армянские еретики.
[4]Хачкар — крест-камень, украшенный ажурной резьбой.
[5]Католикос — патриарх.
[6]Таг — песня, песнопение.
[7]Грабар — древнеармянский язык.
[8]Ашхарабар — среднеармянский язык, сменивший уже к XI-XII вв. ставшим малопонятным грабар.
[9]Месроповскими письменами называют армянский алфавит по имени его создателя Месропа Маштоца.

Паруйр СЕВАК (Паруйр Рафаэлович Казарян), 1924-1971. Армянский поэт, литературовед, переводчик. Автор сборников стихов «Бессмертные повелевают» (1948), «Дорога любви» (1954), «Снова с тобой» (1957), «Человек на ладони» (1963), «Да будет свет» (1969), поэмы о Комитасе «Несмолкающая колокольня» (1969). Погиб 17 июня 1971 г. в автомобильной катастрофе. Ему было 47 лет.

«Позже, уже после гибели Севака, я его вспомнил, перечитывая знаменитые слова Николеньки в «Детстве» Льва Толстого: «Мне кажется, что в одной улыбке состоит то, что называют красотою лица: если улыбка прибавляет прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если она портит его, то оно дурно».

Севак улыбался — и его черное, выжженное солнцем лицо (толстые губы, некрасивый большой рот) преображалось. Будучи некрасив, Севак был красив. Я не знал другого такого обаятельного человека. Ему всегда радовались, с ним искали встреч...» (Левон МКРТЧЯН. Родное и близкое. М.1978, с.214-215).

ОТ РЕДАКТОРА. Не помню, кто дал мне эту статью Паруйра Севака — несколько лет назад в Ереване, в редакции журнала, где ее почему-то не стали печатать. Не знаю, написал П.Севак статью по-русски или ее кто-то перевел. Поэтому заранее прошу простить, что не указан переводчик. Гонорар за статью редакция передала армянской церкви св.Воскресения в Москве, для нуждающихся — В.В.

Месроп Маштоц совершил еще один подвиг — перевел на армянский язык Библию. Сразу после этого великого деяния в Армении стали отмечать Таргманчац тон — Праздник переводчика.
Праздник «Наших святых переводчиков» отмечается по скользящему летоисчислению и приходится на дни с 11 июня по 16 июля всегда в четверг — день встречи Маштоца и католикоса Саака на берегу реки Рах, когда Маштоц, создав армянский алфавит, приближался к Вагаршапату, а Саак вышел ему навстречу.
Пусть же и в нашем вестнике будет Праздник переводчика. В этом номере — для Владимира МИКУШЕВИЧА и Виктора САНОВИЧА. И для всех нас, читателей.

Григорий НАРЕКАЦИ
КНИГА СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ

Глава I

Слово из глубины души ко Всевышнему

Скорбного сердца стон, вопль жалобы моей,
К Тебе, Всеведущий, в мольбе возношу;
В пламень отчаянья, палящего душу мне,
Плоды вожделений моих ввергаю, верный Тебе:
Родительница грехов, кадильница — воля моя.
Не лучше ли, Господи, уничиженье мое,
Чем всесожженье, благоуханный, жертвенный дым?
Служенье мое в сопряженье моих словес
Милостиво прими, не казни меня;
Тучный мой грех готова сжечь моя речь,
Вечно дымясь, томясь, к Тебе стремясь
Из глубины, где мысли мои погребены, —
Слово мое, мой жертвенный жар, мой дар.
И когда я начну с Тобой тяжбу мою с мольбой,
Не сочти ее дерзостной, суетной как дань,
Как нечестивую длань Израиля, тянущегося к Тебе,
О чем Исайя, мир потрясая, вопиет,

Или как вину Вавилона, как сам Вавилон,
Чей урон возвещен псалтырем,
Но мольбу мою милостиво прими,
Как ладан, угодный Тебе
В скинии святой,
Которую царь Давид воздвиг, обновив,
Восстановив кивот завета в бою;
Так бы Тебя обрести, так спасти бы душу мою.

x x x

Но так как суд страшит всех тех, кто грешит
И в долине мщенья нет прощенья грехам,
Твой грозный глас потряс меня в скорбный час,
И мне на горе в раздоре страсти мои,
Распря душу крушит, расправу вершит;
Мечутся мысли, мечами вооружась;
Друг друга кляня, клинками бьются добро и зло,
И смерть пленяет меня,
Как будто не для меня Твоя благодать,
А с благодатью Твоей
Сравнив Моисеев закон,
Павел, который всем апостолам предпочтен,
Превознес Христову благодать.
Но если, Господи, близок Твой суд,
Как пророк предрек,
Если Кедрон или Иосафат
В теснине, где подсудимые все, как один,
Ныне являют грядущую вечность мне,
Значит, готов снизойти ко мне Бог во плоти,
А перед ним я грехам своим обличен,
Ибо, пособний злейших зол, я превзошел
Едомитян, филистимлян, исчадье земли,
Которых смели удары кары Его.
Был приговор жесток, но был приговору срок,
Тогда как моя беда навсегда:
Я столько нагрешил, что себя надежды лишил.
Ужас, яма, петля,
Как предостерег пророк,
Стоит порог мне переступить, покарают меня,
Ибо себя обрек я на вечный стыд.
Всевышний, Недосягаемый, Ты один
Даруешь нам чудотворный бальзам;
Прибежище омраченных, удрученных душ,
Искупитель, Целитель, Спаситель, хвала Тебе!
Аминь!

Перевел Владимир МИКУШЕВИЧ

Акутагава РЮНОСКЭ

НЕЧТО О ВЫЖЖЕННЫХ ПОЛЯХ

Подозвав Дзесо, Керая — он не видел их прошлой ночью, так как они только что приехали
— вдруг встревожился и, продиктовав Донсю стихотворение, велел каждому прочесть его вслух:
В пути я занемог,
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным полям.

Из «Дневника Ханая».

Двенадцатый день десятой луны седьмого года Гэнроку, время заполдень.

Красное-красное солнце недолго горело в утреннем небе. Не припустила бы снова, как и вчера, нудная осенняя морось, — и осакские торговцы, едва пробудившись, устремляли взоры туда, к далеким черепичным кровлям, но к счастью дождь, от которого, трепеща листьями, влажным дымом дымятся ивовые ветки, дождь этот так и не начался, и хотя небо вскоре задернулось облаками, наступил тусклый безмятежно-тихий зимний день.

Даже вода реки, что течет нехотя между рядами купеческих лавок, сегодня в какой-то нерешимости притушила свой блеск, и плывущие по воде голубовато-опаловые очистки лука — но, может быть, это лишь дело воображения — уже не холодят взгляда. Больше того, толпы прохожих, идущие по ее берегам: и те, на ком круглая шапка монаха, и те, кто обут в кожаные таби воина — все, все движутся в какой-то задумчивой рассеянности, словно забыв

об этом мире, где бушует ветер предзимья, «обжигающий дерева». Бамбуковые шторы, встречное движение повозок, отдаленное звучание сямисэна в театре кукол — все с неприметной бережностью охраняет этот тусклый, безмятежно-тихий зимний день, с такой бережностью, что даже городская пыль не шелохнется на золоченых шишках мостовых перил...

А в это время во внутреннем покое дома Ханая Нидзаэмона, в переулке Минами-Кютаро, что напротив храма, в окруженьи учеников, собравшихся отовсюду, чтобы ухаживать за ним, на пятьдесят первом году своей земной жизни тихо умирал — «так угли хладеют под слоем пепла» — Мацуо Тосэй из «Банановой хижины», почтительно признанный всеми Великим мастером в искусстве «хайкай».

Который был час? Кажется, время приближалось уже к середине часа Обезьяны? В гостиной, слишком просторной, оттого что убраны были разделявшие ее фусума, прямыми струйками вверх поднимается дым благовонных курений, зажженных у изголовья; седзи, оклеенные новой бумагой — заграда на пути зимы между садом и домом — мрачно темнеют и дышат холодом, пронизывающим до костей. На постели, устроенной изголовьем к седзи, в печальной отрешенности лежит Басё, и вокруг него... Кто же находился вокруг него?

Ближе всех сидел Мокусэцу, врач. Просунув руку под ночную одежду больного, он с суеверным тщанием ловил биение далекого пульса и хмурил грустные брови. Позади Мокусэцу, сгорбившись, давно уже тихо молился, взывая к Будде, старик. Конечно же, это был Дзиробэй, старый слуга учителя. Он как раз сопровождал Басё в его последнем путешествии из Уэно в Осака.

Соседей Мокусэцу опять-таки узнал бы каждый. Вот раздувается от важности высокий, дородный Синси Кикаку, вот топорщит плечи, обтянутые темнокоричневой, мелкого узора тканью, осанистый, холодновато-величавый Керай — оба следят за состоянием учителя.

За спиной у Кикаку — Дзесо, похожий на монаха. С запястья у него свешиваются четки из священной смоковницы. Держится он прямо, с подобающей чинностью. Однако же занимающий место подле него юный Оссю — не в силах справиться со своим горем, оно переполняет его, и он то и дело шмыгает носом. Выпятив угрюмый подбородок и оправляя ветхие рукава монашеского платья, за ним наблюдает низенький Инэмбо. Он сидит напротив Мокусэцу, плечом к плечу со смуглолицым, вечно чем-нибудь раздраженным Сико.

С ним было еще несколько учеников. Молча, как будто вовсе не дыша, в беспредельной тоске перед скорой смертной разлукой с учителем, они, кто слева, кто справа, окружали его постель.

Но был между ними еще один. Он сидел на корточках в самом углу гостиной. Вдруг он упал ничком, простерся на циновке вплотную к ней, и из груди у него вырвалось рыданье. Неужели это был

Сэйсю?

Но даже рыданье не встретило здесь ничего, кроме холодного безмолвия. Ни единый голос не потревожил легкого аромата благовоний над изголовьем.

После того, как Басе хриплым от подступающего влажного кашля голосом невнятно выговорил свою последнюю волю, после этого он находился в каком-то обмороке и только недвижно смотрел перед собой полузакрытыми глазами. На лице в едва заметных рябинах проступили исхудавшие скулы. В запавших губах не было ни кровинки. Но самое жалкое были глаза. Излучая какой-то смутный свет, они напрасно глядели вдаль, словно бы только и томились, что по этим бескрайним холодным небесам над черепичными кровлями.

В пути я занемог,
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным полям.

Три дня назад он сложил эти предсмертные строки. В них был сумрак над выжженными ветрами, потерянными в безвестной дали полями без единого пятна лунного света, и может быть, сумрак этот сейчас проплывал в его туманящемся взгляде, в его видении...

— Воды!

Мокусэцу сказал это вскоре и сказав, оглянулся на Дзиробэя, тихо сидевшего у него за спиной. А у Дзиробэя все было как раз наготове — и плошка с водой, и струганая палочка-зубочистка с птичьим перышком на конце. Оба эти предмета он с боязливой аккуратностью разложил у изголовья хозяина, затем, как будто вспомнив о своей главной обязанности, он снова, теперь уже зачастив, стал призывать священное имя Будды. Рожденный и воспитанный в глухой деревушке в горах, Дзиробэй был простая душа: по нем, что Басе, что любому другому из людей — одинаково предстояло возродиться на Том Берегу, а значит, одинаково надлежало уповать на благостыню Амиды, будды Будущего.

Однако Мокусэцу, едва он произнес: «Воды», — тут же привычно усомнился, все ли десять тысяч способов и средств истощил он как ученый врач, и опять-таки, чтобы подбодрить себя, он тут же поглядел на сидящего рядом Кикаку и подал ему безмолвный знак. Это и был тот самый момент, когда в душе у каждого все вдруг напряглось, и блеснуло острое чувство: вот оно, наконец-то. Но почти одновременно с этим чувством, и это опять-таки неоспоримо, какое-то чувство расслабления, или, вернее сказать, чувство, сродное умиротворенности оттого, что неизбежное, в конце концов, наступило, чуство это испытал каждый. Но оттого, видимо, что это сродное умиротворенности чувство было исчезающе незаметно (до того незаметно, что навряд ли кто решился бы в нем признаться), только даже Кикаку, самый здравомыслящий среди них, когда он переглянулся с Мокусэцу, и оба с опасливой проницательностью прочли в глазах друг у друга одно и то же, даже Ки-

каку пришел было в ужас. Он поспешно отвернулся от Мокусэцу, но тотчас с бесстрастным видом поднял палочку с птичьим пером на конце.

— Итак, я начну, с твоего разрешения, — предупредил он Керая.

Окунув перышко в плошку с водой, он подполз на толстых коленях к постели и осторожно заглянул в лицо умирающего. Честно говоря, он, пожалуй, даже ожидал, или, скорее, представлял себе, как грустно ему будет объявить всем, что эта встреча с Учителем последняя в их жизни. И он обманулся. То, что испытал он на деле, разом перевернуло это его — отдававшее театром — представление. Ибо едва он приступил к Учителю с последней каплей воды, все его чувства омыло холодное безразличие. Мало того! Зловещий облик Учителя — кожа и кости, в буквальном смысле слова! — возбудил в нем такое яростное отвращение, что он почти вынужден был отвести глаза. Мы говорим: яростное, но этим еще не все сказано. Это был род самого невыносимого отвращения, имевшего даже физиологическое действие, словно бы Кикаку, не зная о том, вкусил невидимого яду. Может быть, его всегдашняя антипатия ко всему безобразному нашла свой выход в эту минуту? А может быть ему, одному из гедонистов Жизни, зримая реальность Смерти представилась теперь угрозой, исходящей от самой Природы, проклятой Природы как таковой?! Как бы то ни было, под влиянием невыразимой неприязни к предсмертному лицу Басе, он почти беспечально — увлажнил перышком эти, подернутые уже синевой, тонкие губы, скривился в недовольной гримасе и, поклонившись, отодвинулся от постели. Впрочем, когда он делал свой поклон, что-то похожее на угрызения совести шевельнулось было в его сердце, но оценивая это добродетельное движение души, следует учесть, что чувство отвращения оказалось, вероятно, слишком сильным.

Следом за Кикаку палочку взял Керай. После знака, данного Мокусэцу, он, кажется, вовсе утратил присутствие духа. Его с давних пор называли «само смирение». Между тем, когда он, поклонившись вместе со всеми Учителю коротким поклоном, придвинулся к его изголовью и посмотрел в его изнуренное болезнью лицо, он должен был, помимо воли, ощутить в себе некую удовлетворенность и раскаяние одновременно.

Удивительно! Эти чувства нельзя было отделить друг от друга, как солнечное место от тени, и в своей неразрывной взаимной связи они в последние четыре-пять дней постоянно тревожили этого осторожного, сдержанного человека. Ведь как только он узнал о серьезной болезни Учителя, он тут же взошел на корабль в Фусими и уже глубокой ночью, невзирая на поздний час, стучался в ворота Ханая Нидзаэмона. С этого времени он усердно ухаживает за больным. Мало того! Он обращается к Сидо, умоляя его о содействии, посылает людей в храм СумиVси, покровителя поэтов, чтобы те помолились там об исцелении от недуга, кроме того, посовещавшись с Ханая, распоряжается о приобретении разной до-

машней утвари. Он едва ли не одинок в этих многочисленных хлопотах и неутомим, как тележное колесо. Разумеется, он поступал так по своей охоте и потому отнюдь не считал, будто кто-то обязан ему благодарностью. Но сознание, что он всего себя отдает уходу за больным Учителем, исподволь и неизбежно сеяло в его душе семена великой удовлетворенности.

Правда, удовлетворенность эта была до времени совершенно безотчетна. Он и всегда так жил: все, что ни делал, — делал от доброго сердца. Иначе разве сказал бы он тогда, в беседе с Сико, — а они подолгу беседовали при свете бумажного фонаря, товарища бессонной ночи, в особенности же толкуя смысл понятия «сыновний долг», — так вот, разве сказал бы он, что намерен служить Учителю как служат родителю и пустился в длинное рассуждение об этом. Однако, очень довольный собой, он увидел тогда на лице Сико, человека дурного, мелькнувшую усмешку и внезапно осознал, что прежней гармонии в его душе более нет. Ибо в этот момент ему открылось, что в нем теперь одновременно существуют та самая удовлетворенность, впервые им замеченная, и беспристрастно-критическое отношение к ней.

Отныне, предаваясь неусыпным заботам о Басе в тяжком его недуге, когда нельзя было поручиться за завтрашний день, беспокоился ли он хотя бы о его здоровьи? И он уже напрасно глядел на свои старанья довольным взором. — Ему было стыдно, как это бывает в таких случаях со всяким честным перед собой человеком. Что бы он ни делал, противоречие между чувством удовлетворенности и раскаянием связывало Керая. И едва он натыкался глазами на улыбающееся лицо Сико, он все больше, с сугубой ясностью находил в себе это чувство и в результате все чаще с нарастающей строгостью помышлял о собственном ничтожестве.

И вот теперь, когда наступил час последнего глотка воды, нравственно опрятный, но неожиданно слабый нервами Керай под тяжестью названного противоречия вовсе утратил присутствие духа. Это было достойно сожаления, но вполне естественно!

Когда он взял палочку, внутри у него все как-то крепко сжалось, а когда он проводил палочкой с белым пером на конце по губам Басе, то уже не мог сдержать возбуждения: дрожь непрерывно сотрясала его.

К счастью, жемчужины слез отяжелили в тот миг его ресницы, и все остальные ученики, даже острый на язык Сико, истолковали причину возбуждения единственно скорбью.

Топорща плечи, обтянутые светлокоричневой мелкого узора тканью, Керай робко пробрался к своему месту, после чего вложил палочку в руки Дзесо.

Невозмутимый крепыш Дзесо, смиренно опустив глаза и что-то тихонько бормоча себе под нос, спокойно увлажнил губы Учителя. Его склоненная фигура выглядела в эту минуту весьма импозантно.

Неожиданно из угла гостиной послышался ужасный смех. По крайней мере всем показалось, что послышался именно смех. Доподлинный хохот! Поднимался он откуда-то из кишок; горло и губы не пускали его, но удержать не могли, и он будто клочьями извергался из ноздрей. Не то, чтобы все они утратили способность смеяться. Просто на самом деле это было рыданьем — рыданьем, с которыам, захлебываясь от слез, хотел совладать Сэйсю, но грудь его не выдержала, рыданье вырвалось на свободу и вознеслось к вершинам скорби. Быть может, многие из учеников вспомнили сейчас знаменитые строки Учителя, сложенные им в память об Иссе, так рано ушедшем:

Содрогнись, о холм!
Осенний ветер в поле —
Мой одинокий стон.

Оссю и сам едва не задыхался от слез, но для него в этих ужасающих рыданьях было что-то чрезмерное. Уж если тебе не хватает мягкой сдержанности, то напряги волю и справься с собой! Словом, он не мог не испытывать неприятного чувства, слушая рыданья Сэйсю. Но характер этой неприязни? До какой степени она шла от его разума? В голове прозвучало: «Нельзя!», но в какой-то миг сердце при звуках скорбного голоса Сэйсю содрогнулось, и глаза защипало от навернувшихся слез. Да, рыдания Сэйсю были неприятны ему. Юноша и потом неизменно держался того мнения, что плакать значит унижать свое достоинство. И все же сейчас слезы переполняли глаза. Оссю вцепился обеими руками в колени и всхлипнул.

Но не один Оссю слишком явно обнаружил свои чувства. Зашмыгал носом еще кто-то из сидевших в изножьи постели. Голос его прерывисто задрожал, сообщая свою дрожь печальному холоду гостиной. И среди горестных звуков Дзесо, покачивая четками из священной смоковницы, свисающими с запястья, по-прежнему степенно возвратился на свое место, а к изголовью придвинулся Сико, сидевший до этого напротив Кикаку и Кердя. Но, кажется, у хозяина хижины «Цветы на восходе», известного своей склонностью к иронии, были достаточно крепкие нервы, чтобы не поддаться настроению окружающих и не проливать напрасных слез. На его неизменно смуглом лице бродило неизменно-насмешливое презрение к людям. Со своей неизменной способностью превосходно держаться на встречном ветру, он одним легким движением увлажнил перышком губы Учителя. Все так! Однако бесспорно, что даже он испытывал сейчас, хоть и на свой лад, какое-то глубокое чувство.

Может быть, кости мои
Выбелит ветер. Он в сердце
Холодом мне дохнул. —

Дней пять тому назад Учитель промолвил: «Думал я, что умру на подстилке из травы, а изголовьем мне будет земля, и теперь я больше всего радуюсь от того, что сбылось мое заветное желание

и я покидаю сей мир на такой прекрасной постели». — и он повторил это не однажды, благодаря их за заботу. Но не все ли равно, где: среди выжженных ли зимою полей или в гостиной у Ханая Нидзаэмона?! Ведь только три-четыре дня назад их, подающих теперь Учителю последний глоток воды, беспокоило то, что он все еще не сложил своего предсмертного стихотворения. Еще вчера (!) они строили планы, как по смерти его они соберут его хокку в изборник. Даже сегодня, сейчас, об эту самую пору, они глядят на того, кто с каждой минутою приближается к своему концу, взором дотошного наблюдателя, словно бы находя в этом особую приятность! Если же сделать еще один шаг и прибегнуть к иронии, то отчего бы не предположить за этим их глядением соответствующей главы предбудущих «Записок на склоне лет», главы, которую они всенепременно напишут завтра или в другой свободный день?

Выходит, мненье о них поэтов из иных школ, сильные и слабые стороны собратьев-учеников, собственный интерес, — короче, все, что не имело никакого отношения к неминуемой смерти Учителя, — вот что, оказывается, управляло их головами, когда они ухаживали за ним?! Потому-то прав он, и сбывается угаданное в стихах: его кости выбелит ветер среди беспредельных выжженных полей человеческой жизни. И все они, его ученики, плачут не о кончине Учителя, они плачут о самих себе, утративших Учителя. Не о мастере, умирающем в нищете там, среди выжженных полей, печалятся они, а печалятся о самих себе, утративших мастера здесь, в сумерках этого вечера. Так что же, порицать их за это с точки зренья высокой нравственности? Они — люди, и жестокость свойственна им от рождения...

Отдаваясь таким безотрадным размышлениям, но и торжествуя при этом в душе, что он может им отдаваться, Сико закончил обряд, возвратил палочку с пером в плошку с водою и, обведя пристальным и насмешливым взглядом глотающих слезы учеников, неспешно занял свое прежнее место.

Почти все они, подобно добряку Кераю, с самого начала страдали от его равнодушия, и недавнее чувство тревоги опять, словно бы заново и с сугубою остротой охватило их. Один Кикаку делал вид, что это неприятно задевает его: ему, должно быть, наскучило всегдашнее стремление Сико сохранять хладнокровие во что бы то ни стало!

После Сико настувпила очередь Инэмбо. Поддернув из-под колен полы черной скорбной одежды, он прополз немного вперед, и тут, в какой-то неуследимый миг у Басе началась агония. Лицо его побледнело еще больше, дыхание стало прерываться, точно он время от времени забывал о нем. Потом как будто вспоминал, и горло, содрогнувшись, вздувалось, и бессильный воздух проходил, трогая увлажненные губы. Но уже в глубине горла два или три раза почти неслышно булькнула мокрота. Вдохи и выдохи постепенно ослабевали. И когда Инэмбо с белым перышком в руке склонился над изголовьем, он внезапно ощутил страх, и страх этот

не был связан с горестным предчувствием ухода Учителя. Это был едва ли не беспричинный страх того, что, может быть, он сам, первым, последует за Учителем! Но поскольку это был беспричинный страх, то испытав его однажды, он уже был не в силах ему противиться, как ни старался. Будучи одним из тех, кого самая мысль о смерти повергала в болезненный трепет, Инэмбо давно и часто задумывался о собственном смертном часе. Даже когда он скитался по стране, обходя местность за местностью ради прославления высокого искусства «хайкай», даже тогда он испытывал отвратительный ужас при этой мысли и обливался потом. Вследствии чего каждый раз, когда он слышал о чьей-нибудь смерти, он думал: как хорошо, что это не я! И это успокаивало его. Но одновременно он спрашивал себя: а что будет, если умру я? И он снова впадал в беспокойство.

Случай с Басё не составлял исключения... Это было в самое первое время, когда еще не так заметно было приближение конца... Солнце зимнего дня освещало седзи. Чистый запах нарциссов, присланных госпожой Сонодзе, струился в гостиной. Желая утешить Учителя, ученики расположились вокруг постели и стали слагать строфы стихов. Но все та же раздвоенность не отпускала Инэмбо, он мыкался в ней, словно бы то и дело попадая из тьмы на свет и из света во тьму. Когда же роковой час придвинулся к ним вплотную, когда в день первой зимней мороси — незабвенной, прославленной Мастером мороси — Мокусэцу, видя, как тот уже не в силах отведать даже любимых им груш, в смятении опустил голову, тогда спокойствие Инэмбо стало все плотнее обволакиваться беспокойством, пока не исчезло в нем вовсе. «А кажется, я скоро умру», — подумал Инэмбо. Тогда пришел страх и грозной холодноватой тенью накрыл его душу. Вот почему, когда он подсел к изголовью и тщательно, словно бы выводя надгробную надпись, задвигал белым перышком над губами Учителя, то, завороженный этим страхом, он вряд ли осмелился посмотреть ему прямо в лицо. Нет, не так! Один-то раз он, сдается, посмотрел, но именно в этот миг услышал он, как в горле у Басе тихонько булькнула застоявшаяся мокрота, и мужество, столь бережно им хранимое, рассыпалось в прах. И, сжимая небольшое свое тело в комок, он вернулся на место и сидел теперь, хмуря свое и без того хмурое лицо, сидел, стараясь отвести взгляд куда-нибудь вверх, чтобы не видеть ничьих лиц, и непрерывно слыша при этом собственный голос, звучащий где-то на самой глубине слуха: «Да, вслед за Учителем, может статься, умру и я. Наверное, мой черед...»

Потом один за другим совершили обряд Оссю, Сюйсю, Сидо, Мокусэцу.

Между тем, дыханье Басё становилось все скуднее, а дышал он все реже. Горло более не двигалось. Тронутое уже как бы воском, маленькое, в легких рябинах лицо, тускнеющие зрачки, вбирающие далекую пустоту, белые как серебро усы, свисающие к подбородку, — все, все, кажется, жило видением земли Тишайшего Света,

блаженной земли, куда ему предстояло сейчас отправиться — коченея от человеческой черствости.

А в это время Дзесо, ссидевший молча, наклоня голову, позади Керая, этот невозмутимый крепыш, дзэнский монах Дзесо, по мере того как дыхание Басе все приметнее ослабевало, начал ощущать, как в сердце его медленно вливаются безмерная печаль и — безмерный покой. Печаль, разумеется, неизъяснима. Но вот чувство покоя... То было удивительно ясное чувство: так холодный свет зари ширится мало-помалу в темноте ночи. В нем ежемгновенно тонула вся разнообразная путаница его мыслей и в конце концов самые слезы его обернулись прозрачно-чистой печалью, ничуть не жалящей сердца.

Радовался ли он тому, что изначальная душа Учителя одолеет, наконец, эту мнимую черту между жизнью и смертью и возвратится в яшмовые пределы Вечного блаженства? Нет, потому что и для него тут не было бы причины для радости. Да и кто бы стал попусту медлить, уж если отважился на подобную глупость?! Это чувство покоя, которое испытывал Дзесо, было на самом деле радостью избавления, когда хочется потянуться, размять замлевшие члены. Долго-долго сгибался его свободный дух в оковах давящей воли Басе. И все зря! Теперь былая сила вернулась к нему! И радуясь восторженной скорбной радостью, перебирая четки из дерева священной смоковницы и защищая веками взор свой, то есть как бы очищая оный от зрелища всхлипывающих учеников, он с легкой улыбкой, тронувшей края губ, склонился пред умирающим Учителем в глубоком политвенном поклоне.

Так, непревзойденный никем в искусстве поэзии великий наставник Мацуо Тосэй из Банановой Хижины, в окруженьи «безмерно скорбящих» учеников, неожиданно и внезапко окончил дни своей жизни.

сентябрь 1918 г.

Перевод с японского В.С.САНОВИЧА
Стихи даны в переводах Веры Марковой

Сто лет назад, 1 марта 1892 г., родился Акутагава РЮНОСКЭ (✝ 1927). Публикация в нашем вестнике новеллы «Нечто о выжженных полях» — знак уважения, любви и изумления силой таланта великого писателя.

Гаянэ АХВЕРДЯН

Мы, обратившиеся к Богу,
мы — не забывшие его Имя,
ни свет Его — нас так немного,
и все-таки — не так пустынно...

Мир населен, мир плачет с нами
и посылает сердцу вести
оливковые — с голубями,
свидетельствуя, что мы — вместе —

как листья ветки в изголовье,
как эти тоненькие корни,
проросшие одной любовью:
к земле приникшие покорно.

Это стихотворение и два следующих (Игоря Меламеда и Вардвана Варжапетяна) — из журнала «Ветер», который издает в Ереване тиражом 10 (десять) экз. Гаянэ Ахвердян.

Гаянэ АХВЕРДЯН: Замысел рукописного журнала «Ветер» — литературного альманаха, объемом со школькую тетрадку, возник в августе 1989 г. Стихийно собрались стихи, рисунки, фотографии... Так возник первый выпуск «Ветра». И так же стихийно он разлетелся, как разлетались в дальнейшем страницы этих «тетрадок». География ветра была обширной, хотя возник он здесь, в Армении, в городе Ереване. Но имена авторов «Ветра» составляли одну РОЗУ ВЕТРОВ.

«Ветер» как возник, так и закончился летом. До июля 1991 г. собралось двенадцать «тетрадок» — со стихами, прозой, другими пестрыми страницами...

Игорь МЕЛАМЕД

Памяти Арсения Тарковского

Так светло свершалось отпеванье,
Точно это былоألупованье
на него, обласканного там...
Словно отделенные стеною,
целованье клали костяное
на чело, открытое устам.
Тяжесть гроба сковывала плечи,
а ладья плыла уже далече
и легка была, как колыбель.
И едва ступившего на сушу,
целовали мальчика Арсюшу,

постелили чистую постель.
Эта чаша выпита бессрочно.
Но такое утро было, точно
расцветало новое родство.
Обернулось явью вероятье:
сын любимый, в о т ч и е объятья
молча заключающий его.
А внизу средь пения и зноя
смертью пахла сложенная хвоя.
Свет скользил по желтому лицу.
И теряя скорбное значенье,
пребывали в странном облегченье
и молились Сыну и Отцу.

Вардван
ВАРЖАПЕТЯН

Памяти
А.Е. Лазебникова

ПОТОП

«После нас хоть потоп!»
Простите, но почему — после?
Ведь мы все только и жили потопом:
грандиозно задумали,
научно обосновали,
ударно трудились,
столько трубили о величайшей стройке,
орденами награждали потопостроителей,
при жизни их отливали в бронзе,
а теперь он, выходит, не нужен?
Нет, самое время потопу!
И счастливого плаванья
тому, кто сам без греха.

КОВЧЕГ

Инна
ЛИСНЯНСКАЯ

Сквозь сон я чувствую плечом
То птицу, то зверька и даже
Сквозь сон толченым кирпичом
Я оттираю медь от сажи, —

Дверную ручку и мою
Мучительницу — керосинку,
И все о будущем пою,
Пою и плачу под сурдинку.

А копоть, мягко воспарив
Под самый потолок ночлега,
Витает, словно негатив
Когда-то виденного снега.

Не вижу неба и земли,
Не вижу моря и не слышу,
Да и не вспомню, как пришли
Под эту временную крышу.

И сколько дней и сколько лет
Прошло в вялотекущей сваре,
Меж нами праведников нет
И всякой твари не по паре.

Пьет брат угрюмо, а сестра
От скуки ненавидит брата,
И далеко нам до утра,
И далеко до Арарата.
Творцы и потребители утопий,
Витийствуем и не подозреваем,
Что этот мир — потоп и что в потопе
Мы до сих пор всем миром пребываем.

Скрипит луны космическая шлюпка,
Расшатана и Звездная Телега,
А наша белопенная голубка
Еще не выпущена из ковчега.

1979

(«Литературная Армения», 1989, № 5)

Инна ЛИСНЯНСКАЯ родилась в 1928 году в Баку. Училась на филологическом факультете Азербайджанского государственного университета. Первые стихи напечатала в 1948 г. Автор изданных в Москве сборников «Верность», «Не просто любовь», «Из первых уст», «Виноградный свет» и опубликованных за рубежом книг «На опушке сна», «Дождь и зеркала». Участвовала в альманахе «Метрополь», в знак протеста против исключения из Союза писателей двух молодых прозаиков вышла из Союза писателей в 1980 г. Восстановлена в Союзе в 1987 г.

Зовем авторов

ТЕМЫ:

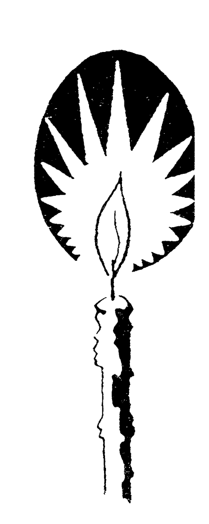
О национальной ответственности интеллигента.

Карабахский узел: развязывать или рубить?

Армения и Турция — враги или соседи?

Евреи и армяне — народы Книги.

Армянский антисемитизм.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

К сожалению, первый выпуск «Ноя» выходит только на русском языке, — нет денег, чтобы издать вестник также на иврите, армянском, английском.

Уважаемые читатели, если вы считаете, что мы делаем доброе и нужное дело, помогите нам. Средства, которые вы пожертвовали прежде, израсходованы на гонорары авторам, бумагу, типографские работы. Зато мы никому не должны ни копейки.

Мы обращаемся к читателям и издателям в Израиле, США, Франции, к владельцам книжных магазинов, продающих литературу на русском языке — мы заинтересованы, чтобы «Ной» читали не только в России, и с благодарностью примем руку помощи или сотрудничества.

Мы обращаемся к авторам: страницы нашего издания открыты для всех (независимо от национальности), кому есть что сказать о прошлом, настоящем, будущем евреев и армян.

Мы отвечаем на письма. Мы рецензируем и возвращаем (ведь это ваша собственность!) рукописи. Но главное — мы их печатаем!

Спасибо вам!

РЕДАКЦИЯ

Содержание

Издание подготовлено редакцией армяно-еврейского вестника
«НОЙ» совместно с издательством еженедельника Моссовета
«Столица»
Редакторы В.Варжапетян, М.Тартаковский
Главный художник В.Петров
Обложка выполнена художником М.Ибшманом
Контактный телефон 928-23-49
Телефакс 921-29-85
Набор, верстка, изготовление макета и готовых полос
выполнены
на редакционно-издательской системе «Скантекст-2000» фирмы
«Аутопан» (ФРГ)
101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22
Подписано в печать 8.03.92
Формат 84 x 108 1/32
Бумага офсетная
Тираж 1000 экз.

Заказ № 308.
ПО „СОВИНТЕРВОД"

НОЙ

נח

תשנ"ב • א

